

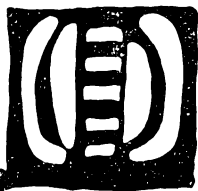
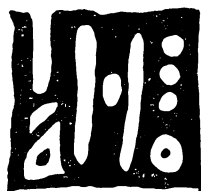

Глеб Голубев

СЛЕДСТВИЕ СКВОЗЬ ВЕКА

Глеб Голубев
СЛЕДСТВИЕ
СКВОЗЬ ВЕКА

**Часть
первая**

Тайна покинутых городов

Письмо было в хрустящем конверте из коричневой плотной бумаги.

Он повертел его в руках, разглядывая пеструю марку, а потом, сдерживая нарастающее нетерпение, начал осторожно вскрывать большими ножницами. Встряхнул конверт, из него выпал голубоватый листок бумаги. Она тоже приятно похрустывала в руке. Четким, стремительным почерком на ней было написано:

«Глубокоуважаемый сеньор Буланов!

Рад сообщить вам, что все формальности, слава пресвятой деве, наконец-то улажены. Вы можете принять участие в нашей экспедиции на правах врача, если, конечно, ваши планы и намерения не изменились...»

Андрей негодуяще фыркнул и стал читать дальше, наслаждаясь тем, как хорошо он, оказывается, все-таки овладел испанским языком.

«...В том чудесном городке, который мы раскапываем уже третий год, мне посчастливилось, кажется, найти для вас отличную гробницу. Уверен, ее никто еще не тревожил, так что есть полная возможность проверить вашу гипотезу.

Кстати, она получает, кажется, еще одно подтверждение. Мой старый друг сеньор профессор Диего де Сармиенто, с которым мы регулярно обмениваемся новостями, прислал мне из Мадрида любопытное сообщение. В одном из монастырских архивов ему удалось обнаружить документ времен Кортеса, содержащий упоминание о каких-то эпидемиях, свирепствовавших издавна среди индейцев майя в глухих, отдаленных уголках Мексики и Гватемалы. Это должно вас заинтересовать. Если ваши планы почему-либо изменились, я пришлю копию его письма. Но, надеюсь, в этом не будет нужды: вы сами прочитаете его, когда приедете в Мехико.

Я жду вас не позднее десятого января, и мы сразу отправимся в путь. У нас очень мало времени для поисков и раскопок до начала сезона дождей.

Прошу принять мои самые теплые пожелания всяческих успехов и благополучия вам и всему вашему семейству!

Искренне уважающий вас

Альварес дель Андо,
профессор археологии.

Дочитав письмо до конца, глубокоуважаемый сеньор Буланов, он же кандидат медицинских наук А. М. Буланов, выкинул странную штуку. Держа письмо перед собой в далеко вытянутых руках, он начал танцевать, громко напевая слова пошлейшего танго, услышанные неведомо от кого и где в далеком детстве и с тех пор, оказывается, почему-то застрявшие в глубинах его подсознания:

В далекой сказочной и знойной Аргентине,
Под солнцем Мексики, палящим, как опал,
Где в людях страсть пылает, как огонь в камине...
Я никогда в тех странах не бывал.

Он проделывал это довольно долго — раскачиваясь, подвывая и особенно многозначительно выделяя слова: «Под солнцем Мексики... стрррррасть... не бывал!»

Если бы кто заглянул в это время в комнату, то глубокоуважаемого сеньора Буланова наверняка при-

няли бы за сумасшедшего. Хотя, впрочем, в Ученном городке видали и не такое. Тут чудачков хватало.

Оборвав свое дикое пение на полуслове, Андрей остановился прямо посреди комнаты и начал снова так поспешно перечитывать письмо, будто опасался, что все ему только померещилось и заветные слова вдруг исчезнут, испарятся с голубоватой бумаги.

Но все слова, к счастью, остались на месте и не изменили своего смысла.

«Вот, оказывается, как обыденно приходит осуществление заветнейшей мечты», — философски подумал он, бережно засовывая письмо обратно в конверт и пряча его в стол.

А мечтал уже давно Андрей Буланов о том, как бы разгадать, наконец, тайну покинутых городов древних майя, над которой не одно столетие ломали себе головы многие исследователи в разных странах мира.

Немало загадок оставил археологам этот удивительный народ, создавший еще на рубеже нашей

эры могущественное государство в тропических лесах Мексики и Гватемалы. Древние майя не знали колеса, но вели точнейшие астрономические наблюдения и разработали календарь, более совершенный, чем нынешний. Они не знали плуга, но подарили человечеству такую ценнейшую культуру, как кукуруза.

В дебрях влажных тропических лесов древние майя строили большие города, возводили величественные храмы и ступенчатые пирамиды.

А потом вдруг произошло нечто загадочное и непонятное...

Каждый раз, когда древние строители возводили новое здание или монумент, они отмечали на нем иероглифами точную дату этого события по своему календарю. Кроме того, через определенные отрезки времени на городских площадях воздвигали специальные каменные обелиски — стелы с точными датами; по предположению некоторых исследователей, таким образом отмечалась смена правителей.

По этим «каменным летописям» археологам удалось проследить всю историю майя с древнейших времен, но только до девятого века нашей эры. На этом загадочном рубеже она таинственно обрывается. Ни в одном городе по всей стране памятных стел больше уже не возводят. Течение времени словно прекращается.

Видимо, жители почему-то покинули свои города. Но куда они делись?

Сначала археологи считали, будто народ майя, оставив по непонятным причинам свои древние города, переселился на несколько сот километров к северу, на полуостров Юкатан, и там основал Новое царство, просуществовавшее еще шесть столетий, пока его не разрушили испанские захватчики — конкистадоры.

«Чтобы наглядно представить себе чудовищный и совершенно непонятный характер этого происшествия, — писал один из исследователей, — вообразим, к примеру, что французский народ (весь на-

род без исключения), имевший уже за своими пледами тысячелетнюю историю государства, вдруг нежданно-негаданно переселился бы в Марокко, чтобы там основать новую Францию, что он покинул бы свои храмы и свои большие города, что жители внезапно ушли бы из Марселя, Тулузы, Бордо, Лиона, Нанта и Парижа! Более того: едва успев прибыть на новое место, они принялись бы за сооружение того, что они только что оставили на произвол судьбы, — храмов и городов...»

Так думали ученые до недавнего времени. Но за последние годы раскопки в Юкатане показали, что многие города Нового царства имеют также весьма древнюю историю. Значит, их вовсе не построили переселенцы из покинутых городов юга. Они существовали и раньше.

И в этих городах, похоже, постройка памятных стел прерывается в девятом веке нашей эры! Но позднее они опять стали крупными центрами — после вторжения на Юкатан тольтеков из Центральной Мексики. Обновляется их архитектура, меняются обычаи жителей. И многие из этих возрожденных городов просуществовали до прихода испанских завоевателей в шестнадцатом веке.

А древние города на юге? Испанские хронисты о них ничего не упоминают. Видимо, города эти к тому времени уже давно превратились в развалины, поглощенные жадным лесом.

История народа майя богата разными загадками, но самой темной и непонятной из них остается, пожалуй, тайна покинутых городов. Почему древние майя оставляли свои удобные, никем не разрушенные дома, покидали свои дворцы, храмы, великолепные площадки для ритуальных спортивных игр, строившиеся с таким трудом годами, и уходили прочь?

Зачем, почему они это делали — никто теперь не знает. Прячущиеся в лесах развалины древних покинутых храмов и городов украшены скульптурными иероглифами, которые мы пока не научились как следует читать. Письменность древних майя забыта. Все

их документы и книги варварски сожжены испанскими монахами на кострах.

Вот эта-то удивительная загадка и не давала давно уже покоя Андрею Буланову, как, впрочем, и многим другим людям на земле.

Для ее объяснения выдвигались разные гипотезы. Одни утверждали, будто майя покинули города, повинувшись каким-то таинственным предписаниям своей древней религии, о которой мы теперь ничего толком не знаем. Другие не видели в этом событии никакой мистики и пытались объяснить его чисто экономическими причинами. Поскольку древние майя не знали плуга и пользовались так называемым подсечным земледелием, говорили они, то, когда земля переставала давать хорошие урожаи, им приходилось бросать истощенные поля и осваивать новые целинные участки, вырубая и выжигая лес. Вот и вся разгадка.

Может, народ майя был вынужден покинуть свои города под натиском каких-то вторгшихся завоевателей? Но развалины древних зданий не сохранили никаких следов кровопролитных сражений.

Да и кто мог помериться с ним силами? Государство майя спокойно процветало почти тысячу лет, тогда как история его западных соседей оказалась весьма запутанной и бурной. За это время в Центральной Мексике произошло немало крупных перемен. Древнейшую «культуру Madre»*, которая дала начало и цивилизации древних майя, здесь сменило государство загадочных ольмеков, оставивших после себя в глухих джунглях огромные скульптурные головы, вытесанные с тончайшими деталями из несокрушимого базальта и весящие до тридцати тонн каждая. Ольмеков вытеснили теотихуаканцы и наследники их, «великие строители» — тольтеки, воздвигнувшие на равнинах неподалеку от нынешней мексиканской столицы величественные пирамиды Луны и Солнца, далеко превосходящие своей грандиозностью прославленные египетские.

Это могущественное государство пало под натис-

---

* Мать (исп.).

ком кочевых воинственных племен, вторгшихся с севера. Тольтеки были вынуждены покинуть свои пирамиды и храмы и, отступая все дальше на северо-восток, в десятом веке вторглись в страну майя, на Юкатан. С их приходом пробудились к новой жизни давно уже покинутые к тому времени по непонятным причинам города. Именно после вторжения тольтеков и начался здесь вторичный недолгий расцвет, названный историками периодом Нового царства майя.

А в Центральной Мексике, подавляя одно племя за другим, начала подниматься грозная империя ацтеков, чтобы вскоре погибнуть одновременно с государством майя под ударами испанских завоевателей — конкистадоров.

«Эта история дает единственный в своем роде пример насильственной смерти цивилизации, — меланхолически заметил один историк. — Ей нанесли удар в пору ее расцвета, ее уничтожили грубо и насильственно, она погибла, как подсолнух, у которого случайный прохожий сорвал головку...»

Но ведь произошло это лишь через шесть столетий после того, как древнейшие города майя покинули их жители, чтобы уйти неведомо куда, и никто пока не может объяснить удивительной загадки.

Ломая над нею головы, историки пытались сослаться на различные стихийные бедствия: землетрясения, высыхание колодцев или, наоборот, наводнения, вызванные внезапными переменами климата...

У Андрея была своя гипотеза для объяснения вековой тайны. Он считал, что народ майя изгнала из городов какая-то губительная болезнь. В стране начались эпидемии, возможно, связанные с природными условиями этих мест, — науке известно немало опасных болезней, поражающих людей только в строго определенных районах: таежный энцефалит грозит людям лишь в лесах, где встречаются особые виды клещей, его хранителей и переносчиков; чумные бактерии в перерывах между эпидемиями сберегают в своих норах обитатели степей — сурки, суслики и тарбаганы; ришта и пендинская язва встречаются лишь в некоторых оазисах Средней Азии.

Возможно, какая-то болезнь таилась и в тропических лесах Гватемалы и Мексики. И вот, чтобы спасти народ от полного вымирания, жрецы объявили, будто разгневанные боги приказывают людям покинуть насиженные, обжитые места и переселиться в другие края.

Подобные предположения высказывались некоторыми исследователями и раньше. Но Буланов подробно обосновал свою гипотезу, собрал много любопытных фактов, как будто подтверждающих ее. Его статью опубликовал солидный научный журнал. В разных странах мира ею заинтересовались многие ученые, занимающиеся загадками древних майя, в том числе и мексиканский археолог профессор Альварес дель Андо.

Он написал теплое большое письмо Андрею, тот немедленно ответил. Завязалась постоянная переписка, сделавшая их единомышленниками и заочными, так сказать, друзьями, которые пока еще ни разу в жизни не виделись, но уже хорошо знали друг друга.

Почему он увлекся загадкой давно исчезнувшего народа, Андрей и сам не мог бы толком объяснить. Какое, в сущности, было до нее дело ему, молодому медику, влюбленному в свою микробиологию и уже работавшему над солидной докторской диссертацией, несмотря на свои двадцать восемь лет?

Может, это было просто «стремление жить во все стороны», как говаривал в свое время Герцен, — естественное желание как-то компенсировать, возместить ту калечащую человека однобокость, которая неизбежна при нынешней узкой специализации? Во всяком случае, таких людей, вдруг увлекающихся весьма далекими от их основной профессии проблемами, с каждым годом становится все больше и больше — видно, это знамение времени.

Особенно много таких увлеченных, упрямо сующихся «не в свои дела», было здесь, в Ученом городке, возникшем за несколько лет среди сибирской тайги. Тут математики занимались расшифровкой загадочной письменности древних майя с помощью новейшей электронно-вычислительной машины, а седовла-

сые академики увлеченно обсуждали со школьниками самые фантастические проекты, сидя прямо во дворе под лозунгом, выведенным неровными огромными буквами на куске фанеры: «Чудаки украшают мир!»

Так что увлечение Андрея Буланова никого вокруг особенно не удивляло, и он вовсе не чувствовал себя одинокой «белой вороной». Над ним порой подшучивали друзья, но — с уважением.

Он выучил испанский, чтобы следить за всеми новейшими публикациями мексиканских археологов. Он пытался сам разбирать причудливые иероглифы древних майя, хотя, признаться, и без особого успеха. Во всяком случае, и Ю. В. Кнорозов и электронно-счетная машина его в этой области обогнали...

Чтобы самому овладеть техникой раскопок, он уже два лета тратил свой отпуск на поездки с археологическими экспедициями по Сибири и Средней Азии, работая простым землекопом.

Андрей собрал у себя дома богатейшую коллекцию книг по истории древних майя, этому собранию завидовала даже солиднейшая библиотека Ученого городка и в затруднительных случаях обращалась к нему за помощью.

Он повторял, как заклинание, заключительные слова книги одного из исследователей покинутых городов:

«...В любой момент даже случайное открытие может походя разрешить многовековую загадку. Огромные районы Древнего царства майя еще совершенно не исследованы. Река Усумасинта несет свои воды мимо бесчисленных древних городов, которых не касалась еще рука археолога. В джунглях Петена и в центральной части Юкатана находится несметное множество разрушенных храмов и акрополей. Горные районы Гватемалы и Гондураса буквально усеяны холмами-пирамидами и наполовину сохранившимися постройками. Подобно Стефансу, Моудсли, Томпсону и Русу, новое поколение ученых станет изучать загадки цивилизации майя. И эти исследователи вырвут в конце концов ее тайны у безмолвных джунглей.

Что может быть привлекательнее и почетнее этой задачи?..»

Андрей мечтал поехать в Мексику и проверить свою гипотезу. Снова и снова, рассматривая карту, он повторял колдовские имена: Алтарь Жертв, Бонампак, Пьедрас Неграс, — хотя прекрасно знал, что окрестили так совершенно произвольно эти руины романтически настроенные исследователи, а как на самом деле назывались древние города — никто на свете не знает...

Для практики в испанском языке Андрей часами заводил магнитофон, и тоскующие голоса трио Лос-Панчос сменялись такими же страстными жалобами Лос-Мехиканос, без конца и усталости твердивших все об одном — о «triste historia de amor...»*.

Что из того, что его гипотезой заинтересовался профессор Андо и другие ученые? Пока она оставалась такой же любопытной, но недоказанной, как и все остальные.

Нужно еще доказать, что народ майя изгнала из древних городов именно болезнь, какая-то эпидемия. А как это проверить через тысячу с лишним лет?

«Если в самом деле много веков назад в древних городах майя свирепствовала какая-то эпидемия, то болезнь передавали от одного человека к другому микробы. Надо их обнаружить и предъявить всему миру. Это будет бесспорное, неопровержимое доказательство», — писал в своей статье Андрей Буланов.

Микроорганизмы — самые живучие существа из всех порожденных природой. Они могут жить даже в космическом пространстве и внутри атомных котлов. Совсем недавно удалось в Антарктиде, пробуравив глубокую скважину, найти под тридцатиметровой толщей льда скопление микробов. Судя по толщине ледяного слоя, они пробыли в этом природном холодильнике не менее трех тысяч лет, но прекрасно жили и начали бурно размножаться, когда их поместили в термостат с питательной средой!

---

* «Печальная история любви» (исп.).

Поэтому есть все основания надеяться, доказывал Андрей, что в могилах древних майя, умерших много веков назад, до сих пор сохраняются погубившие их микробы.

«Особенно перспективны для исследования захоронения жрецов или знатных вождей, — писал он в своей статье тем суховато-канцелярским стилем, который, как ему казалось, больше приличествует для солидного научного журнала. — Их тела не всегда кремировали, как считалось раньше со слов епископа Ланды. Такой обычай был принесен тольтеками. А в более давние времена, в эпоху «покинутых городов», тела покойных помещали в специальные камеры, которые устраивались под фундаментами храмов. Примером такого захоронения может служить знаменитая «царская гробница», обнаруженная и вскрытая несколько лет назад в Паленке известным мексиканским археологом Альберто Русом.

Раскопки этой гробницы доказали, что после похорон камеры тщательно заделывались. Это гарантировало длительную сохранность всей находящейся в такой погребальной камере микрофауны.

Если удастся обнаружить еще нетронутую древнюю гробницу среди развалин одного из покинутых городов, то вскрытие ее должно быть со всеми предосторожностями произведено специалистом-микробиологом, чтобы не занести в погребальную камеру современные микроорганизмы...»

Разумеется, в статье ничего не говорилось о том, что самым подходящим человеком для таких исследований был, конечно, кандидат медицинских наук А. М. Буланов, но подобный вывод напрашивался как-то невольно сам собой...

Чтобы интерес к микробам, возможно погубившим древних майя, не выглядел слишком отвлеченно-академическим, Андрей специально остановился в статье и на том, какое значение могли бы иметь эти исследования для современной медицины.

Возможно, обнаруженные в погребальных камерах микроорганизмы будут чем-то отличаться от существующих теперь видов или даже окажутся совсем

иными, сейчас уже на земном шаре не встречающимися.

Буланов напоминал о том, как успешно и быстро эволюционируют микробы и приспосабливаются к меняющимся условиям. За последние годы многие антибиотики, еще недавно казавшиеся чудодейственным спасительным средством, перестали вдруг служить защитой от некоторых опасных болезней: микробы «привыкли» к ним. Пенициллин, например, спас в свое время миллионы жизней. Но вот недавно опубликованы точные данные, что теперь от воспаления легких умирает в Америке детей даже больше, чем в тридцатые годы — до открытия этого антибиотика. Пенициллин уже бессилён их защитить от коварно изменившихся микробов.

Эти сложные и таинственные изменения в мире микробов стали одной из интереснейших и важнейших проблем, над ней бьются сейчас медики всего мира. (Занимались этим и в институте, где работал Андрей.) И не исключено, что микроорганизмы, добытые из захоронений древних майя, помогут лучше разобраться в законах изменчивости возбудителей некоторых болезней и найти новые средства борьбы с ними.

Возможно и другое: в тропиках, привезенных из тропических лесов, посчастливится найти какие-нибудь формы, которые послужат материалом для создания новых антибиотиков, способных защитить людей от современных болезней. В поисках таких материалов сейчас отправляют специальные экспедиции в самые различные уголки планеты. А тропические леса Центральной Америки еще мало изучены в этом отношении...

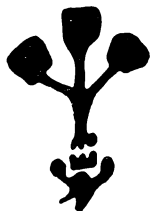
Одним словом, наступление было развернуто сразу по нескольким фронтам.

И вот теперь, как-то даже совсем неожиданно для самого Андрея, возникала реальная возможность проверить все эти предположения! Радость и опасения, бушевавшие в душе нашего героя, попеременно бросали его то в жар, то в холод.

Теперь перед ним вдруг совершенно реально и

вплотную встала труднейшая задача, о грандиозности которой ему раньше всерьез даже не думалось: как убедить начальство в том, что кандидату медицинских наук А. М. Буланову в самом деле совершенно необходимо бросить важную и срочную работу в институте и на несколько месяцев отправиться в дремучие леса на берегах какой-то реки Усумасинты для того, чтобы копаться там в древних гробницах с целью проверки весьма шаткой гипотезы...

Окаменевшая улыбка

Вопреки распространенному мнению и среди начальства иногда встречаются романтики, особенно в таких местах, как Ученый городок.

Андрей не только получил командировку на три месяца, но и разрешение захватить с собой различное лабораторное оборудование, — разумеется, под его строжайшую материальную ответственность.

Так заветная мечта сразу приобрела уже совершенно неожиданный буднично-деловой вид служебной командировки. Андрею даже некогда было удивляться и радоваться этому. Целыми днями он бегал по складам, лабораториям и разным учреждениям, а вечерами, словно студент-первокурсник, зубрил, схватившись за голову, симптомы всяких экзотических тропических болезней, роясь в толстенных справочниках и делая пространные выписки, весьма подозрительно смахивающие на шпаргалки. Ведь ему придется выполнять обязанности экспедиционного врача. А кто знает, какие сюрпризы готовит для микробиолога, никогда не занимавшегося врачебной практикой, коварный Великий Лес?

Сборы отнимали уйму времени. Но все-таки ино-

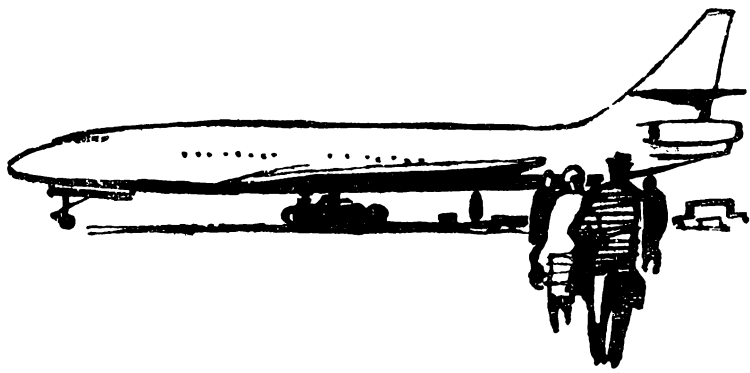
гда, пробегая с поднятым заиндевевшим воротником по дороге с одного склада в другой по Морскому проспекту, вдоль которого неистово дул, словно в трубу, ледяной ветер, Андрей вдруг словно спотыкался и начинал с некоторым изумлением озираться вокруг.

Мороз лютует. Загораются веселые огни в огромных окнах Дома ученых. Ребятишки с веселым визгом летят с горки, подложив под себя школьные ранцы и портфели. Рассевшись на ветках заснеженных сосен, за ними с интересом наблюдают белки и, обмениваясь впечатлениями, забавно цокают, распушив пышные хвосты.

Да полно, существуют ли на свете эта самая река Усумасинта и затерянные в тропическом лесу города? Может, Альварес просто подшутил над ним?..

Постояв так, Андрей встряхивал головой и бежал дальше по своим делам. И так вот — с разбегу — очутился он в один прекрасный морозный день на аэродроме, поживаясь в легком летнем плаще. Пальто взять с собой он решительно отказался — значит, все-таки верил в существование «солнца Мексики, палящего, как опал»...

С трудом шевеля посиневшими губами, он отвечал

на шуточные напутствия друзей, а сам с тревогой поглядывал на солидную гору всяких ящичков и свертков, которые предстояло в целости доставить на другой конец земли. Багажа у него получилось много, и, главное, все это был груз хрупкий, громоздкий и деликатный, требующий осторожного обращения, — пробирки, инструменты, стекло.

— В Мексике согреюсь, — успокаивал он друзей.

Но когда самолет приземлился в аэропорту Мехико и Андрей в своем легком плаще вылез на трап, его восторженное лицо резанул такой ледяной ветер, словно он и не улета́л никуда из Сибири.

Нет, пожалуй, тут согреться не удастся. Ветер гулял по пустынному бетонному полю аэродрома, громяхая рифленным железом крыш. И снег сверкал на вершине горы, маячившей на горизонте.

«Вот тебе и тропики... Вот тебе и солнце Мексики, палящее, как опал», — подумал Андрей, поднимая воротник плаща и высматривая в толпе встречающих профессора Альвареса.

Как он выглядит, Андрей не знал. Никогда не видел даже его фотографии. Знал только, что профессору пятьдесят два года, и теперь с высоты трапа

пытался высмотреть кого-нибудь в этом возрасте с наиболее ученой внешностью.

Может, вот этот — в золотых очках, с почтенной сединой, выглядывающей из-под черной шляпы?

Андрей уже направился к нему, издали еще начав приветливо улыбаться и помахивать рукой. Но его опередила какая-то накрашенная девица, с радостным визгом бросившаяся на шею мнимому профессору.

А растерявшегося Андрея вдруг по-медвежьи облапил и притиснул к широкой груди какой-то толстяк в кожаной курточке и крикнул ему прямо в ухо:

— Наконец-то, мой молодой друг! Как я рад вас видеть! Хорошо долетели? Где багаж?

Андрей ничего не успевал ответить, покорно повертываясь в руках экспансивного профессора, словно тряпичная кукла.

Потертая курточка, из которой выпирает весьма солидный животик, небрежно расстегнутый ворот клетчатой рубахи, черные пиратские усы на багровом обветренном лице — может, это вовсе не профессор, а шофер, которого прислали встретить его? Хотя, впрочем, шофер едва ли позволил себе так непринужденно обращаться с заморским гостем. Это все-таки профессор Альварес.

— *Madre de Dios* *! Где же ваш багаж, я спрашиваю? — допытывался он, выпучив налитые кровью глаза и грозно шевеля усами. — Ага, понятно, вы стесняетесь говорить, боитесь за свое произношение. Это бывает. Но ерунда! Вы же прекрасно овладели испанским, сужу по письмам. Давайте мне квитанции, а то вас продержат тут до вечера, знаю я наших таможенников.

Альварес выхватил у Андрея из рук квитанции на багаж и, расталкивая всех, исчез в толпе, крикнув уже издали:

— Ждите меня здесь! Ни шагу отсюда!

Андрей не успел толком опомниться, как Альварес уже вернулся и потянул его за руку к стойке, где оформляли паспорта.

---

* Матерь божия! (*исп.*).

— Muy bien! * Все в порядке. Мои chamacos ** заберут багаж, — и, поставив Андрея перед каким-то строгим чиновником в расшитом мундире, так же решительно и напористо продолжал, уже обращаясь к стражу порядка: — Это мой гость, очень талантливый советский ученый. Вот его документы.

Казалось, не было на свете преград, которые могли бы задержать профессора Альвареса. Все формальности оказались закончены в несколько минут.

— Vamonos! *** — Альварес подхватил Андрея под руку, выбежал с ним на площадь перед зданием аэровокзала, втолкнул в какую-то машину (Андрею показалось: в первую попавшуюся), сам сел за руль. Машина бешено рванулась с места, едва не сшибив полицейского, погрозившего им кулаком.

Они мчались в потоке громяющих машин, окутанных рыжей пылью.

— Ну, как вам нравится Мехико? — повернулся Альварес к Андрею.

Тот только слабо пожал плечами и робко улыбнулся.

— Немножко холодновато, но это лишь здесь, на аэродроме. Две тысячи триста метров над уровнем моря, ничего не поделаешь. Но в городе будет жарко, вот увидите.

Когда они въехали в город, Андрею в самом деле скоро стало жарко — от того, как бесшабашно и лихо вел профессор машину.

Он мчался по улицам, не переставая болтать и не глядя по сторонам, словно его машина была единственной во всем огромном городе. Но вокруг и наперерез им мчались еще тысячи машин, многие из них, как успел заметить Андрей, были украшены весьма недвусмысленными угрожающими надписями — кличками: «Ураган», «Бык». И каждый водитель тоже явно был твердо уверен, что, кроме него, никого больше на улице нет...

---

* Отлично! (исп.).

** Мальчики (исп.).

*** Идем! (исп.).

Похоже, профессор целиком и полностью полагался на талисман — небольшую пестро раскрашенную фигурку какого-то святого в терновом венце, бешено раскачивавшуюся на веревочке перед ветровым стеклом.

— Проспект Инсурхентес. Длина тридцать километров. Нравится? Площадь Трех Культур... А это наш Музей антропологии, — отрывисто пояснял Альварес.

Но Андрей ничего не видел вокруг, кроме пляшущего перед носом бедного святого. Дома и памятники мелькали, словно в калейдоскопе.

— Вот мы и дома, — сказал Альварес, так резко и внезапно затормозив, что Андрей едва не вышиб лбом ветровое стекло. — Добро пожаловать! — добавил профессор по-русски и подмигнул своему ошеломленному гостю.

— Однако... Как вы здорово ездите, — пробормотал Андрей, потирая лоб.

Альварес принял это за восторженную похвалу и скромно ответил:

— О, здесь, в городе, трудно развернуться. Но по шоссе... По хорошему шоссе я люблю прокатиться.

— Да, у вас в Мехико довольно сложное движение, — согласился Андрей.

— Ну, пустяки, ничего сложного. Надо просто следить, чтобы не налететь на впереди идущую машину. Вот и все.

— А если вас стукнет сзади другой шофер? Нас се-

годня дважды чуть не сшибли на перекрестках, вы не заметили?

Профессор философски пожал плечами:

— Это уж его вина.

Альварес не давал Андрею опомниться и дальше. Познакомил его с женой и двумя дочками, которых Андрей даже не успел толком рассмотреть, потому что профессор уже тянул его за рукав:

— Пойдемте, мой друг, я покажу вам вашу комнату.

Комната была небольшая, уютная, с двумя окнами в сад. Смущенный Андрей пробовал сказать:

— Но я боюсь вас стеснить, профессор... Я буду лучше в гостинице...

Но Альварес только замахал руками и повел Андрея обедать.

Обед был длинным, с горячими тостами и загадочными блюдами, очень походившими друг на друга обилием жгучего перца, так что при всей своей любознательности Андрей не мог сделать больше двух-трех пробных глотков — и сразу кидался заливать пожар во рту ледяной водой.

Только после обеда он немножко пришел в себя, когда они уединились с Альваресом в его пропахшем табаком кабинете, в полном беспорядке заваленном книгами, картами, походным снаряжением, обломками каких-то глиняных черепков и даже костями.

Над письменным столом висела гипсовая маска. Увидев ее, Андрей долго не мог оторвать зачарованного взгляда от этого скорбного и загадочного лица с глубокими, резкими складками возле рта.

Это была копия погребальной маски, найденной при раскопках одного из городов древних майя. Неизвестно, кому она принадлежала — хранившему в своей памяти все священные предания жрецу или мудрому вождю, правителю города. Высокий лоб, скорбные складки у рта, даже легкая таинственная усмешка на припухших губах сохранились окаменевшими на века, словно образ самого древнего загадочного народа.

Андрей видел раньше фотографии этой маски. Но, оказывается, они не передавали и частицы ее колдовского очарования. Невозможно было оторваться от этого удивительного лица — совсем живого, только с навсегда закрытыми, потухшими глазами...

— Нравится? — спросил Альварес таким тоном, словно речь шла о его ближайшем прославленном родственнике.

Андрей молча кивнул, все еще глядя на маску.

Небрежно смахнув со стола на пол несколько книг, профессор расстелил большую помятую карту Мексики и Гватемалы.

Андрей склонился над нею — и сразу ему броси-

лось в глаза знакомое название реки, выведенное вдоль прихотливо изгибавшейся голубоватой ленточки, — Усумасинта. Теперь она была уже совсем рядом, рукой подать! И толстый обкуренный палец Альвареса твердо прошелся вдоль нее и постучал по зеленым загадочным просторам лесов, раскинувшихся по берегам реки.

— Вот сюда мы отправимся, мой друг. Петен — самое глухое и мало еще исследованное место на границе Мексики и Гватемалы.

— А меня пустят в Гватемалу? Ведь там режим..

— Да, в Гватемале положение сложное. Прикрываясь гражданским правительством, там фактически правит весьма реакционная военная хунта, ее щедро финансируют печально знаменитая «Юнайтед фрут» и другие американские монополии. Террор, преследования «левых», тайные убийства, но это все, так сказать, в «цивилизованной» части страны. А мы будем работать, к счастью, в диких, практически ненаселенных местах. Никаких пограничных постов там нет, но я запасаюсь и для вас надежными документами. У меня друзья всюду, так что можем смело отправляться в путь, не обращая внимания ни на какие границы.

Он разгладил карту, положив на нее по-хозяйски широкие ладони.

— Тут древний городок, который мы раскапываем. В прошлом году расчищали один из храмов, и я обратил внимание, что две каменные плиты в полу почему-то отполированы почти до блеска. Начали выстукивать — под ними явная пустота...

— Вы думаете, там могила?

— Уверен! Тайников для кладов древние майя не устраивали.

— Но вы не пытались ее вскрыть?

— Нет, хотя, признаюсь честно, искушение было велико. Но я его поборол. Мы приберегли эту могилу для вас.

— Я вам так благодарен, профессор...

— Пустяки! — величественно отмахнулся Альварес и снова склонился над картой. — Я уверен, что в этих лесах нас ожидает еще много открытий. Ведь

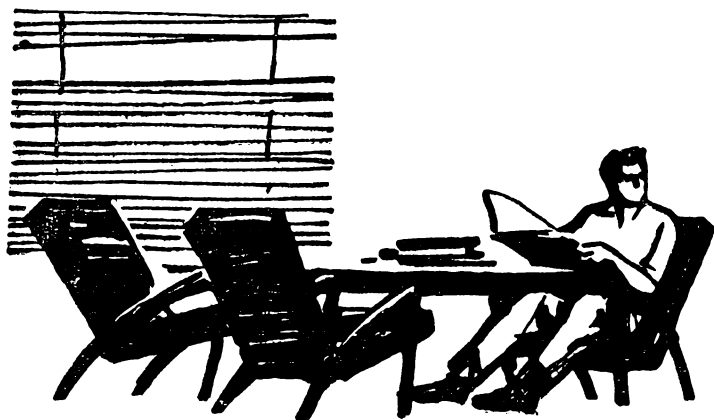
Петен был древнейшим центром страны майя, как показывают обнаруженные здесь памятники. Вот здесь, среди развалин Тикаля, найдена каменная стела, датированная двести девяносто вторым годом нашей эры. Это пока самая ранняя надпись, обнаруженная на территории Древнего царства майя. Непроходимые тропические леса Петена стали и последним убежищем этого народа. Сюда отступали племена с севера, из Юкатана, под натиском конкистадоров. И последнее независимое государство майя продержалось в джунглях Петена до 1697 года, его удалось покорить лишь через сто восемьдесят лет после первой высадки испанцев в Юкатане — представляете? И немалую роль в этом сыграла неприступность здешних мест: никаких дорог, дремучие леса, болота, полчища moskitov. Так что нам придется нелегко...

Андрей слушал профессора, рассматривая карту, но никакие трудности его сейчас не могли испугать. Наоборот, эти слова — «дремучие леса, болота, полчища moskitov» — звучали ликующей, призывной музыкой.

— А когда мы отправимся?

— Не позже чем через неделю. Друзья мне помогут закончить поскорее сборы. У меня много друзей. Вам что-нибудь нужно еще доставать дополнительно?

— Нет, я все привез с собой.

Альварес удовлетворенно кивнул.

— А где эта рукопись, о которой вы мне писали? — спросил Андрей. — Можно на нее взглянуть?

Альварес достал из папки, валявшейся на шкафу, пачку глянцевитых фотоотпечатков. Несмотря на хаос, царивший в кабинете, профессор, видно, отлично знал, где что лежит.

— Вот вам фотокопия. Хотя вы же ничего не поймете. Почерк ужасный, и вы — не обижайтесь на меня — еще не так свободно владеете испанским, чтобы разобрать эти закорючки. Я вам прочитаю, ладно?

Андрей смущенно закивал. Он уже перестал гордиться своим знанием испанского языка. Оно оказалось явно недостаточным даже для того, чтобы полностью понимать темпераментные монологи Альвареса, а тем более бегло читать старинные документы.

— Это отчет некоего каноника Франсиско де Каetano, адресованный церковному капитулу в Мериде. Датирован он апрелем 1577 года и в основном посвящен ревизии разных монастырей, это вам не интерес-

но. Но вот одно местечко примечательное, я его подчеркнул: «Что касается жалобы брата Луиса Торсалья, настоятеля монастыря святого Фомы в Толуске, то думаю, она подсказана суетными чувствами личной вражды и должна быть оставлена без внимания. Заразные болезни... — Альварес поднял палец и выразительно посмотрел на Андрея. — Заразные болезни издавна известны в здешних краях — такова воля божия. Знающие люди мне говорили, что старики индейцы еще помнят, как чуть ли не сто лет назад во всех частях страны появились заразные лихорадки. Тела больных распухали. От этой заразы умерло множество людей, и большая часть плодов осталась несобранной.

После прекращения этой заразы они имели двадцать лет хороших. Затем началась болезнь... — Альварес запнулся и пробормотал: — Тут, видно, пропущено слово «причинявшая» или «вызывавшая», — и продолжал читать: — ...вызывавшая большие нарывы, от которых тело гноилось с большим смрадом.

После этого последнего бедствия прошло более пятидесяти лет. Затем в страну начали проникать испанцы, так же с войнами, как и с другими карами, которые послал бог. Таким образом, чудо, что есть люди, хотя их там и немного...»

Альварес покачал головой:

— Довольно коряво сказано, а? Надо было добавить: «в этих местах», что ли, есть люди.

— Свидетельство любопытное, — сказал Андрей, рассматривая гляцевитые листы. — Хотя, конечно, и так не было сомнения, что древних майя мучали какие-то болезни, как и всех людей.

— Но тут идет речь об эпидемиях до прихода испанцев — и как раз в тех краях, куда мы направляемся. Что это могут быть за болезни?

Андрей пожал плечами:

— Расписано страшновато, но весьма туманно: «тела больных распухали.., большие нарывы». По такому описанию диагноза не поставишь. А на что жаловался этот брат Луис?

— Луис Торсаль? Неизвестно. Мой друг профессор

Сармиенто продолжает поиски в архивах и не теряет надежды. Может, удастся найти и саму жалобу. Ведь нашли же недавно рукописи Леонардо да Винчи, просто-напросто засунутые, оказывається, нерадивым библиотечкарем не на ту полку. А «Парижский кодекс» — один из трех бесценных манускриптов, сохранившихся от древних майя? Он провалялся до 1860 года в Национальной библиотеке французской столицы, в ящике с забытыми документами, которые чуть не выбросили на свалку!

— Вы мне перепишите этот отрывок, — попросил Андрей, возвращая фотокопии Альваресу.

— Могу переписать даже все донесение, но любопытно, по-моему, лишь это место.

— Нет, все не надо, зачем же. У вас и так нет времени.

— Да, время не ждет, подгоняет, — вздохнул Альварес, качая взлохмаченной головой.

Дорога в прошлое

На следующий день профессор познакомил Андрея со своими «мальчиками» — помощниками и ассистентами.

— Один из них, вот этот долговязый, поедет с нами. Больше увеличивать научную часть экспедиции, к сожалению, нам не по карману. Все деньги — на рабочих. И вам придется помогать нам копать в земле, мой друг. Все будем работать за двоих.

Андрей обменялся крепким рукопожатием с худеньким и очень высоким молодым человеком с печальными глазами.

— Франко, — представился он виноватым голосом.

— Не пугайтесь, они даже не родственники, — засмеялся Альварес. — Тот Франко толстый и маленький, а этот — длинный и тощий, их не спутаешь. А главное: тот — подлец, а этот — хороший парень.

Неделя пролетела быстро, возможно потому, что было много новых впечатлений.

Каждое утро, просыпаясь, Андрей слушал доносившиеся с улицы голоса, звонки велосипедов, требовательные гудки автомобилей, скрип тормозов, крики продавцов лотерейных билетов и наслаждался этой нестройной мелодией новой, незнакомой жизни. И сразу у него появлялось желание поскорее выскочить на улицу и с головой окунуться в этот разногласный шум.

Альварес, сам исчезая из дома на целый день, не загружал его поручениями. Андрею надо было только проверить и получше упаковать свой хрупкий багаж да сделать предохранительные прививки Альваресу, меланхоличному Франко и себе.

В эти дни они встречались с профессором и беседовали лишь вечерами, приглядываясь друг к другу: а что ты за человек? Хорошим ли окажешься спутником в трудном путешествии?

У Андрея оказалось так много свободного времени, что он целыми днями бродил наугад, куда ноги поведут, по необычному огромному городу.

Мехико поражал его пленительным сочетанием подчеркнутой, даже порой кричащей ультрасовременности и бережно хранимой старины. На площади Трех Культур угрюмая громада старого собора высилась на постаменте, оставшемся от древней пирамиды ацтеков, а рядом вздымался небоскреб из стекла и бетона.

В зеркальных витринах кондитерских виднелись пирамиды черепов, сделанных из разноцветного сахара, это было любимейшее лакомство местной детворы.

С широченной Пасео-де-ла-Реформа, по которой непрерывным грозно ревушим потоком мчались автомашины с устрашающими кличками, Андрей сворачивал в узкие и полные дремотной тишины улочки. Маленькая церквушка на углу, неизменный дворик —

патио — за ажурной оградой. Казалось, тут время остановилось.

А потом он ехал в Университетский городок и часами, пока не затекала шея, задрав голову, рассматривал красочные монументальные фрески на стенах высоченных зданий. Их расписали Сикейрос и другие лучшие художники Мексики. Искусство здесь вышло на улицы, ликующе вырвалось на просторы площадей.

В чинной тишине светлых залов Национального музея антропологии перед ним разворачивалась вся история страны, со всех сторон обступали загадки древних народов — ольмеков, ацтеков, тольтеков, майя.

От этих загадок у него начинала кругом идти голова, и тогда Андрей спешил на воздух, в прохладную тень огромного парка Чапультепек. В нем росли деревья и кустарники, собранные со всей Мексики, и был он огромен, как настоящий лес. Забредя в глухой уголок, можно было легко представить, будто ты в диких джунглях.

Но все-таки по-настоящему почувствовал себя путешественником Андрей Буланов, когда очутился, наконец, на шумном и дымном вокзале в походном костюме.

И поезд уже нетерпеливо фыркает, окутываясь паром, торопя их.

Дорога оказалась утомительной и длинной. Пересаживаясь с поезда на поезд, пересекали почти всю страну — сначала по пустынным плоскогорьям Центральной Мексики, которым красноватый цвет выжженной солнцем почвы и уродливо изогнутые громадные кактусы, одиноко торчащие среди камней, придавали какой-то неземной, марсианский вид. Затем начались маисовые и хлопковые поля, крестьянские поселки в зелени садов.

При очередной пересадке в Веракрусе они успели выкупаться в теплых, как парное молоко, синих водах Мексиканского залива и позагорать на пляже — может быть, как раз на том самом, подумал Андрей, где высаживались первые солдаты Кортеса в 1519 го-

ду. Ведь именно отсюда началось завоевание Мексики конкистадорами...

За Коацакоалькосом поля и поселки кончились. С обеих сторон к узенькому одноколейному полотну глухими стенами подступил лес. Ночью за окнами стояла непроглядная тьма, такая густая и плотная, что ее хотелось потрогать рукой. Ни огонька, ни проблеска, словно всякая жизнь кончилась. Но несколько раз поезд почему-то останавливался во тьме, хотя не было никаких признаков станции или просто ближнего жилья, а потом так же внезапно трогался дальше.

— Почему мы останавливаемся? — спросил Андрей у профессора.

Тот пожал плечами и неопределенно ответил:

— Кто его знает? Может, одичавший бык вышел на рельсы. Его не сгонишь, вот и приходится ждать, пока не уйдет...

Вагоны были с установками «эр-кондишн». Окна не открывались, так что выглянуть и посмотреть, в чем же дело, было нельзя. Приходилось верить профессору на слово.

— Паленке! — объявил проводник,

Андрей бросился к окну. Небольшой навес, semaфор возле него — вот и вся станция. Нет даже вторых путей — видимо, поезда здесь никогда не встречаются...

— А где же древний город?

— Он там, за лесом, возле деревушки, которая дала ему свое название, — пояснил Альварес. — Три мили через заросли вот по этой тропе.

Всего три мили, а ничего не видно, хотя Паленке был одним из самых крупных древних городов в стране майя. Даже его пирамиды высотой с девятиэтажный современный дом скрыты за деревьями. Задержаться бы хоть на денек, увидеть своими глазами и эти пирамиды, и «Храм Надписей», и «царскую гробницу»!

Правда, времени у них мало, а искать древних микробов в этих местах бессмысленно. Раскопки в Паленке ведутся давно. Здесь бывает много туристов, для них даже построили аэродром. Это развалины, уже обжитые, превращенные в музей под открытым небом.

Поезд тронулся дальше, и опять за окнами потянулся бесконечный лес. Он расступился лишь ненадолго, в одном месте. Среди зелени сверкнула вода, и Альварес, потягивающий ледяное пиво, лениво сказал:

— Усумасинта.

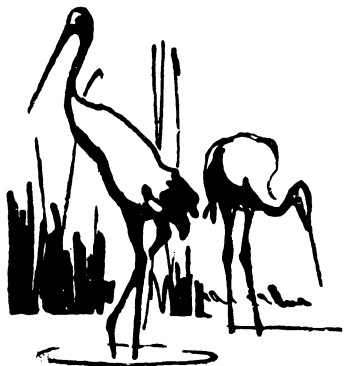
Поезд так быстро прогромыхал по мосту, что Андрей даже не успел толком рассмотреть заветную реку, снившуюся ему по ночам. Кажется, она выглядела довольно обыкновенной, совсем как родная русская: чистая, прозрачная вода, по песчаной отмели разгуливает голенастая цапля...

Теносике оказалось ужасной дырой — маленький грязный поселок на топком берегу такой же грязной и провонявшей нефтью и дохлой рыбой одной из бесчисленных проток Усумасинты. Вокзал — снова простой навес среди зарослей, возле него одиноко торчит семафор. Есть и аэродром — заросший бурьяном пустырь на краю поселка с деревянной будкой, заменяющей аэровокзал. Кому нужно сюда прилетать, совершенно непонятно.

Они поселились в единственной захудалой гостинице, которую вполне можно было принять за древние развалины, и стали ждать катера, чтобы он отвез их, наконец, в самую глушь Великого Леса, в заветный край затерянных городов.

Делать им было совершенно нечего. А от безделья ожидание казалось особенно томительным и бесконечным.

В Мехико жара была сухой, воздух разреженный, горный. А тут — как в банной парилке. Изнуряющий, липкий зной немножко спадал только после захода солнца. В ожи-

дании этого часа путешественники устраивались в гамаках под навесом во дворе гостиницы и потягивали кто пиво, кто ледяную кока-колу, изредка перебрасываясь ленивыми фразами. В этой оранжерейной духоте не хотелось ни говорить, ни думать.

Выкупаться бы, но не в этой же вонючей луже! А до основного русла реки нужно продираться часа два непролазными зарослями, к тому же там водятся, говорят, аллигаторы.

В стороне неподвижно, как древние изваяния, сидели индейцы в белых штанах и белых соломенных шляпах. Они могли так сидеть часами, не меняя позы и не произнося ни единого слова.

После захода солнца участники экспедиции лениво брели ужинать в единственную *pinte**, где было душно, грязно и гудящими стаями вились мухи. Опасаясь дизентерии и не рискуя экспериментировать с мексиканской кухней, Андрей заказывал на ужин всегда одно и то же: «*huevos a la mexicana*»** с громадной *tortilla****. Кофе на ночь по примеру Альвареса и Франко он пить не решался: и так было нелегко заснуть в парной духоте.

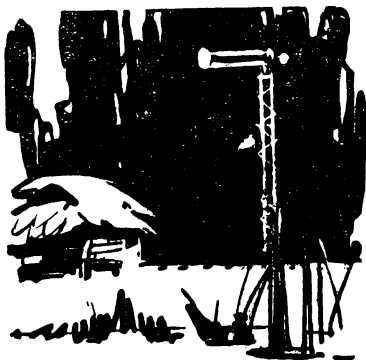
В харчевне дневали и, казалось, ночевали какие-то мрачные и небритые личности в грязных рубашках и помятых штанах американского военного образца. Некоторые носили засаленные комбинезоны. Они покачивались в гамаках или часами подпирали столбы навеса. Это зрелище очень напоминало Андрею сцены из каких-то приключенческих фильмов. Вылитые колониальные авантюристы, как в «Плате за страх» с участием Ива Монтана.

---

* Харчевня (*исп.*).

** «Яйца по-мексикански» (*исп.*).

*** Кукурузная лепешка (*исп.*).

Он приглядывался к этим загадочным личностям с большим любопытством, но заговаривать не решался, опасаясь каких-нибудь скандалов и даже дипломатических осложнений.

Особенно привлекал его внимание один из них. Увидев его впервые, Андрей шепнул восторженно Альваресу:

— Смотрите, это же ваш печальный жрец!

— Где?

— Вон стоит у столба, руки скрестил на груди.

— Да, похож, — согласился Альварес. — Наглядный пример того, что кровь древних майя сказывается и через тысячелетия. Надо будет его сфотографировать, очень выразительное лицо.

Чем дольше они приглядывались к мрачно-то-величественному лицу незнакомца, тем все большее сходство находили в нем с маской жреца, украшавшей кабинет Альвареса. Такие же широкие скулы, припухшие губы, такие же глубокие скорбные складки у рта. Даже помятая грязная шляпа, низко надвинутая на лоб, и вечная сигарета в зубах не портили сходства.

— Кто это? — спросил Альварес у хозяина харчевни, показав глазами на незнакомца.

— Вон тот, у столба? Бэтмен. Джонни Бэтмен.

Это имя показалось Андрею почему-то знакомым. Бэтмен...

Бэтмен... Где-то он его слышал. Или читал и как будто совсем недавно.

— Он местный? — продолжал расспрашивать хозяина Альварес.

Тот неопределенно пожал плечами.

— А кто он? Чем занимается?

— Он? Как вам сказать... Бизнесмен, деловой человек.

Хозяину явно были не по душе эти расспросы, и он поспешил исчезнуть в кухне, оставив их тщетно ломать головы над вопросом: чем может заниматься «деловой человек» в этой дыре?

Бэтмен, видимо, понял, что разговор шел о нем,

или ему просто надоело назойливое разглядывание. Серdito выплюнув окурок сигареты, он надвинул шляпу на лоб и скрылся за углом дома.

Потом они видели этого загадочного «бизнесмена» с лицом древнего жреца еще несколько раз. Альварес даже попытался завести с ним знакомство, но из этого ничего не вышло, несмотря на всю экспансивность и словоохотливость профессора. Дать себя сфотографировать Бэтмен решительно и весьма недружелюбно отказался — и пропал на несколько вечеров, хотя дружки его по-прежнему стояли до глубоких сумерек, прислонясь к столбам под навесом возле харчевни. Стояли и лениво рассматривали посетителей, — мрачные и оборванные, они напоминали коршунов-ауров, выжидающих добычу.

— Чем же они все-таки занимаются, эти деловые люди? — допытывался у Альвареса заинтригованный Андрей.

— Кормятся всяким случайным заработком. Не брезгают наверняка и всякими темными делишками. Таких проходимцев у нас, к сожалению, еще немало. Отбросы цивилизации... А здесь — ее аванпост. Работать, как индейцы, не хотят — они, видите ли, белые. А заниматься контрабандой или, выбрав удобный момент, ограбить кого-нибудь — это в их глазах «честный бизнес», это можно. *Así son...* *

Наблюдать по вечерам за таинственными рыцарями удачи было, пожалуй, единственным развлечением. После ужина возвращались в гостиницу. Ровно в девять движок местной электростанции переставал тарыхтеть, и все погружалось во тьму. Только индейцы еще продолжали некоторое время все так же неподвижно и молча сидеть на улицах, похожие в лунном свете в своих огромных белых шляпах на какие-то чудовищные грибы. Потом и они один за другим вставали и, словно тени, исчезали в темных переулках.

Оставалось одно — лечь спать. Но Андрей каждый вечер долго ворочался в своем гамаке. Спать

---

* Такие уж они... (исп.).

в нем он еще не привык — неудобно, никак не пристроиться. Томила духота. С потолка то и дело падали какие-то крупные жуки, некоторые из них светились, словно тлеющие угольки.

Где-то вокруг бушевали грозы, но, видно, далеко, на краю земли. Только безмолвные зарницы полыхали всю ночь, пугая петуха, который вдруг принимался неистово орать за стеной. Тогда где-то под самым боком у Андрея начинала ворочаться и громко сопеть свинья.

Под эти звуки и мерцание далеких зарниц он, наконец, и засыпал.

Так тянулись день за днем.

— А рабочие там ждут. И платить им надо за каждый день, — ворчал Альварес.

Разглядывая от скуки засаленный календарь, висевший на стене в коридоре гостиницы, Андрей вдруг с удивлением обнаружил, что он за 1910 год!

— Ну и что? — философски пожал плечами хозяин. — Главное, чтобы дни недели сходились...

Андрей проверил. Дни недели действительно сходились.

Этот календарь как бы стал для него символом сонной жизни заброшенного поселка.

Наконец долгожданный катер пришел, собрав к пристани всех обитателей поселения. Это было странное суденышко — узкое, длиной не больше пятнадцати метров, оно напоминало простую лодку, изуродованную какими-то непомерно высокими нелепыми надстройками, и не внушало доверия. Над одной палубой громоздилась вторая, похожая на дачную терраску. В довершение сходства на этой терраске стояли совсем дачные плетеные кресла, были развешаны гамаки и полоскалось на ветру сохнущее разноцветное белье...

Но в ходу забавный катерок оказался неожиданно резвым. И сидеть под тентом в плетеном кресле на палубе-терраске, любясь с высоты проплывающими мимо берегами, было очень приятно. Берега были крутые, обрывистые, и на них сплошной стеной высились деревья.

Плыли час за часом, а зеленая стена джунглей не прерывалась, отгораживая реку от всего мира.

Местами на деревьях пламенели крупные цветы орхидей. И вдруг один из цветков ожил, сорвался с дерева и неожиданно полетел над рекой!

Андрей схватился за бинокль и разглядел, что это небольшой попугай, украшенный длинным шлейфом алых перьев. Он промчался над водой с пронзительным криком, и снова наступила сонная тишина, нарушаемая только журчанием воды за бортом и монотонным, убаюкивающим перестуком мотора.

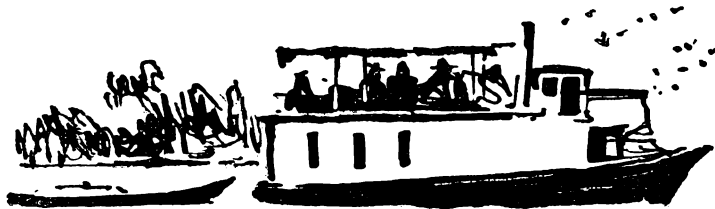
Иногда раздавался гортанный предостерегающий крик, и мотор затихал. Это матрос, стоявший с длинным шестом на носу катера, предупреждал, что навстречу плывет огромный ствол махагониевого дерева или торчит полузатопленная коряга. Приходилось сбавлять ход и лавировать, чтобы не наткнуться на них.

Ценная древесина махагониевых деревьев, как рассказал Андрею Альварес, была главным богатством этих диких, непроходимых лесов. Срубленные деревья просто сбрасывали в воду, и Усумасинта лениво несла их к океану.

— Порой такое путешествие затягивается года на два, — добавил капитан катера.

Это было, пожалуй, не удивительно, потому что часто попадались деревья, застрявшие на береговых отмелях. Они будут лежать, пока их не смоем половодьем и не понесет дальше, к далекому океану.

Нередко попадались и пригревшиеся на песчаных отмелях аллигаторы, тоже очень похожие на полузатопленные куски дерева с уродливой бугристой корой.

На шум мотора лишь некоторые из них лениво поднимали головы и отползали поближе к воде.

Когда вечером, выбрав поудобнее местечко за мысом, где течение было не таким сильным, остановились на ночлег, Альварес предложил Андрею искупаться. Это было весьма заманчиво, потому что, как только катер встал, встречный ветерок перестал овеивать разгоряченные лица и опять начала мучать липкая оранжерейная духота.

Стараясь не думать об аллигаторах, Андрей быстро разделся и вслед за профессором бросился в воду. Она была чистой и бодряще-прохладной. Хотелось плескаться без конца.

К удивлению Андрея, никто больше последовать их соблазнительному примеру не захотел, хотя матросы и посматривали на них с борта катера с явной завистью.

— Ныряйте к нам, вода отличная! — крикнул им, отфыркиваясь, Андрей.

Но они лишь качали головами. А капитан наставительно сказал с мостика в мегафон:

— Насе дайо! *

— Они здесь никогда не купаются, хотя и проводят всю жизнь на реке, — пояснил Альварес.

— Боятся аллигаторов?

— Ну, аллигаторы здесь робкие и небольшие, они никогда не бросаются на людей. Разве уж вы на него наступите, а бежать ему будет некуда. Просто глупый предрассудок, каких немало еще бывает в этих глухих краях.

---

* Это вредно (исп.).

— А вы, Франко? — крикнул Андрей.

— Я не люблю купаться на ночь, — уклончиво ответил тот и поспешил отойти от борта. Может, лучше зная характер своего шефа, опасался, как бы профессор в целях борьбы с предрассудками не приказал ему лезть в воду?..

Всю ночь суденышко простояло у берега. Плыть в темноте было опасно: налетишь на полузатопленное бревно, и неминуема пробоина.

Спали прямо на палубе, в гамаках. Освеженный

купанием, Андрей моментально заснул под журчание воды за бортом и дикие вопли не то птиц, не то обезьян, доносившиеся из леса.

Рано утром поплыли дальше, и берега опять были все так же дики и пустынные.

На третий день к вечеру катер добрался до маленького поселка лесорубов, примостившегося на правом высоком берегу реки. Горы бревен, несколько примитивных хижин с крышами из пальмовых листьев. Вокруг какой-то унылый пустырь, а дальше, прижимая поселочек к воде, сплошной зеленой стеной стоит лес.

Во главе молчаливой толпы рабочих в одинаковых широкополых шляпах их встречал старый и опытный монтеро* Бенито — маленький, жилистый, весь

---

* Проводник и погонщик мулов (исп.).

словно ссохшийся, с непокрытой седеющей головой. В стороне, в почетном одиночестве, стоял какой-то усатый толстяк весьма грозного вида в щеголеватой шляпе и с огромной деревянной кобурой на отвисшем поясе.

Бенито деловито и коротко доложил, что рабочие наняты, мулы готовы и можно отправляться в путь хоть завтра.

— Великолепно! — обрадовался Альварес и обнял его за плечи.

Толстяк, оказавшийся управляющим, пригласил капитана катера, профессора, его помощника и Андрея в свою контору, на ходу жадно засыпая расспросами о столичных новостях. Какую именно столицу имел он в виду, осталось неясным, и Андрей так и не мог понять, где же они находятся — в Мексике или уже в Гватемале? А спросить об этом не решился.

В конторе управляющего уже не было никакого календаря — даже старого. Стены украшали только фотографии полуголых девиц.

Этот поселок, надежно огрезанный от всего мира дикими, безлюдными лесами, был, в сущности, концлагерем, не нуждавшимся ни в каких оградах и охране. Рабочие — индейцы и метисы, нарочно завербованные в дальних районах, жили в хижинах, наскоро сбитых из планок и покрытых пальмовыми листьями. Спали прямо на земляном полу. Питались

одной кукурузой и фасолью и все равно оставались в долгу у находившейся где-то далеко отсюда, в США, анонимной компании. Для нее они с раннего утра и до сумерек валили в лесу махагониевые деревья и собирали чикле — смолу саподильевых деревьев, из которой делают жевательную резинку. Их подгоняли вооруженные надсмотрщики, которых называли, как и в концлагерях, капо.

Бежать отсюда некуда, разве только на кладбище — небольшую полянку в джунглях, утыканную покосившимися деревянными крестами...

В этом мрачном местечке пришлось пробыть два дня, занимаясь разборкой багажа и сложной упаковкой его во вьюки по указаниям старого Бенито.

На второй день вскоре после полудня в поселке вдруг началось оживление. К дверям конторки управляющего, прихрамывая, подбежал старый негр и начал отчаянно стучать в дверь. Когда на пороге появился заспанный управляющий, негр начал что-то торопливо говорить ему, размахивая руками, и они оба уставились на небо, прислушиваясь к чему-то. Потом управляющий усил негра куда-то, а сам, позевывая и вытирая распаренное лицо, подошел к археологам.

— Что-нибудь случилось? — спросил Альварес.

— Бэтмен летит, — с явным удовольствием ответил управляющий. — Новости узнаем, хорошего виски выпьем.

Андрей прислушался и как будто уловил далекое рокотанье мотора, хотя небо над лесом было совершенно пустынным. А рокот все нарастал и приближался.

И вдруг над лесом появился небольшой самолет. Он летел так низко, что казалось, вот-вот заденет колесами за верхушки деревьев.

Андрей ожидал, что самолет сделает круг и сбросит груз на парашюте. Но лихой летчик вдруг резко повел машину на снижение.

Самолет с треском промчался над не успевшими опомниться людьми и запрыгал по кочковатому пустирю на окраине поселка.

— Вот дьявол! — восхитился Альварес.

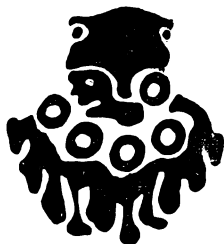
— Он такой! — весело подхватил управляющий. — Где угодно сядет. Он нам всегда... — и, не договорив, поспешно побежал к самолету, придерживая болтающийся на поясе тяжелый пистолет.

— Пойдемте и мы, узнаем последние новости, — предложил Альварес.

Когда они подошли к самолету, почта уже была выгружена, управляющий, присев возле мешка на корточках, перебирал письма. Джонни стоял рядом, небрежно облокотившись на крыло своего самолета, и курил сигарету. При виде подошедших археологов на его широком скуластом лице древнего жреца не отразилось решительно ничего, словно они и не встречались никогда раньше. Когда они с ним поздоровались, летчик только небрежно кивнул.

Альварес что-то обиженно пробурчал, пожал плечами и демонстративно уткнулся в первую попавшуюся газету, но вскоре отбросил ее и сказал Франко и Андрею:

— Ничего интересного. Зачем он прилетел? Пошли заканчивать сборы. Завтра — в путь. Нечего сидеть в этой дыре...

Развалины в джунглях

«Вся страна на много миль покрыта густыми, почти непроходимыми лесами, состоящими из неведомых нам пород деревьев и кустарников. Что скрывается в глубине лесов, на основании моих собственных знаний сказать невозможно. Без проводника мы могли бы пройти в ста футах от зданий города, не заметив ни одного из них», — так писал когда-то об этих

джунглях Джон Стефенс, первый из исследователей проникший сюда, и теперь Андрей мог лично убедиться в правоте его слов.

Каждый шаг давался с трудом, хотя они двигались по тропе, пробитой сквозь чащу экспедицией Альвареса лишь в прошлом году. Но она уже успела так зарости, что порой совершенно исчезала в чаще.

Впереди шли двое рабочих с острыми мачете — огромными ножами с широкими лезвиями, похожими на боевые мечи каких-то древних самураев. Эти мечи непрерывно сверкали в их руках, срубая ветки и цепкие лианы. Работа была нелегкой, так что передовых приходилось сменять через каждые два часа.

Андрей попробовал тоже помочь прокладывать дорогу, но с непривычки тяжелый мачете не повиновался ему. Лезвие падало как-то плашмя и не столько рубило, сколько мяло неподатливые пружинистые ветки, отскакивало от них. Темп движения сразу замедлился. Пришлось неудачливому пролагателю новых путей вернуться на свое старое место в хвосте маленького каравана.

Зато здесь ничто не мешало заниматься наблюдениями. А для биолога в этом Великом Лесу было чем заинтересоваться.

Вокруг буйствовала какая-то вакханалия жизни. Деревья и кустарники так и лезли из земли, расталкивая друг друга. Им было тесно. Они задыхались и душили соседей гибкими лианами. Они росли друг на друге, и давно погибшие, сгнившие в труху деревья даже не могли упасть: осталась лишь кора, видимость лесного великана, — но она продолжала торчать призраком на бесчисленных подпорках лиан.

— Смотрите, смотрите хорошенько, мой друг, — приговаривал Альварес. — На некоторых наречиях индейских племен «видеть» и «путешествовать» — одно понятие. Это мудро. Кто хочет видеть, должен путешествовать. А кто путешествует — тот видит.

Некоторые деревья Андрей узнавал, он видел их раньше, но большинство было совершенно незнакомо. Он спрашивал у спутников местные названия расте-

ний и старательно записывал, удивляясь их точности и меткости. Так одно из часто встречавшихся деревьев называлось *matapalos**. Оно вполне оправдывало свое злое прозвище. Несмотря на довольно солидные размеры и толстый ствол, его даже трудно было назвать деревом. Оно никогда не росло прямо, как положено деревьям, а змеей обвивало стволы соседей и душило их в крепких объятиях.

Не менее опасными и коварными соседями были и филодендроны, хотя в переводе с греческого их название и звучит ласково — «любитель деревьев». Они просто прилеплялись к другим деревьям всюду, где находили подходящее местечко, и высасывали из них соки.

Раздвигая цеплявшиеся за одежду ветки, Андрей не находил на них ни одного целого листа, все были повреждены насекомыми. Клещи, муравьи, какие-то бесчисленные неведомые жучки так и кишели повсюду. Вокруг каждого всадника тучей вились москиты, не давая

---

* Враг деревьев (исп.).

ни на миг снять с лица сетку и хоть немного освежить кожу.

Укус комара и москита грозил малярией или желтой лихорадкой. А клещи могли заразить опаснейшими вирусными заболеваниями, поражающими нервную систему. Так что Андрей в полной мере ощутил всю ответственность экспедиционного врача и не знал покоя.

По вечерам он требовал, чтобы каждый тщательно осмотрел свою одежду в поисках затаившихся клещей. Рабочие мрачно посматривали на него, но подчинялись. Альварес ворчал, но тоже подчинялся. Однако уберечься от клещей было трудно. Затаившись на ветках, они так и сыпались дождем на проезжавших всадников. Андрей, просыпаясь по утрам, тоже нередко находил их на себе — серых, разбухших, крепко присосавшихся к коже. Ему не оставалось ничего иного, как отбирать насосавшихся его крови клещей в пробирки, чтобы потом, вернувшись домой, проверить в лаборатории, не таили ли они в себе возбудителей каких-нибудь болезней.

По несколько раз в день он брал также пробы почвы и образцы микрофауны. Чем черт не шутит: может, в самом деле, подвернется материал для нового антибиотика или удастся открыть какого-нибудь еще неизвестного науке микроба? В этом лесу было все возможно...

Змей, которые по опасениям Андрея должны были кишмя кишеть в этих лесах, они почему-то не встречали. Лишь однажды вспугнули большую гремучую змею. Но Андрей даже рассмотреть ее не успел, так быстро уползла она в чащу, грозно потрескивая роговыми колечками извивающегося хвоста.

Вообще путешествие пока шло благополучно, и, к радости Андрея, никто не заболел. Он начинал постепенно успокаиваться, уже без прежней опаски присматриваясь к жизни Великого Леса.

Внизу, во влажном и душном полумраке, было царство насекомых. А где-то наверху, в листве деревьев, поднимавшихся повыше десятиэтажного дома, перекликались попугаи и ревуны-обезьяны. Там

тоже шла непрерывная борьба за жизнь, сопровождаемая кваканьем, визгом, рычанием и вдруг обрывающимися приглушенными предсмертными стонами.

Особенно громким становился этот зловещий шум, доносившийся сверху, к вечеру, когда караван останавливался на ночлег и начинали разбивать лагерь.

Все делалось быстро, в строго заведенном порядке: одни собирали сучья и разжигали костры, другие развешивали гамаки. Мешкать было нельзя, потому что темнота падала быстро и тогда в лесной чаще сразу становилось непроглядно, будто в могиле.

Особенно крикливы были ревуны-сарагатос. Когда Андрей впервые услышал их, то не мог поверить, что это орет обезьяна. Впечатление было такое, словно лев подражал собачьему лаю!

Но в этом лесу вообще невозможно было определить по звукам, кто их производит. Андрей однажды услышал грозное басовитое рычание в кустах и поспешно отъехал в сторону, нарушив походный строй.

— Что случилось, эй? — сердито окликнул его Бенито.

— Там пума в кустах! Или ягуар...

— Nombre! * Какая пума, это лягушка, — ответил монтеро под сдержанный смех рабочих...

У старого Бенито был заведен железный порядок, и сам он трудился больше всех. Нередко старик вне очереди шел передовым, прорубая дорогу, и сверкающий мачете казался как бы продолжением его неутомимой руки. По вечерам, когда все спешили поскорее забраться в гамаки, он устраивал вокруг лагеря изгородь из ветвей, чтобы мулы не разбежались за ночь. А утром Бенито первым был на ногах, хлопотал у костра, готовя завтрак. Ему приходилось вставать очень рано, потому что невымоченная фасоль, которую неизменно готовили на завтрак, варится добрых три часа, а надо еще успеть и кукурузные лепешки напечь на весь отряд.

Тесто для них Бенито готовил, вероятно, тем же первобытным способом, что и древние майя. Пеклись

---

* Человеческий (исп.).

лепешки прямо на листе жести быстро — и еще быстрее съедались, но сначала зерна приходилось не меньше часа отмачивать в известковой воде.

Приготовив завтрак, Бенито оглашал лес зычными криками:

— Arriba! *

Поеживаясь от утренней сырой свежести, все усаживались у костра и принимались за еду. Рабочие-индейцы, к зависти Андрея, который никак не мог этому научиться, быстро и ловко завертывали остро наперченную фасоль в горячую лепешку и отправляли в рот, не нуждаясь ни в ложках, ни в вилках. Потом пили кружками крепчайший и густой от обилия сахара кофе.

Неугомонный Бенито успевал тем временем осмотреть каждого мула, смазать им ранки на стертых холках. Навьючивал он груз сам, не доверяя этого важного дела никому и покрикивая на лопоухих упряцев:

— Vaya! **

---

* Поднимайтесь! (исп.).

** Иди же! (исп.).

Он вообще разговаривал с мулами, как с людьми. И порой, потеряв заросшую тропу, обращался к ним за помощью:

— Busca! Oye, busca! *

Позавтракав, отправлялись в путь. Снова сверкали мачете, прорубая дорогу. Снова за одежду цеплялись ветви и сыпались с них муравьи и клещи. Снова тучами вились над головой москиты, норовя добраться до тела и заразить человека, осмелившегося вторгнуться в этот дикий мир, губительной лихорадкой.

И когда на третий день они добрались, наконец, до цели своего путешествия, слова Стефенса оправдались еще раз.

— Вот мы и прибыли, — сказал, отдуваясь, профессор.

Андрей посмотрел на него с недоумением. Впереди и вокруг был все тот же лес. Почему же караван остановился?

— Куда прибыли? — спросил неуверенно Андрей, озираясь вокруг.

---

* Эй, ищи! (исп.).

— В бывший город, в самый его центр, — ответил невозмутимо Альварес и добавил, явно наслаждаясь недоумением Андрея: — Вы же стоите на главной площади. Неужели не видите?

Андрей снова огляделся по сторонам и теперь увидел среди зелени по краям лужайки, на которую они выехали, глыбы белого камня. Они окружали лужайку, как бы очерчивая ее границы. Значит, их установили здесь, в лесной чащобе, человеческие руки...

Неужели когда-то эта лужайка была в самом деле городской площадью?!

За каменными глыбами среди зарослей и древесных стволов тоже что-то белело. Андрей взгляделся пристальнее...

Это был дом, какое-то здание, низкое, приземистое, прямоугольное, словно вросшее в землю. А вон там второе, третье!

Странное чувство охватило на миг Андрея. Это было невероятно, но то, что он видел перед собой, чем-то вдруг напомнило ему... родной Ученый городок! Он не сразу понял, в чем сходство, а потом догадался: так же, как и в Ученом городке, белели среди листвы каменные стены, дома прятались среди леса, хотя и совсем иного, чем дома, — густого, непролазного, насыщенного пахучими влажными испарениями.

И лес этот не был уютным и мирным. Джунгли здесь вторглись, ворвались на городские площади и улицы, густо оплели и задушили дома гибкими лианами, разрушили каменные стены пружинистыми корнями.

Андрей подумал об этом, и сразу минутное сходство с живым, кипучим, деловитым Ученым городком развеялось, пропало, словно наваждение. Теперь он видел лишь то, что в самом деле было перед глазами: остатки полуразрушенных стен, источенные временем и дождями каменные ступени, груды развалин посреди наступающих тропических зарослей.

Рабочие под руководством Франко и Бенито стали

разбивать лагерь, а профессор повел Андрея осматривать город.

Главная площадь переходила в пологие, насыпные террасы, на которых располагалось девять зданий. Некоторые дома превратились в груды камня. От других сохранились стены. Но три здания стояли почти нетронутыми, только сквозь их крыши проросли вековые деревья.

— Это храмы, — пояснил Альварес. — Полюбуйтесь на барельеф.

Он показал на сохранившийся кусок резной прилоки над дверью. На барельефе был изображен забавный длинноносый божок в головном уборе из пышных перьев. Одна нога у него поджата, как у цапли, а за другую ногу — в форме змеи — божка держала чья-то рука. От нее сохранилась только кисть, все остальное обрушилось.

— Видимо, это жезл-дароносица, — пояснил профессор. — Его держал в руке жрец, изображение которого, к сожалению, не сохранилось.

Выше по карнизу тянулся длинный ряд скульптурных черепов с оскаленными зубами. Это зловещее украшение не удивило Андрея. Он знал, что у древних майя череп был символом не смерти, а, наоборот, победоносной жизни.

Андрей заглянул в дверной проем, зияющий таинственной чернотой.

— Возьмите фонарь, там темновато, — профессор подал ему электрический фонарик.

Андрей зажег его и отшатнулся от двери.

Сводчатый потолок был сплошь покрыт массой летучих мышей. Вспугнутые светом фонарика, они дрожали и шевелились, поводя во все стороны хоботками, похожими на поросячьи пятачки.

— Заходите, не бойтесь, — подтолкнул Андрея профессор. — Они безобидны, днем их отсюда не выгонишь.

С опаской поглядывая на потолок и неуверенно, как слепец, нащупывая ногами обломки камней, Андрей пошел вперед.

Одна небольшая комната, другая. Голые, растрес-

кавшие стены. Только в одном месте сохранился кусок какого-то едва различимого алебастрового рельефа.

Мыши шелестели и попискивали над головой, но продолжали висеть, крепко вцепившись коготками в потолок.

В большом зале над каменным постаментом, похожим на алтарь, целиком сохранился на стене великолепный рельеф. В центре его находился диск со стилизованным изображением солнца в виде овальной маски с высунутым языком. С обеих сторон щита были лепные изображения каких-то богов, попирающих, видимо, злых духов. А дальше по краям тянулись длинные таблички, сплошь покрытые таинственными иероглифами.

— Плохо видно, темно, — сказал Альварес. — Завтра принесем сюда фонари, и вы все хорошенько рассмотрите.

— А где же гробница? — нетерпеливо спросил Андрей.

— В соседней комнате.

Андрей рванулся к двери, но Альварес остановил его:

— Туда не войти. Из предосторожности я приказал засыпать весь пол землей. Надо его сначала расчистить.

В самом деле, заглянув в соседнюю комнатку с голыми стенами, Андрей увидел там большую груду земли, на которой уже успела густо вырасти трава и даже небольшие кустики. Это была разумная мера предосторожности, но все-таки ему было обидно, что нельзя тут же, сейчас, начать вскрытие гробницы.

Пройдя все здание, они вышли через другой дверной проем на свежий воздух. Уже начинало смеркаться.

— А те здания? — Андрей кивнул в сторону развалин, белыми призраками смутно видневшихся среди листвы.

— Вероятно, тоже храмы. Мы успели расчистить только два — вот это здание и соседнее. По-настоящему надо все раскапывать, исследовать всю территорию города, а не только дворцы да храмы. Так всегда делают ваши советские археологи. И правильно! Только так можно в деталях изучить жизнь давно исчезнувшего народа, разобраться в общественных и экономических отношениях. Я стараюсь тоже придерживаться такой методики, но денег нет, — тяжело вздохнул профессор, вытирая мокрый лоб. — При таких темпах и средствах раскопки открытых памятников растянутся на столетие. А сколько еще неоткрытых прячется в джунглях?

Он помолчал и с завистью добавил:

— Американцам хорошо, у них денег много и размах шире. Вон археологи из музея Пенсильванского университета ведут раскопки Тикаля. Работы рассчитаны на десять лет, так они построили постоянный лагерь с лабораториями. А для снабжения экспедиции водой и продуктами завели даже специальный аэродром! Но гоняются больше за сенсациями, раскапывают в основном дворцы и храмы. Да и нельзя доверять чужакам — воруют, похищают найденные ценности, вывозят тайком к себе в Штаты! — продолжал он, ожесточаясь и начиная по своей привычке широко размахивать руками, так что Андрей поспешил от него отодвинуться и досадливо поморщился.

Он уже гораздо увереннее владел теперь испанским языком, но когда Альварес горячился и начинал говорить слишком быстро, многие его слова становились для Андрея совершенно загадочными.

— Вот ведь прославленный Эдвард Томпсон, казалось бы, настоящий ученый, много сделал для исследования культуры майя. Из одного только священного колодца в Чичен-Ице добыл несколько тысяч редчайших предметов старины. И все их увез к себе в Штаты. До сих пор их прячут в музее Пибоди при Гарвардском университете. Долго мы просили, чтобы вернули эту коллекцию Мексике. Наконец, расщедрившись, передали нашим музеям в шестидесятом году, смешно сказать — и стыдно! — всего-навсего девяносто четыре предмета. Это из нескольких тысяч! И разумеется, не самые ценные, так, всякую ерунду из дубликатов. Вот и разрешай им после этого вести раскопки на нашей земле.

Профессор от негодования замолчал на миг, словно задохнувшись, но не мог остановиться:

— Да и что они ищут? Святоши из секты мормонов создали некий «Археологический фонд Нового мира». Денег у них пропасть, копаются тут в разных местах уже несколько лет. А зачем? Пытаются доказать, будто древние майя — это, видите ли, пришельцы из Палестины, потомки пропавшего «седь-

мого колена Израилева». Совершенно бредовая идея!

Он махнул рукой и все еще сердитым голосом добавил:

— Пошли ужинать. Темнеет. Остальное завтра посмотрим.

Багаж был уже аккуратно сложен под навесом из веток. Мулы паслись в сторонке за оградой. Гамаки развешаны. А на расчищенной полянке весело полыхал огромный костер, и рассеявшиеся вокруг него рабочие внимательно наблюдали, как старый Бенито колдует с ужином.

— Когда же был построен этот город? — спросил Андрей, с наслаждением усаживаясь рядом с Альваресом и вытягивая усталые ноги.

— Вероятно, в четвертом веке нашей эры, а может, и раньше. Пока трудно сказать, раскопки ведь, по существу, лишь начаты.

— И много в нем было жителей?

— Видимо, несколько тысяч, — ответил профессор, принимая из рук Бенито огромную миску с дымящейся фасолью. — Ведь не забывайте, что дворцы и храмы строились лишь в центре города. А основная масса людей жила в примитивных деревянных хижинах, от которых ничего не осталось, даже фундаментов. Все поглотил лес. Так что точные границы каждого города древних майя определить бывает нелегко. Этот городок, конечно, сравнительно невелик — возможно, был просто ритуальным центром области.

Бенито подал миску с фасолью Андрею. Поблагодарив, Андрей спросил бывалого монтера:

— Что говорят старики, Бенито? Кто все это построил?

Тот, пожав плечами, ответил ему точно так же, как говорили в свое время местные жители Стефенсу, первооткрывателю затерянных городов:

— *Quien sabe?* *

— Это сейчас он пустой и мертвый, — сказал Альварес. — А вы попробуйте представить себе этот

---

* Кто знает? (*исп.*).

город в расцвете славы. Заселите мысленно его дома, вообразите толпу народа на городской площади. Вот мы заглянули в одну из комнат храма и вспугнули летучих мышей. Мы опоздали на полторы тысячи лет. А тогда мы бы увидели совсем иное...

Отодвинув от себя миску, он начал рассказывать, закрыв глаза и слегка покачиваясь, словно какой-то заклинатель:

— В самой дальней комнате напротив входа на возвышении у стены высится в полумраке деревянная статуя божества. Бог держит в руках длинный жезл с пучком сине-зеленых перьев кетсаля, на нем пышное одеяние, расшитое причудливыми узорами. Головной убор тоже украшен перьями священного кетсаля. Тускло сверкают ожерелья из нефритовых бус.

Перед божеством небольшой каменный алтарь, на нем глиняный сосуд в виде головы ягуара. Это курильница с раскаленными углями. Перед нею стоит на коленях жрец, бормочет молитву и время от времени бросает на угли маленькие черные шарики. Тогда из курильницы поднимается густой дым, и комната наполняется острым, но приятным смолистым запахом...

Все рабочие, прекратив есть, зачарованно смотрели на профессора.

— А в соседней комнате, — продолжал Альварес, — другой жрец, старый и согбенный, трудится над приготовлением какого-то снадобья. Он усердно растирает на маленьком продолговатом каменном столике с четырьмя раскоряченными ножками разные ароматические травы. Это лучший в городе лекарь. В его «аптеке» развешаны на веревках засушенные травы и ветки кустарников, в банках хранятся на полках бобы, какао, ваниль, перец, мед, тыквенные семечки. Для других лекарств припасены кусочек разбитого молнией дерева, экскременты игуаны, сухое осиное гнездо, пережженные перья красного попугая — они, говорят, особенно хорошо помогают при непрекращающейся кровавой рвоте...

Какая-то черная тень промелькнула над головами,

заставив Андрея вздрогнуть. Но никто, кроме него, не обратил на нее внимания. Все зачарованно слушали Альвареса. А он рассказывал о давно отшумевшей жизни с такой убедительностью, словно сам был всему очевидцем и бродил в толпе по улицам и городским площадям.

Когда он замолчал, никто не решался нарушить тишины. Андрей повернул голову и посмотрел во тьму, плотной стеной обступившую костер. Ему начинало казаться, будто город все еще жив, только погружен в мирный сон. Но встанет солнце — и опять оживут его площади и дома наполнятся шумом человеческих голосов.

Снова промелькнула какая-то тень над костром.

— Залетали! — сердито пробурчал старый монтер, проводив ее взглядом. — Сегодня мне не спать.

— Почему? Кто это? — спросил Андрей.

— Летучие мыши.

— А почему вам не спать?

— Будут тревожить мулов, кровь сосать. Надо их отгонять.

Выругавшись, старик встал и пошел в темноту, к загородке с мулами.

Опять наступила тишина.

— И все это оборвалось сразу, в один день?.. Навероятно! — задумчиво проговорил Андрей, глядя в пляшущий огонь костра.

— Хотел бы я иметь возможность ответить точно на ваш вопрос, — усмехнулся Альварес, разглаживая усы. — Последняя стела, которую мы здесь нашли, датирована девятьсот третьим годом. Значит, и тут, как по всей стране древних майя, в десятом веке произошло нечто загадочное и непонятное. Город был покинут, его жизнь оборвалась. И произошло это внезапно, без всяких видимых причин, хотя кое-что любопытное я вам завтра покажу. Мою гипотезу вы знаете. Но, скажу честно, она пока так же не доказана, как и ваша. Чтобы выяснить, кто же из нас прав, и разгадать, наконец, тайну — для этого мы ведь сюда и приехали, а?

Заветная могила

Одно дело читать в книгах описания покинутых городов, рассматривать в далекой Сибири фотографии древних храмов, и совсем иное самому очутиться в таком городе, потрогать собственной рукой замшелые загадочные стены, сидеть у костра на лесной поляне, бывшей некогда шумной площадью.

«Ведь это в самом деле был город», — думал Андрей, покачиваясь в гамаке и глядя куда-то в листву, плотно закрывшую усыпанное звездами ночное небо.

Теперь с новой, необычной силой зазвучали в памяти Андрея поэтические слова Джона Стефенса, давно выписанные в заветную тетрадку:

«...Город был необитаем. Среди древних развалин не сохранилось никаких следов исчезнувшего народа, с его традициями, передаваемыми от отца к сыну и от поколения к поколению. Он лежал перед нами, словно корабль, потерпевший крушение посреди океана. Его мачты сломались, название стерлось, экипаж погиб. И никто не может сказать, откуда он шел, кому принадлежал, сколько времени продолжалось его путешествие и что послужило причиной его гибели... Все представлялось загадкой, темной и непроницаемой. И каждая деталь лишь усложняла ее...»

Вот она перед ним, эта волнующая загадка. И древние руины среди диких зарослей в самом деле смутно белеют, как обломки какого-то таинственного кораблекрушения...

Что же все-таки заставило древних майя тысячу лет назад вдруг покинуть этот прекрасный город, построенный с таким трудом среди джунглей? Почему опустели его площади, погасли огни в домах?

Пожалуй, обоснованнее всех гипотеза профессора Альвареса, который считает, что причиной гибели го-

родов стали массовые народные восстания. Поводов для них могло быть несколько: голод из-за многолетних неурожаев на истощенных полях, непосильным стало непрерывное строительство все новых и новых никому не нужных пышных храмов и календарных стел. Дополнительную роль могли сыграть, как он соглашается, и болезни. Кончилось тем, что народ ушел, оставив тунеядцев-жрецов в обреченных городах, ушел на новые места, чтобы начать новую жизнь.

«Возможно,— думал Андрей, — но и тут возникает масса недоуменных вопросов. Если были восстания, то должны сохраниться и какие-то следы уличных боев. А их нет».

Этакая странная мирная и бескровная революция. Ну, а оставшиеся в городах жрецы ведь должны были постараться хоть как-то сообщить об этих грозных событиях — ведь не всех же их перебили и не сразу все они умерли с голоду?

Тут явная неувязка. Напрасно Альварес отводит эпидемиям лишь второстепенную роль в своей гипотезе. Именно в них все дело! Угроза массовой гибели от врага невидимого и вездесущего, разящего сразу со всех сторон, от которого не найти защиты ни за крепостными стенами, ни в священном храме — это выглядит куда правдоподобнее. И естественно, единственным спасением от этой загадочной напасти, кажущейся проявлением воли разгневанных богов, остается одно — бежать подальше из зачумленных городов. Мера предосторожности, конечно, варварская, крайняя, но при том уровне медицинских знаний, какими обладали древние майя, бесспорно, логичная и увенчавшаяся успехом, — ведь после такого «великого исхода» из покинутых городов государство майя просуществовало еще шестьсот лет — до прихода испанцев, оказавшихся страшнее и губительнее любых эпидемий.

Но какая болезнь могла распространиться вдруг по всей стране древних майя и выгнать жителей из городов? В той рукописи, которую коллега Альвареса раскопал в церковных архивах, об эпидемиях говорится уж очень туманно. Может, желтая лихорадка?

Тайну этой опасной болезни, убивающей людей в страшных мучениях, удалось разгадать ведь совсем недавно, всего шестьдесят лет назад, и лишь теперь мы разобрались в сложной механике ее распространения.

А она для здешних тропических лесов не в новинку. Природные очаги желтой лихорадки существовали тут, видимо, с незапамятных времен, еще задолго до появления человека. Болели ею тогда только обезьяны и некоторые виды птиц, а передавали болезнетворные вирусы комары, живущие в кронах пальм и высоких деревьев.

Не один ли из них, кстати, так настойчиво и жалобно пищит сейчас у Андрея над головой, пытаясь добраться до кожи?..

Пришли в леса люди и оказались включенными в эту коварную цепочку. Для них болезнь оказалась смертоносной и сразу получила больше возможностей для распространения. Чем гуще становились людские поселения, тем больше возрастала опасность возникновения массовых эпидемий. И вот наступил критический момент, когда губительная эпидемия вырвалась на свободу и охватила всю страну древних майя, заставив жителей бежать из многолюдных городов. А после этого, естественно, эпидемия прекратилась, коварная болезнь опять затаилась в своих природных тайниках.

Стройная гипотеза. Есть у нее лишь один недостаток: нужно еще доказать, что дело обстояло именно так...

Вся трудность в том, что от древних майя почти не осталось никаких кладбищ или некрополей. Андрей давно выучил наизусть описание их похоронных обрядов, сделанное епископом Ландой:

«Эти люди крайне боялись смерти, и это они обнаруживали во всех служениях, которые они совершали своим богам...

Умерших они завертывали в саван, набивая им рот размолотой кукурузой, которая служит им пищей и питьем и которую они называют «к'ойем», и с ней несколько камешков, из тех, что они употребляют как

монеты, чтобы в другой жизни у них не было недостатка в пище.

Они погребали умерших внутри своих домов или позади них, помещая им в могилу несколько своих идолов; если это был жрец, то несколько книг, если колдун, то его колдовские камни и снаряжение... Обычно они покидали дом и оставляли его необитаемым после погребения...

Что до сеньоров и людей очень значительных, они сжигали их тела, клали пепел в большие сосуды и строили над ними храмы...»

Попробуйте найти через много веков в дремучем тропическом лесу могилы, не отмеченные ни памятником, ни даже простым надгробием. И от домов давно ничего тоже не осталось, даже фундаментов.

«Мне крепко повезло, — думал Андрей. — И теперь ждать уже недолго. Разгадка вековой тайны совсем рядом, под боком! Скорей бы начать вскрытие гробницы.

А если найдем в ней только урну с пеплом?!»

С этими мыслями Андрей и заснул, словно провалившись во тьму веков. А проснулся от надоевших криков Бенито:

— Arribal!

Старик не выспался и ворчал. Хотя он и отгонял всю ночь летучих мышей, они все-таки ухитрились покусать двух мулов. Андрей поразился, увидев страшные кровоточащие раны на шеях у животных. Вот тебе и дрожащие крошки с забавными поросычками-пяточками! Настоящие вампиры.

После завтрака Франко повел рабочих на расчистку земляного навала, Андрей же занялся распаковкой багажа и приготовлениями к вскрытию гробницы.

Тщательный план им был разработан давным-давно и уже не раз обсуждался с Альваресом.

Над входом в гробницу будет установлена маленькая палатка из стерильного пластика, чтобы оградить ее от всего мира. Как только плита будет поднята и археологи спустятся в гробницу, вход за ними плотно закроют специальной стерильной пластиной. Она

преградит доступ в камеру современным микробам, невидимками притаившимся в воздухе. Конечно, какая-то часть их все-таки успеет проникнуть в гробницу, пока будут поднимать плиту и заменят ее пластиковой крышкой. Но это не страшно. Вторгшиеся микробы осядут где-то в самых верхних местах на стенах гробницы и не успеют смешаться с древними микроорганизмами, только действовать надо быстро.

В запечатанном пакете была приготовлена стерильно-чистая одежда для Андрея и профессора: халаты, защитные марлевые повязки, белые шапочки, резиновые перчатки и специальные чехлы для ботинок. Кажется, ничего не упущено.

Андрей все проверил, приготовил, ему не терпелось поскорее пойти в храм.

— Не спешите, мой друг, — остановил его профессор. — Они нас позовут. Земли там навалено много, комната тесная, дверь всего одна. Мы будем только мешать. А пока, чтобы не томиться, продолжим прогулку по моему городу.

Альварес прежде всего повел Андрея к громадной продолговатой каменной глыбе, валявшейся в густой траве среди зарослей.

— Вот, расчищали только в прошлом году, а смотрите, как все опять заросло.

Это была скульптурная стела. Подойдя поближе, Андрей увидел резное изображение какого-то горбоносого человека в пышном одеянии с причудливым жезлом в руке. Все детали были вырезаны в камне неизвестным древним мастером с поразительной пластичностью и тонкостью.

— Жрец? — спросил Андрей.

— Нет, скорее халач-виник, правитель.

— А что означают эти иероглифы?

— Дата, как обычно. Девятьсот третий год нашей эры. Каждое двадцатилетие — катун — непременно следовало отметить сооружением новой стелы. Каменные глыбы вырубали из скалы далеко отсюда и затем волокли на толстых деревянных катках через лес.

— Как же их потом ставили друг на друга? Ведь такая глыба весила наверняка несколько тонн, а инструменты у майя были самые примитивные.

Альварес ответил не задумываясь, как очевидец:

— Глыбу втаскивали по наклонной плоскости на бревенчатый мост. А с другой стороны помост обрывался круто, понимаете? Конец глыбы нависал над этим обрывом, постепенно перевешивал, и она начинала соскальзывать вниз, в специально вырытую и обложенную камнями яму. Потом уже с помощью веревок и примитивных блоков ее устанавливали строго вертикально. Примерно так же возводились и храмы, дворцы, все здания...

— Адская работа!

— Да, поэтому древние майя от рождения до смерти занимались непрерывной стройкой.

Утром в лесу было торжественно и тихо, как в музее. В траве виднелись древние памятники: огромные каменные плиты, причудливые скульптуры ягуаров. Их было много, как в музее. Но с каждым шагом Андрей все больше убеждался, что это вовсе не музей, куда нарочно собирают памятники старины, хотя бы и необычный, в глухом лесу, под открытым небом. Нет, тут в самом деле был когда-то шумный город, кипела жизнь!

Раньше он видел подобные памятники только на фотографиях, и они были музейно мертвы. Но то, что на снимках выглядело однообразным серым фоном, здесь приобрело глубину, сочность полутонов, вещественную плотность. На самом деле древние камни оказались удивительно теплой окраски самых различных оттенков — от зеленого до красновато-бурого. И еще больше оживляли их пятна солнечного света, прорывавшегося сквозь густую листву.

Андрей трогал эти камни рукой. Их поверхность, отполированная за столетия дождями, не утратила четкости первоначальных форм. Отчетливо были видны узоры, выбитые на камне неведомыми древними мастерами. Некоторые камни они покрывали сплошь, со всех сторон: барельефы с изображениями богов, гротескными масками, забавными шагающими фигур-

ками и загадочные письмена, которые тоже смотрелись как украшения — не то иероглифы, не то рисунки.

— Что они означают? — спросил Андрей у профессора.

— Все только даты. Спасибо вашему Юрию Кнорозову, мы хоть немного начали понимать письмена древних майя. Но пока разобрана примерно лишь треть всех известных надписей. И все это — астрономические расчеты, предсказания да календарные даты, почти никаких сведений о жизни и быте народа.

Станный это был все-таки народ, думал Андрей. Больше всего древние майя чтили, пожалуй, Время и, поклоняясь ему, возводили вот такие стелы с датами и громадные пирамиды. Календарь, отмечавший непрерывный полет Времени, стал для них религией и целой философией. Они верили, будто сменяющиеся друг за другом дни, месяцы, годы несут с собой милость или гнев богов. Все зависит от того, какой именно небесный страж — добрый или злой — взвалит на свою спину очередную «ношу времени».

Из храмов, вознесенных на вершины пирамид, жрецы вели тщательные наблюдения над звездами, составляли звездные карты и таблицы.

Календарь у древних майя был даже точнее нашего, современного, но отличался невероятной сложностью. Он как бы состоял из нескольких самостоятельно вращающихся «колес», каждое из которых отсчитывало свой цикл времени. «Цолькин» — священный ритуальный год насчитывал двести шестьдесят дней, а гражданский год — «хааб» — триста шестьдесят пять. И надо было их постоянно как-то увязывать вместе. Этим и занималась многочисленная каста жрецов. Их сложные расчеты и наблюдения не могли не казаться простому народу в высшей степени таинственными.

Все делалось по указанию жрецов, вещавших от лица самого Времени: начало сева и уборка урожая, освящение новых монументов и зданий, начало каждого месяца, сопровождавшееся жертвоприношениями и молитвами, тщательно разработанными обрядами.

Странное добровольное рабство у Числа и Дат! Поневоле согласишься гипотезам, будто именно оно и объясняет тайну покинутых городов. Некоторые исследователи уверяют, что древние майя покинули свои старые города и начали возводить новые без всякой внешней причины, подчиняясь лишь каким-то загадочным велениям Календаря, о которых им поведали жрецы. Просто настало время покинуть обжитые места и начинать жизнь заново, и они этому беспрекословно подчинились! Неужели так сильно было влияние жрецов?

— Ничего нет удивительного в том, что древние майя столь почитали Время, — сказал Альварес, когда Андрей поделился с ним этими мыслями. — Ведь они находились в полнейшей зависимости от стихийных сил природы. Вся их цивилизация зависела от смены времен года, от дождя и солнца. И требовалось очень точно выбирать время для посева, иначе народ погибнет от неурожая и голода.

Станный, необычный для этого дикого леса звук вдруг заставил профессора оборвать речь на полуслове. Откуда-то, приближаясь, доносился рокот мотора!

Они задрали головы. Звук шел сверху, но ничего нельзя было разглядеть сквозь густую листву.

А звук то нарастал, то затихал, пока не растворился где-то вдали в лесной тишине.

— Самолет! — воскликнул Андрей.

— Да. Чего он здесь кружит? — насупившись, ответил Альварес.

— Может, нас ищет?

— Зачем? Кому мы нужны? И мы же не пропали без вести.

— Может, хотят передать какое-нибудь сообщение, — неуверенно сказал Андрей.

— Кто? — пожав плечами, Альварес задумчиво потербил усы и, собравшись с мыслями, продолжал:

— Так что не удивительно обожествление Календаря, а через него — капризных сил природы. Возникло оно из условий существования, но потом, конечно, постепенно становилось чем-то извечным, «богами данным» и требующим неукоснительного

выполнения, как, впрочем, и всякая религия. Но все-таки весьма сомнительно, чтобы майя покинули свои города только по каким-то неизвестным нам религиозным соображениям. Я в это не верю и кое-что вам сейчас покажу...

Он повел Андрея в глубь развалин, тяжело сопя и что-то ворча под нос. И опять Андрея восхитило, как уверенно профессор продирается сквозь густые, колючие заросли, словно он с детства жил в этом древнем городе и прекрасно знает здесь каждый закоулок.

— Вот, — сказал, отдуваясь и вытирая багровое лицо, Альварес. — Вот, полюбуйте, — и он ткнул пальцем в толстую каменную плиту, покрытую скульптурным рельефом. Он изображал важного жреца в пышном одеянии, возглавляющего заседание какого-то совета.

— Видите? У четырех фигур головы отбиты. А здесь трещина. И вот еще. И вот.

— Вижу. Ну и что же?

— А то, что эта великолепная резная плита — она, видимо, служила своего рода тронем для какого-то жреца высокого ранга — испорчена, кем-то разбита.

— Но, может, это естественные разрушения, просто от времени?

— Нет! — решительно замотал головой Альварес. — Это сделали человеческие руки. Приглядитесь внимательнее, это же явные следы ударов.

— Пожалуй...

— Значит, вовсе не мирно люди покидали эти древние города! — почти закричал Альварес. — Были разрушения, были! Я вам потом еще кое-что покажу... Более любопытное.

— Да, это подтверждает вашу гипотезу, — уныло согласился Андрей, лихорадочно думая:

«Неужели я сюда зря ехал и эпидемии ни при чем...»

Но тут же снова воспрянул духом, услышав слова профессора:

— Если бы так! Я тоже так думал и ликовал, общая об этой замечательной находке. Но на меня

сразу же дотошные коллеги вылили несколько ушатов ледяной воды, ехидно спросили: «А чем вы докажете, что эти разрушения были произведены в древности, когда жители покидали город? Где доказательства, что они не более позднего происхождения? Какой-нибудь бродячий охотник или подвыпивший лесоруб?»

— Резонное возражение, — пожалуй, слишком радостно подхватил Андрей.

— Конечно, резонное, — сердито ответил Альварес, покосившись на него и опять начиная грозно по-сапывать. — Вот в Яшчилане несколько лет назад лесорубы решили поискать под древним алтарем клад с золотом. Не знали, дурачье, что майя в те времена золота совсем не имели, самыми дорогими украшениями были у них бусы да пластинки из нефрита! Грабителям мешала одна статуя, и они, не задумываясь, разбили ее на куски! Голова статуи откатилась довольно далеко. Не узнай археологи об этой печальной истории, вполне могли бы принять повреждения за свидетельство древнего восстания или вражеского вторжения.

— А может, и эта плита повреждена недавно? Рельеф отчетливо виден, не успел зарастить плесенью.

— Нет, это я его расчищал два года назад, — отмахнулся Альварес. — А до меня его никто не касался уже по крайней мере со времен испанцев, смею вас уверить.

«А чем вы это докажете?» — вертелся на языке у Андрея ехидный вопрос, но он вовремя сдержался.

— Вот в том-то и трудность, — тяжело вздохнул Альварес, поглаживая расколотый камень ладонью. — Рельеф явно поврежден давно, но когда именно — триста или тысячу триста лет назад? Кто это скажет? К сожалению, камень не подвергнешь радиоактивному анализу.

— Да, трудные перед вами встают проблемы, — задумчиво посочувствовал Андрей.

— Еще бы не трудные! Хорошо египтологам: у них все в основном давно ясно, занимаются только уточнением деталей. А у нас чуть не каждое новое откры-

тие заставляет пересматривать множество устоявшихся взглядов и казавшихся бесспорными теорий. Считали, что города на севере, в Юкатане, построены переселенцами из южных покинутых городов. Там, дескать, возникло Новое царство. А раскопки Дзибилчалтуна возле Мерида показали, что возник этот город чуть ли еще не за две тысячи лет до нашей эры! Вот вам и Новое царство...

— Но если переселения с юга в Юкатан не было, то куда же девались жители покинутых городов?

— Вот именно, черт возьми! Я тоже хотел бы узнать это, как и вы. А тайна не проясняется, но лишь все больше запутывается. Открытия приносят, пожалуй, больше новых загадок, чем проясняют старые. Считалось, будто пирамиды у древних майя служили лишь постаментами для храмов и обсерваторий. Но вот Альберто Рус открывает «царскую гробницу» в пирамиде под «Храмом Надписей» в Паленке — и прежние теории рушатся. Сейчас уже найдено несколько гробниц в пирамидах. А в Экмуле на Юкатане обнаруживают вдруг целое кладбище из сорока могил, относящееся к восьмому веку. У всех скелетов нет ног. Видимо, этих людей принесли в жертву богам. Но считалось, что обычай кровавых жертвоприношений возник лишь гораздо позднее — с приходом тольтеков. Опять все пересматривай!

Профессор сказал это с таким сокрушением и даже ужасом, что Андрей невольно рассмеялся.

— Вам смешно! Но хотел бы я услышать, как вы станете смеяться, когда рухнет ваша гипотеза. А моя, кажется, начинает уже качаться и потрескивать...

— Почему? Может, вам еще удастся точно установить, когда были повреждены эти изображения.

— Допустим. А кем они повреждены — как это установить через тысячу лет? Восставшим народом или какими-то вторгшимися чужеземцами?

Он вздохнул и добавил после длинной паузы усталым голосом:

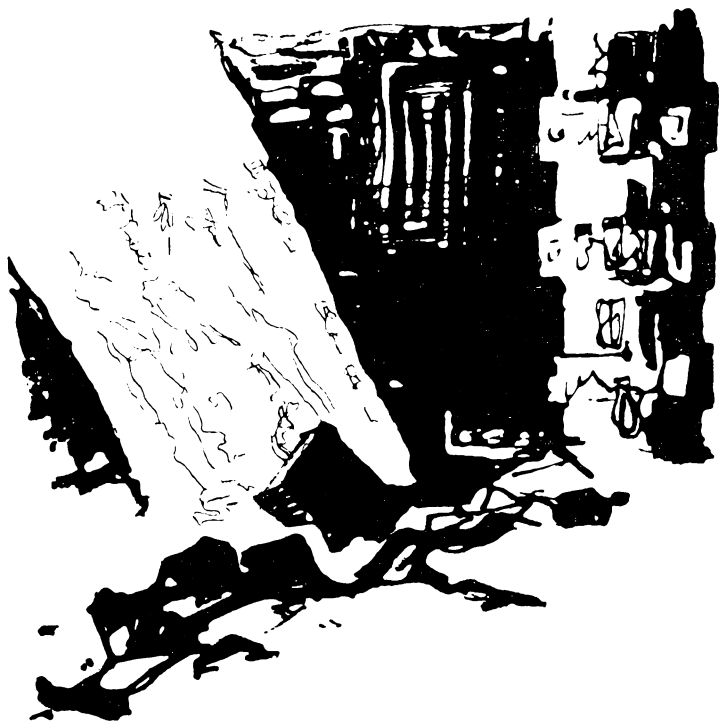
— Слышали о последних раскопках в Алтаре Жертв? Поселение там возникло почти две тысячи лет назад и существовало до девятого века нашей

эры, когда этот город был покинут, как и остальные. Все прежние находки говорили, что здесь шло последовательное развитие одной и той же местной культуры. Но с десятого века картина резко меняется. Прежнюю культуру сменяет совершенно иная, явно чужеземная, ее называли «комплексом Химба». И после этого город умирает... Значит, вторжение? Чье? И тут побывали тольтеки, но не задержались в лесных краях, а ушли дальше, на север?

— Профессор, нас зовут! — прервал его Андрей, давно уже украдкой поглядывавший в сторону холма, где рабочие расчищали пол над гробницей. — Франко машет нам рукой.

— Да? Значит, закончили расчистку. Ну, пошли

вскрывать вашу гробницу. Конечно, каламбур невысокого сорта, но дай бог, чтобы не стала она гробницей вашей гипотезы, а?

— Мне надо захватить все принадлежности...

— Пойдемте, я вам помогу.

Взвалив на спину два тяжелых тюка, профессор проворчал:

— Чего вы столько набрали?

Вся земля из комнаты, где находилась гробница, была уже вынесена. Пол прикрывал большой кусок брезента, который предусмотрительный Альварес велел положить в прошлом году, прежде чем делать земляную насыпь. Брезент местами подмок и покрылся зеленоватой плесенью.

«Ну, это пустяки, гробнице ничего не сделалось», — с благодарностью к профессору подумал Андрей.

Комнату ярко освещали три потрескивавших и чадивших факела.

— Посмотрите-ка сюда, — потянул Андрея за рукав профессор к дальней стене. — Вот что я вам хотел показать.

Множество лиц пристально смотрело со стены на Андрея. Это была огромная фреска, покрывавшая всю стену и часть потолка. Она изображала какую-то пышную церемонию.

В центре на вершине ступенчатой пирамиды стоял вождь в горделивой позе, со шкурой ягуара, ниспадающей с плеч. Голову его венчал султан из разноцветных перьев, на груди украшения из бус и драгоценных камней. Вокруг толпились вельможи в красивых высоких головных уборах. Их горбоносые лица со скошенными лбами были торжественны и полны достоинства. А ниже выстроились воины, опираясь на копья.

Еще ниже, на ступенях лестницы, ведущей к вершине пирамиды, перед этими победителями распростерлись пленники с искаженными болью и страданием лицами. Один, с запрокинутой головой и бессильно повисшими руками, уже был принесен в жертву свирепым богам. Остальные пленники покорно ожидали той же участи. Лишь один из них горестно вздымал руки, умоляя о пощаде.

Вся картина была полна какой-то удивительной, энергичной и мрачной экспрессии. Каждая фигура была выписана с малейшими деталями причудливых костюмов. И яркие краски — алые, зеленые, голубые — почти совсем не выцвели за века!

— Хороша? — спросил Альварес таким тоном, будто сам нарисовал все это.

— Великолепна! — тихо ответил Андрей, не в силах отвести глаз от картины и совсем забыв на миг о заветной гробнице.

— А это вы видите? Присмотритесь внимательнее, — вдруг совсем другим, помрачневшим голосом

спросил профессор, показывая пальцем на несколько лиц на картине.

Андрей пригляделся, но ничего особенного не заметил и вопрошающе посмотрел на Альвареса.

Тот схватил факел и поднес его к самой фреске.

— Неужели вы не видите, что у многих фигур выцарапаны глаза?! Да не у одиночных, а целыми группами!

— Теперь вижу.

— Сначала я подумал, будто там были драгоценные камни для оживления изображений и со временем они выпали. Пробовал даже искать эти камни в земле, накопившейся за века на полу. Нет, никаких камней там не было. Просто кто-то нарочно повредил фреску, выцарапывая именно глаза. Кто-то хотел сознательно осквернить эти священные изображения на стене храма. Кто? Пьяный лесоруб или тем более бродячий суеверный охотник этого не стали бы делать, бессмысленно. Значит, повреждения нанесены еще в древности — или восставшими, или вторгшимися чужеземцами...

— Но, может, это все-таки естественные повреждения? От времени?

— Нет, — замахал факелом Альварес, заставив Андрея отшатнуться в сторону. — Есть явные следы человеческих рук, царапины! А эта трещина?

Сунув факел в руки своему помощнику, профессор рывком сдернул брезент с пола и отшвырнул его в угол.

— Видите эти трещины по углам плиты, прикрывающей вход в гробницу? Ее явно пытались расколоть, чтобы осквернить могилу.

Андрей молча уставился на плиту. По ее поверхности, отполированной почти до блеска, змеилась кривая глубокая трещина. А один уголок плиты был отбит.

Трудно передать, что творилось в душе молодого ученого. Он молчал, не находя слов, но совсем по иной причине, чем Альварес.

Все его мечты и надежды рухнули в один миг...

— Ну, что же вы стоите? — спросил Альварес,

озадаченный и даже слегка обеспокоенный его мрачным молчанием. — Давайте разбивать ваш стерильный ша-тер...

— Зачем? — глухо спросил Андрей, не поднимая головы.

— Как зачем? Будем вскрывать гробницу!

— Можно вскрывать и так... Как вы обычно делаете. Для меня она беспо-лезна.

— Как бесполезна? — рывкнул профессор. — Почему?!

— Она не герметична.

На какой-то миг Андрею показалось, что Альварес может его сейчас убить. Выхватит факел из рук окаменевшего Франко и ударит по голове...

— Но в гробнице никто не копался, вы же видите, что плиту не сумели разбить или поднять! — закричал Альварес, потрясая над головой тяжелыми кулаками.

В дверной проем, подталкивая друг друга, заглядывали заинтересовавшиеся его криками рабочие.

— На плите трещины. И угол отбит, — стараясь не смотреть ни на них, ни на Альвареса, ответил Андрей.

— Подумаешь, крошечная шелка!

— Я могу взять пробы, если вы настаиваете, по результаты их, какими бы они ни оказались, публиковать не стану и ссылаться на них не буду. Это совершенно бесполезно. Опыт нечист.

— Тогда убирайтесь со своими пробирками и не мешайте нам работать! — заревел Альварес. — Вы отказались при свидетелях, и кончено!

В бешенстве он несколько раз пнул ногой один из тюков со стерильным оборудованием, которое так оберегал Андрей всю дорогу.

С помощью рабочих Андрей поспешил вытащить

из комнаты свои вещи и отнес их обратно в лагерь, где и уселся под кустом в полном отупении, охватив голову руками.

Сколько он просидел так в одиночестве и глубокой протрации, Андрей не мог бы сказать.

Потом раздалось тяжелое сопение, зашуршала трава под ногами, и рядом с ним грузно опустился на землю Альварес.

— Ладно, чатасо * , не дуйся на меня, как девчонка, — виновато сказал профессор. — Я тебя понимаю, но и ты должен простить меня.

Он грустно посопел, вздохнул и добавил:

— Обидно. Так берег для тебя эту могилу... Но ты молодец. Ты настоящий ученый. Так, конечно, и надо — быть неподкупно требовательным. И ты был прав, — он положил руку на плечо Андрею и тут же отдернул ее: — Дьявол, весь перемазался в грязи и тебя испачкал. В эту проклятую трещину затекала вода, в гробнице все попорчено. Но кое-что есть интересное. Пойдем посмотрим, а?

Андрей молча поднялся и, сутулясь, словно старик, устало поплелся за профессором.

Придя в храм, Андрей увидел глубокую яму, зиявшую посреди пола. Возле нее высилась груда сырой земли.

А в яме лежал скелет — неудобно скорченный, с подогнутыми ногами. Возле него хлопотал Франко, весь перемазанный грязью.

— Нашел еще одну раковину, профессор! — непривычным для него повеселевшим голосом сказал Франко.

— Такая же?

— Да. Тоже *Spondilus*.

Помощник осторожно передал профессору тускло поблескивавшую небольшую раковину. Андрей полагал, что она служила украшением и дол-

---

* Мальчуган (исп.).

жна быть как-то обделана. Но раковина оказалась самой обыкновенной.

— Что в ней интересного? — спросил он у профессора.

— Как что? Это же морская раковина! Кроме того, нашли в могиле несколько игл морского ежа. Это свидетельствует о довольно широко развитых торговых связях в те древние времена. И видимо, нелегко сюда было доставить эти вещи с морского побережья, если они считались сами по себе ценными украшениями.

— Но главное, вот что мы нашли, — Альварес подвел Андрея к расстеленному в сторонке куску брезента. — Полюбуйтесь!

На брезенте лежала каменная маска, украшенная инкрустациями из тех же раковин.

— Погребальная...

Андрею она не очень понравилась. Та маска, гипсовая копия которой висела на стене в кабинете Альвареса, была, конечно, гораздо выразительнее, хотя и без всяких украшений. Или просто у него сегодня такое настроение, что уж ничего не могло нравиться?..

Альварес, видно, почувствовал это, потому что несколько виноватым тоном сказал:

— Мало нашли интересного. Вы были правы: гробница попорчена, в нее затекала вода, все истлело, кроме раковин да камня.

— А к какому времени она относится?

— Сразу трудно сказать. Но по некоторым признакам захоронение довольно архаичное, а, Франко? Вероятно, эта гробница была поставлена еще в первые годы существования города.

Археологи занимались гробницей до самого вечера: фотографировали с разных точек, разбивали веревочками на квадраты, потом составляли схему, помечая точно, где именно лежала каждая раковина или иголка морского ежа. Андрей помогал им, но, признаваться, без особого интереса.

Профессор чувствовал себя виноватым и решил его утешить.

— Ну что же... При всех признаю, что вы правы, —

сказал он вечером у костра. — Ваши исследования требуют еще большей точности, чем мои. И придираться к вам станут строже. Надо найти такую гробницу, возле которой и близко никто еще не побывал.

— Это возможно?

— Надеюсь. Я же говорил: этот городок слишком невелик, чтобы стоять вдалеке от других поселений. Должны быть где-то поблизости еще развалины. Не все же мы уже разыскали. Но трудно. Придется забираться в самую глушь.

Он подумал и добавил:

— Видимо, придется разделиться. Пусть Франко ведет здесь раскопки, справится пока без меня. Тут устроим базовый лагерь. А сами налегке отправимся на разведку. Может, встретим лакандонов, если посчастливится. Но они вряд ли станут нам помогать. Упрямый народ, истинные потомки древних майя. Живут по-прежнему в самой глуши, сторонясь цивилизации, и почти точно так же, наверное, как простые земледельцы майя в древности. И до сих пор поклоняются древним богам, приносят дары на древние алтари. Заманчиво с ними познакомиться, а?

Глаза его загорелись, круглое раскрасневшееся от зноя лицо с торчащими в стороны усами приняло забавно-мечтательное выражение.

— Решено! — выкрикнул Альварес, хлопая Андрея по плечу. — Полезем в самые дебри. Эти камни от нас уже не уйдут.

Летающий жрец

Четыре дня они втроем — Альварес, Бенито и Андрей — занимались разведкой окрестностей. Это оказалось невероятно трудным делом. Никаких троп не было. Приходилось буквально прорубаться сквозь

непролазную чашу. Только теперь Андрей понял, как нелегко было археологам найти в лесных дебрях эти развалины и проложить к ним тропу от реки.

Всем троим приходилось по очереди часами рубить ветви тяжелыми мачете, и теперь Андрей поневоле научился этому трудному делу. К вечеру он так выматывался, что чуть не засыпал прямо у костра с лепешкой во рту, не оставалось сил даже добраться до гамака.

А утром просыпался от крика неугомонного Бенито:

— Arriba!

— Vamonos! — вторил ему, побряхывая, Альварес.

Андрей удивлялся и завидовал их выносливости, ведь они были гораздо старше его.

А результат их каторжных трудов и усилий? Они нашли только еще одну-единственную стелу.

И наткнулись на нее совершенно случайно. Каменный столб стоял, чуть накренившись, в самой гуще зарослей и был так плотно оплетен лианами, что путешественники наверняка прошли бы мимо, приняв его за простой древесный ствол.

Но, к счастью, мачете в руках Андрея скользнул по лиане и звякнул, ударившись о камень...

Они очистили стелу от лиан и наросшего мха. Обелиск был высотой в три с половиной метра, почти правильной четырехугольной формы. После чистки скульптурные изображения на нем стали резко выделяться на фоне сочной зелени. Когда-то они были ярко окрашены. Следы краски до сих пор сохранились местами в глубоких выщербинах камня. Это поразило Андрея: казалось, каменный столб был поставлен здесь недавно, а не многие столетия назад.

В центре рельефа был изображен жрец с таким торжественно-серьезным выражением, которое наверняка должно было внушать страх покорно склонявшимся перед ним людям, что стояли на коленях, со скрещенными на груди руками. Левой рукой он показывал им какой-то жезл или дароносицу, а в правой

держал нечто непонятное, очень напоминающее современную полицейскую дубинку.

— Конец восьмого века примерно, — пробормотал профессор Альварес, долго и внимательно изучавший бесконечные шеренги иероглифов по бокам рельефа. — Ничего нового мы не узнали. Только лишний раз убедились, что в древности этот район был довольно густо населен...

Это-то и огорчало вдвойне. Стела подтверждала, что они ведут вовсе не напрасные поиски. Где-то, может, совсем рядом, могут таиться и другие памятники давно исчезнувшей жизни — развалины храмов, даже целых городов, пирамиды, гробницы.

Но как найти их в дремучем лесу, где каждый шаг приходится прокладывать мачете и можно пройти в двух шагах от плиты и не заметить ее за густым переплетением лиан, кустарников, причудливо изогнутых древесных стволов? В этом Великом Лесу, оказывается, даже пирамиду отыскать не легче, чем пресловутую иголку в стоге сена.

Они мрачно размышляли об этом, усевшись отдохнуть перед расчищенной от лиан стелой.

И снова слышали приближающийся рокот мотора. А задрав головы, увидели проскользнувшую высоко наверху по листве деревьев тень самолета.

— Бэтмен, — сказал Бенито.

Опять это имя показалось Андрею почему-то знакомым.

— Откуда ты знаешь? — спросил проводника, насупившись, Альварес.

— Он часто тут летает.

Они молчали, прислушиваясь к затихающему гулу мотора.

— У него что — свой самолет?

— Конечно. Он знает весь лес, как постель в своем гамаке, — помедлив, старик значительно добавил, понизив голос: — Говорят, он... колдун.

— Колдун? — усмехнулся Альварес. — Поэтому его и прозвали, наверное, Бэтменом?

Теперь Андрей догадался, почему это имя казалось ему знакомым. Супермен, «Человек Летучая Мышь»! Свободно летающий вопреки закону земного тяготения и не знающий никаких преград герой комиксов, появляющийся в своей черной маске каждый день на страницах газет...

— А чего он тут летает, чего высматривает? — насупившись, спросил Альварес.

Бенито неопределенно пожал плечами.

— За нами следит, не иначе, — все больше расхохотался профессор. — И в лагерь лесорубов прилетел, чтобы разнюхать, куда мы направляемся. Я сразу догадался! Нечего больше ему там было делать. И тут уж какой раз кружит.

— Нам бы его крылья, — с завистью сказал Андрей. — Хотя сверху в таком лесу ничего не разглядишь.

— Ошибаетесь, — ответил Альварес. — Еще в тридцатых годах с воздуха удалось обнаружить несколько древних поселений майя. Начало положил, кстати, знаменитый Чарльз Линдберг, первым перелетевший через Атлантику, слышали о таком? С тех

пор техника далеко шагнула, и современные методы аэрофотосъемки дают для археологических поисков прекрасные результаты.

— А вы ими не пользуетесь?

— Очень редко. Денег нет.

— Зато Бэтмен отвезет вас прямо к нетронутой пирамиде, — сказал Бенито. — Он их все наперечет знает...

— Тебя послушать, так этот Бэтмен прямо какой-то господь бог всеведущий, — сердито буркнул Альварес.

Но, видно, заманчивая идея запала ему в голову, потому что, когда они вернулись в лагерь, профессор утром сказал Андрею:

— Тут работа налажена, обойдутся и без меня. Давайте сходим в поселок и попробуем уговорить этого Бэтмена, если он еще там околачивается. Пусть лучше нам помогает, чем крутится коршуном над головой. Это начинает действовать мне на нервы. Только цену он, наверное, заломит страшную.

Казалось, профессор чувствовал себя лично виноватым в том, что гость приехал за тридевять земель, а делать ему тут нечего...

Летчика они, к счастью, застали еще в поселке лесорубов.

Джонни лениво дремал в тени под крылом своего потрепанного самолета, марку которого определить было нелегко.

Видимо, работы у летчика сейчас не было, потому что предоставить свою машину в распоряжение археологов Джонни согласился довольно быстро, хотя и запросил солидную сумму, многозначительно подчеркнув:

— Только greenbacks *

Поторговавшись, Альварес сдался и тут же дал летчику задаток.

Когда Альварес рылся в сумке, ему подвернулась фотография той самой маски древнего жреца, на кото-

---

* Жаргонное название долларов (англ.).

рого так походил Джонни. Он протянул ее летчику и шутливо спросил:

— Это не твой отец?

— Мой отец был белый, из Штатов.

— Но мать наверняка местная. Из какого племени? Лакандонов?

— Я не индеец, а *norteamericano* *, — угрюмо ответил Джонни. — У меня американский паспорт.

— А когда мы можем вылететь? — нетерпеливо спросил Андрей.

— Хоть завтра, — коротко ответил Джонни.

И вот рано утром, погрузив в самолет аварийный запас продуктов и самые необходимые инструменты, которые могли бы понадобиться для раскопок, они поднялись в воздух.

При взлете самолет так трясло, что профессор и Андрей, цепляясь судорожно за что попало, мотались на своих неудобных деревянных креслицах из стороны в сторону. Они даже не успели испугаться, когда самолет чуть не задел колесами верхушку высокого дерева. Страховочный ремень так больно врезался Андрею в живот, что он всерьез подумал: а не перережет ли его этим проклятым ремнем пополам? Но земля

---

* Североамериканец (*исп.*).

провалилась вниз, и тряска утихла. Можно было глянуть по сторонам.

Свернула вдалеке извилистая лента реки. Теперь внизу до самого края неба был только лес.

Самолет снизился и начал ходить над лесом галсами — вперед и назад, вперед и назад. Альварес и Андрей приникли к окошкам.

Старенький самолет раскачивался и противно скрипел. Его стенки ходили ходуном. Временами он вдруг начинал судорожно трястись, словно телега на ухабах. И то и дело проваливался в «воздушные ямы», отчего у Андрея каждый раз неприятно подкатывало к горлу. Казалось, старенькая машина сейчас развалится, и они посыплются с неба в этот дремучий, непроходимый лес...

До самого горизонта разлилась зелень лесов, однообразная, как океан. И в довершение сходства местами кроны деревьев поднимались выше, напоминая убегающие вдаль волны.

Андрей вдруг подумал, что если бы самолет вдруг рухнул в эту чащу, то листва деревьев моментально сомкнулась бы над ним, как вода. И найти потерпевшую аварию машину будет не легче, чем на морском дне. Разве увидишь его с воздуха?

Параашютов, конечно, у них не было. Не было в ка-

бине и огнетушителя — только пустое гнездо для него. В разбитое стекло свободно врывается ветер.

— Возвращаюсь! — крикнул Джонни, высунувшись из своей тесной кабинки.

— Почему? — рявкнул Альварес.

— Бензина осталось только на обратный путь.

Профессор покачал головой и отвернулся к окошку.

Обратно они летели напрямую и снова ничего интересного не увидели.

Потом земля накренилась, самолет лег на крыло. Среди темной зелени засверкала река. Вот и поселочек, прижатый лесом к самой воде.

Самолет ястребом ринулся вниз.

Снова затрясло, закидало в разные стороны. Потом все стихло, и в разбитое оконце ворвались москиты вместе с поднятой самолетом пылью.

Андрей с Альваресом отстегнули ремни и с трудом выбрались из кабины. Все тело ныло, словно Андрей ехал целый день по кочкам в разбитой телеге.

Джонни поджидал их уже в тени под крылом, покупывая неизменную сигаретку.

— Слушай, я тебе плачу greenbacks не за то, чтобы ты нас катал над лесом, — накинулся на него Альварес.

— Я же не виноват, что ничего не нашли, — пожал плечами, невозмутимо ответил летчик. — Вы же сами смотрели.

— Ладно, не рассказывай сказок! — отмахнулся профессор. — Ты лучше знаешь, где есть развалины, и быстрее нас вымотришь их с высоты. Так что, пожалуйста, завтра постарайся показать нам что-нибудь интересное...

— Как повезет, — опять пожал плечами Джонни все с тем же невозмутимым выражением на каменном лице.

— А ты постарайся, чтобы повезло. Люди говорят, что ты каждый камешек в округе знаешь. Поэтому мы тебя и наняли.

— Мало ли что люди болтают, — буркнул летчик и начал копаться в еще горячем моторе.

Они совершили еще два полета, но так же безрезультатно. Терпение профессора кончилось.

— Хватит! — заявил он летчику. — Отвези нас в Теносике, и больше я не хочу иметь с тобой никаких дел.

Джонни молча пожал плечами и тут же полез в кабину.

Весь полет до Теносике прошел в мрачном молчании. Только в самом начале Андрей рискнул было спросить у Альвареса:

— А что мы будем делать в Теносике?

Но тот ответил ему:

— Запасемся продуктами и вернемся к месту раскопок. Надо работать, а не кататься в небесах, — таким тоном, что больше уже никаких вопросов задавать не хотелось.

Последние надежды Андрея найти никем не потревоженную гробницу рушились окончательно и бесповоротно. Джонни водит их за нос и в самом деле просто катает над безбрежным лесом, стараясь выкачать побольше долларов. Альварес прав: надо довести до конца хотя бы уже начатые раскопки. И у Андрея нет никаких оснований для обиды, профессор сделал все, что было в его силах.

Когда они сели на заросшем бурьяном пустыре на окраине Теносике, Альварес тут же, у самолета, сунул летчику пачку мятых долларов и демонстративно добавил еще несколько десятицентовых монет.

— Как договаривались, — сказал он. — Можешь проверить. Но я не такой жулик, как ты.

Джонни с каменным лицом неторопливо пересчитал деньги и кивнул:

— Все правильно, — тут же, даже не попрощавшись, отвернулся и начал что-то искать в кабинке.

Альварес с Андреем отошли уже на несколько шагов, как вдруг летчик их негромко окликнул.

— Что еще? — остановился профессор.

Летчик подошел к ним, вытирая руки куском ветоши, и неожиданно сказал:

— Бизнес есть бизнес, а я человек честный. И хочу дать вам один совет. Бесплатно.

— Какой еще совет? — буркнул профессор.

— Помалкивайте о своих планах и находках. А то уже через час все в Теносике будут знать, что вы нашли и куда направляетесь.

— Мы не болтливы...

— Я тоже, — лениво ответил Джонни, и по его лицу древнего жреца проскользнула легкая усмешка. — Я давно вас хотел предупредить: не ведите никаких разговоров между собой, если поблизости увидите нищего Педро...

— Кого?

— Педро, глухонемого нищего. Он всегда крутится возле *pinte** или у гостиницы.

Андрею смутно припомнилось, что в самом деле он как будто несколько раз встречал нищего оборванца, протягивавшего с невнятным требовательным мычанием потрепанную шляпу за подаванием каждому прохожему. Встречи эти были так мимолетны, что он даже лица этого нищего вспомнить толком не мог.

— Но если... — начал недоуменно Андрей.

---

* Харчевня (*исп.*).

Однако его опередил Альварес, задав тот же вопрос:

— Если он глухонемой, то чего нам его остерегаться? Он же не может подслушать, о чем мы говорим...

— Поэтому он и опасен, — сказал Джонни. — Никто от него не таится — дескать, все равно не слышит. А ему и близко не надо подходить, чтобы все секреты узнать. Он читает по губам. Вы сидите в комнате и разговариваете, а он смотрит в окно с другой стороны улицы и все понимает. Ясно?

— Ловко, — пробормотал Альварес. — Ладно, Джонни, спасибо за предупреждение.

Летчик кивнул и зашагал по улице, засунув руки в карманы выгоревшего комбинезона. Они смотрели ему вслед, потом оглянулись по сторонам. Улица была все так же пустынна.

— Saagamba! — буркнул Альварес. — Теперь мы станем озиаться, словно жулики, — нет ли поблизости этого глухонемого шпиона, да?

Они не очень весело рассмеялись.

— От него есть спасение, — сказал Андрей.

— Какое?

— Все важные разговоры вести по вечерам...

— ...и погасив предварительно свет в комнате, — подхватил Альварес. — Ладно, пошли в гостиницу.

В Теносике все оставалось прежним. Сонная тишина на грязных улицах. Проходимцы, высматривающие, словно стервятники-ауры, добычу, скучающие у харчевни. Календарь за 1910 год на стене в гостинице...

На поиски нужных продуктов и сложные дипломатические переговоры с хитрыми торговцами, норовившими заломить цены побольше и сбыть залежалый товар, ушло два дня. И куда бы они ни пошли, Андрей с Альваресом всюду замечали теперь Педро. Глухонемой, несомненно, следил за ними и был явно обескуражен оттого, что ничего выведать не удавалось: они нарочно говорили на людях лишь о погоде и всяких пустяках.

Джонни они за это время не видели ни разу. Он куда-то пропал.

А на третий день встретили его на улице. Он явно поджидал их тут на самом солнцепеке, хотя время

послеобеденной снесты свято соблюдали все в поселке — даже нищие.

Вид у летчика был ужасный: комбинезон порван в нескольких местах и усеян какими-то подозрительными ржавыми пятнами, весьма похожими на кровавые, лицо опухло, губы разбиты, под правым заплывшим глазом громадный сизый синяк.

Джонни хмуро поздоровался, окинул пустынную улицу быстрым взглядом из-под набрякших тяжелых век и сказал хриплым шепотом, почти не разжимая губ:

— Хотите, я отвезу вас к пирамиде?

— Какой пирамиде? — насторожился Альварес.

— Никем не тронутой. О ней еще никто не знает. Альварес и Андрей переглянулись.

— Пропил все деньги и хочешь выманить еще? — сказал профессор. — Ты и так хорош, полюбуйся на себя.

— Там правда пирамида. И колодец возле нее.

— Сенот?

— Да.

— Откуда ты знаешь?

— Я там садился.

— Зачем?

Этого вопроса Джонни словно не расслышал.

— Вы же будете платить мне после полета, — сказал он. — Не будет пирамиды — не надо денег.

— Что ж, это, пожалуй, деловой разговор, — проговорил задумчиво профессор, поворачиваясь к Андрею. Потом сказал Джонни: — Ладно. Поверю последний раз. Завтра утром летим. Но помни: не будет пирамиды, не будет и greenbacks!

Сказать хотя бы примерно, куда же они полетят, Джонни решительно отказался. Как ни ворчал Альварес по поводу «детской затеи и глупейшей таинственности», ему пришлось смириться. А Буланову это даже понравилось.

И дальше тоже все шло с какими-то приключениями. Они поднялись в воздух рано утром, пока поселок еще спал. Джонни сразу взял курс на юго-восток. Но когда поселок скрылся вдаль и шум самолета уже

не мог долететь до чьих-нибудь воровских ушей, он резко повернул на север и еще дважды менял курс.

Альварес, пытавшийся сориентироваться по карте, только чертыхался.

У Андрея скоро начало рябить в глазах от монотонной зелени. Как он ни вглядывался, ничего интересного не видел.

Но у Альвареса оказался острый глаз. Вскоре он обернулся и крикнул Андрею:

— Ага, понимаю! Вон там небольшое поселение!

Андрей перебрался к нему и, не очень вежливо отеснив профессора плечом, заглянул в окошечко, но ничего не увидел, кроме все того же леса.

— Где?

— Вон, где деревья кажутся чуть повыше, видите. Это потому, что они растут прямо на холме, образовавшемся над развалинами пирамиды. А рядом остатки храма, тоже сильно заросшие.

Деревья, о которых говорил профессор, Андрей разглядел. Но никаких признаков пирамиды или развалин, сколько ни вглядывался, не мог приметить.

— Может быть, Джонни ее имел в виду? — спросил он.

Альварес покачал головой:

— Вряд ли. Здесь американцы три года вели раскопки. Он же знает. Да и сесть негде, сплошной лес.

Да, никаких признаков посадочной площадки Андрей не увидел, сколько ни вертел головой. Лесной океан тянулся до самого края неба без островков и разрывов.

Андрей вернулся к своему окошечку и теперь разглядел среди зелени смутные очертания каких-то полуразрушенных зданий — наверное, потому, что деревья в этом месте были вырублены при раскопках и еще не успели снова сомкнуться кронами.

«Но все равно сам бы я ничего не заметил», — с огорчением подумал Андрей и позавидовал зоркости Альвареса.

— А могильников они там не нашли? — спросил он у профессора.

— Нет. Хотя, пожалуй, и не искали. Американцы жаждут сенсаций. Им подавай дворцы, царские усыпальницы. Скопировали фрески и ушли.

Альварес в запальчивости все повышал голос, стараясь перекрыть рокот мотора. Джонни несколько раз оборачивался к ним, прислушиваясь к разговору. И каждый раз у Андрея возникало странное, фантастическое ощущение, будто их везет в самолете над краем покинутых городов сам древний жрец...

Когда Альварес, махнув рукой, замолчал и Андрей уже направился обратно к своему окошку, надеясь, что и ему удастся все-таки высмотреть среди зелени хоть какие-нибудь развалины, летчик вдруг крикнул им:

— Вон пирамида! — и показал куда-то вперед и вправо.

Альварес вскочил со своего места и подошел к пилотской кабине, вертя в руках измятую карту.

— Где ты видишь пирамиду?

— Вон, смотрите прямо на расщепленное дерево, чуть дальше.

— Нет там никакой пирамиды!

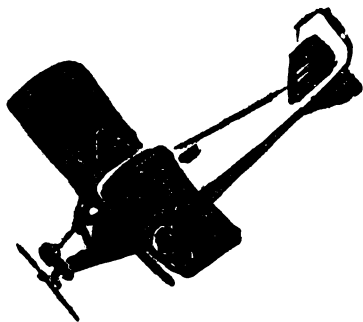
Андрей присоединился к Альваресу и тоже стал вглядываться в том направлении, куда указывал Джонни. Это было почти прямо по курсу. Он увидел совсем неподалеку расщепленное грозой высокое дерево, о котором говорил летчик, но никакой пирамиды возле него не было и в помине.

— Ты ошибаешься! — крикнул Альварес почти в самое ухо пилоту. — Американцы тут обшарили все окрестности, когда вели раскопки. У них тоже был самолет.

— Знаю, — кивнул Джонни. — Но пирамиды они не нашли. Вот она, прямо под нами.

Он положил самолет на правое крыло. Альварес и Андрей, вцепившись судорожно в поручни кресел, вглядывались во все глаза в зеленый ковер леса, медленно и плавно вздымавшийся перед ними.

Земля закружилась перед глазами чудовищной каруселью. Потом она встала дыбом, и не оставалось уже никаких сомнений, что сейчас они врежутся прямо в эту зеленую стену, вдруг выросшую на пути.

Но земля тут же провалилась куда-то вниз и покорно встала на свое место.

— Ну? — буркнул Джонни.

Переглянувшись с Андреем, профессор пожал плечами и ответил:

— Я не видел никакой пирамиды. А вы? — повернулся он снова к Андрею.

Тот покачал головой.

Тогда Альварес замахал руками и закричал прямо в лицо Джонни:

— Нет там никакой пирамиды! Это же не иголка, черт возьми! Ты ошибся.

— Нет, — упрямо ответил Джонни. Его лицо древнего жреца оставалось все таким же спокойным и невозмутимым. — Там пирамида и сенот возле нее.

— Ты что-то напутал! — продолжал выкрикивать Альварес.

Все с тем же каменным лицом Джонни снова начал закладывать машину в глубокий вираж.

Хочет спуститься пониже, подумал Андрей, чтобы они с Альваресом могли, наконец, рассмотреть эту загадочную пирамиду и сенот — колодец — возле нее, если они в самом деле существуют.

— По местам, и пристегнитесь ремнями! — крикнул им, не оборачиваясь, Джонни.

Они послушно выполнили команду.

Самолет стремительно снижался, словно коршун, высмотревший добычу и камнем ринувшийся на нее.

— Что ты делаешь, дьявол?! — крикнул Альварес.

Андрей только тут заметил, что рокот мотора затих, и понял вдруг, что они идут на посадку!

Куда? Вершины деревьев мелькали уже под самыми колесами, впереди сплошной лес, никакого про света...

Он не успел даже как следует испугаться. По полу кабины застучали ветки деревьев.

Потом что-то громко затрещало...

Андрея начало швырять во все стороны. Поясной ремень больно врезался в живот.

Еще какой-то треск, и стало тихо.

Джонни встал со своего кресла, потянулся, повернулся к ним и как ни в чем не бывало сказал:

— Прибыли, можно выходить.

Лицо его было все таким же невозмутимым, только в прищуренных глазах таилась усмешка.

Альварес, сердито бурча, вытирал платком мокрое лицо. Андрей отстегнул ремень и неуверенно встал, разминая затекшие плечи. Все тело ныло, словно его измолотили.

Они вылезли из самолета и увидели, что он стоит, накренившись, посреди небольшой болотистой полянки, едва не зацепившись левым крылом за ствол старого махагониевого дерева. Как летчику удалось высмотреть эту полянку и, главное, посадить на ней самолет, понять было невозможно. Альварес переглянулся с Андреем и только пожал плечами.

— Пирамида неподалеку, миль пять, — сказал Джонни. — Сейчас прикроем машину и пойдем.

Достав из кабины мачете, он начал срубать ветки. Второй мачете он демонстративно воткнул в землю перед Андреем, приглашая его тоже приняться за работу.

Теперь у Андрея был опыт, и мачете так и за-сверкал в его руках.

— Не тут, — остановил его Джонни. — Вырубайте кусты, где и я. Пригодится дорожка для взлета.

«Да, ведь придется еще и взлетать, — с невольным трепетом подумал Андрей. — Но как ему это удастся?..»

Альваресу тоже нашлось дело. Джонни велел ему срубленными ветками прикрывать самолет.

— Зачем тебе это нужно? — сердито спросил профессор. — Совершенно бессмысленная работа. Пойдем скорее к пирамиде. Или боишься, что твоя тарактелка перегреется на солнце?

Джонни в ответ буркнул что-то неразборчивое, но продолжал рубить ветки и набрасывать их на машину.

— Хватит, я тебе говорю! — напустился на него профессор. — Пошли к пирамиде, я тебе приказываю. Я тебе деньги плачу.

Джонни нехотя подчинился, и они, захватив продукты и самые необходимые инструменты, отправились к таинственной пирамиде — кажется, профессор Альварес начинал верить в ее существование, если так торопил Джонни.

Нигде не было даже намек на какие-нибудь старые, заросшие тропы. Пришлось пробиваться напрямую через чащобу, прямо по азимуту, намеченному перед выходом летчиком.

Одинокая пирамида

Сменяя друг друга, они прорубали тропинку острыми мачете почти до самого вечера.

И буквально наткнулись на пирамиду, приняв ее сначала просто за холм, поросший кустарником и деревьями.

Альварес даже заворчал:

— Черт, придется его обходить... — но, подняв голову, ахнул:

— Пирамида!

Прорубая дорожку в кустах, они начали поспешно карабкаться по крутому склону. С каждым шагом последние сомнения отпадали. Все чаще попадались обтесанные камни, под навалами земли угадывались широкие ступени.

А на вершине они увидели в зарослях небольшое приземистое здание древнего храма. От него остались лишь три стены и часть крыши. Спереди два пилона поддерживали крышу, так что получалось как бы три входа. Храм был совсем маленький и состоял, собственно, всего из одной комнаты. Голые стены без всяких украшений, только над дверями уцелела часть деревянной резной притолоки. Что на ней изображено, разобрать было невозможно, остались лишь куски человеческих фигурок. Но Альварес все равно обрадовался:

— Сделаны из сапоте, а это дерево не берут ни гниль, ни жучки. Проведем радиоуглеродный анализ и определим возраст постройки.

В углу под сводом копошились и попискивали летучие мыши, но теперь и Андрей уже не обращал на них никакого внимания.

Молча они тут же взялись за лопаты и начали расчищать пол храма, аккуратно складывая землю в одну кучу, чтобы потом ее просеять: не окажутся ли в ней какие-нибудь любопытные находки?

Лопат было всего две. Копали по очереди, пока двое работали, один отдыхал.

Пол обнажался быстро.

— Выложен плитами, хороший признак, — пробормотал профессор. — Обычно они заделывали полы толстым слоем штукатурки...

Неужели им повезло наткнуться на пирамиду с гробницей?!

Когда весь пол расчистили, Альварес, ползая на корточках, начал выстукивать молоточком каменные плиты. Андрей с замирающим сердцем следил за ним.

— Nombre, вы явно родились в сорочке! — сказал, поднимая голову, профессор. — Пожалуй, тут и в самом деле есть погребальная камера. И звук подозрительный, и шов между плитами слишком тщательно заделан. Поздравляю вас, нам, кажется, повезло.

У Андрея все запело в душе. Он с трудом удержался, чтобы на радостях не обнять профессора или хотя бы хлопнуть его по плечу от полноты чувств.

— Ладно, посмотрим завтра внимательнее, а сейчас надо поскорее разбивать лагерь, а то будет темно. — Альварес поднялся, машинально отряхивая грязь с коленей.

Он все смотрел на каменную плиту, словно боясь оставить ее хотя бы на ночь, но потом вытер руки платком и начал спускаться с пирамиды, придерживаясь за торчащие из расщелин между камнями кусты. Джонни и Андрей последовали за ним.

Быстро распаковали вещи, повесили гамаки. Взяв складное брезентовое ведро, длинную веревку и мачете, Джонни отправился за водой к сеноту, который, по его словам, находился совсем недалеко от пирамиды. Альварес не удержался и пошел с ним, прихватив электрический фонарик. Андрей остался разжигать костер и открывать консервы.

Он все поглядывал в ту сторону, где в быстро сгущающихся сумерках темнела громада пирамиды. Пожалуй, она была повыше восьмиэтажного дома.

Раньше он лишь читал о них да рассматривал плоские фотографии в книгах, скрадывающие все масштабы, а теперь сам сидел у подножия пирамиды. А внутри нее гробница...

Костер уже весело пылал, все было готово, а они не возвращались. Увлеченный своими мыслями, Андрей не сразу заметил, что уже стало совсем темно, или так казалось только вблизи костра?

Андрей хотел уже крикнуть, как вдруг услышал приближающийся треск сучьев и возбужденный голос Альвареса. Среди зарослей замигал свет электрического фонарика. Профессор, видимо, в азарте размахивал им вместо того, чтобы освещать себе дорогу.

— Похоже, что это священный сенот, как и в Чичен-Ице! — еще издали закричал он Андрею. — Мешает проклятая темнота, но мы нашли, кажется, остатки выложенной камнем тропы, она вела в древности к сеноту. Придется ждать утра, чтобы обследовать его детальнее.

Подойдя к костру, он тяжело рухнул на кусок бре-

зента, под который Андрей подложил пружинистых веток, и пробормотал:

— Уф, устал. Ну и денек выдался. Уснем сейчас как убитые.

— А почему она стоит одиноко, в таком глухом месте? И пирамида и сенот? — спросил Андрей.

Альварес неопределенно пожал плечами:

— Трудно сказать. Может, именно из-за сенота. Ведь это природный провал, для него места не выбирали. Нашли колодец и построили возле него пирамиду с храмом. А место это только теперь глухое. Когда-то вокруг наверняка было много поселений. Но для некоторых святилищ и требовались более уединенные места. Пожалуй, пирамиду впоследствии даже нарочно хотели припрятать, укрыть от чужих глаз...

— Почему вы так думаете?

— Уж больно много земли на ее склонах. Видимо, ее нарочно насыпали.

— А вдруг и гробница опустошена?

— Не думаю, вы же сами видели, что плиты подогнаны плотно, их никто не трогал. И нет на этот раз никаких трещин, успокойтесь.

Они нехотя пожевали консервированного мяса, съели по плитке патентованного тонизирующего шоколада и напились кофе. Потом все поспешно забрались в гамаки, но заснул сразу лишь один Джонни.

Альварес еще долго ворочался, крихтел и что-то бормотал. Не спал и Андрей, лежа на боку и задумчиво глядя на рдеющие в темноте угли затухающего костра.

Неужели они в самом деле на пороге неведомых открытий? Неужели все теперь так просто: вот вскроют гробницу, он возьмет пробы, поместит их в пробирки с питательной культурой тканей и...

Что они вскоре узнают? Подтвердится его гипотеза или нет?

А вдруг...

О самых фантастических вещах поневоле начнешь

думать, очутившись возле древней пирамиды, затерянной в диком тропическом лесу...

Почему майя, как и древние египтяне на другом материке, возводили эти исполинские сооружения, не щадя ни времени, ни труда? Археологи считают, что здешние края куда с большим правом, чем Египет, можно назвать «страной пирамид».

Пусть египетские и здешние пирамиды различаются архитектурными деталями и своим назначением: одни — остроконечные, служившие только усыпальницами фараонов, другие — с храмами и обсерваториями на плоских вершинах, к которым вели ступенчатые лестницы. Но почему все-таки древние строители двух таких разных и отдаленных один от другого народов выбрали для самых своих священных сооружений столь похожую форму? Не доказывает ли это, что они следовали каким-то еще более древним одинаковым образцам — может быть, священным храмам легендарной Атлантиды? И кто знает: вдруг именно его исследования прольют свет на загадочные проблемы?

Микробы из Атлантиды? Хм...

Подобные мысли давно не давали покоя Андрею. Он не решился бы признаться в них даже близким друзьям, опасаясь ехидных насмешек и замечаний, а тем более Альваресу. Профессор пришел бы наверняка в неистовство.

— *Madre de Dios!* — закричал бы он. — Вам мало настоящих загадок, что вы припутываете к ним еще всякую мистику и чертовщину. Из вас никогда не получится археолог!

Наверное, в этом профессор прав: как нередко бывает, в рамках своей специальности Андрей оставался трезвым исследователем и не позволял себе увлекаться слишком уж фантастическими гипотезами и предположениями. Но в чужой области науки очень заманчивым казалось свободно помечтать...

Не станем осуждать его за это. Уже с самого начала, как только конкистадоры принесли в шестнадцатом веке в Европу первые сведения об удивительных городах и храмах, построенных майя в глуши

джунглей, вся история этого древнего народа оказалась окутанной такой таинственностью, что самые фантастические гипотезы начали возникать, словно грибы после щедрого дождя.

Тогда начались споры: откуда мог взяться в глуши тропических джунглей народ с такой высокой и оригинальной культурой? Конкистадоры, захватывавшие себе земли под плантации и превращавшие местных жителей в своих рабов, дружно утверждали, будто майя не имеют никакого отношения к Адаму и Еве, а значит, и не являются полноценными людьми. А королевское правительство Испании стремилось прибрать новые земли к своим рукам, как и их обитателей. По его настоянию папа римский опубликовал специальную буллу, в ней индейцы торжественно объявлялись потомками Адама и Евы, только подлежащими крещению, — что, впрочем, никому не мешало превращать их по-прежнему в рабов.

Но предстояло еще объяснить, как же попали в Новый Свет эти смуглые дети Адама. Тут мнения ученых богословов разделились. Одни считали, будто индейцы Америки — прямые потомки одного из десяти «пропавших колен Израилевых», о которых упоминается в библии. Другим больше нравилось предание об утонувшей в «один злой день и одну бедственную ночь» Атлантиде в диалогах Платона. Они объявили майя потомками спасшихся каким-то чудом легендарных атлантов. Ведь упоминал же Платон о каком-то материке по ту сторону Геркулесовых столбов — это и есть Новый Свет, Америка.

С тех пор и пошло! Кого только не прочили народу майя в предки: финикийцев, ассирийцев, древних египтян, хананеев, израильтян, троянцев, римлян, этрусков, греков, скифов, татар, китайцев, индусов, африканцев, гуннов, не говоря уже о совершенно мифических обитателях якобы затонувших континентов — Атлантиды и Лемурии.

Подобными фантазиями увлекались не только всякие авантюристы вроде снискавшего себе в прошлом веке даже мировую славу своими бредовыми измышлениями Ле-Плонжона, который объявлял себя то

доктором медицины, то ученым юристом и написал объемистый труд под названием «Священные таинства у майя и киче, их связь с таинствами Египта, Греции, Халдеи и Индии».

Нет, им отдали дань и многие серьезные ученые. Американский археолог Эдвард Томпсон, прозванный «Шлиманом Юкатана», начиная свои исследования, растянувшиеся на полвека, полагал, будто древние майя — прямые потомки легендарных атлантов.

Самые удивительные гипотезы возникают и в наше время — в том числе и новейшие, более соответствующие «духу века», — например, о том, будто в преданиях древних майя есть совершенно очевидные указания на посещение их страны некими космическими пришельцами, научившими строителей великолепных городов и загадочных пирамид всяким полезным вещам...

Это, пожалуй, вполне понятно: слишком много в истории древних майя темных мест и «белых пятен», слишком много еще загадок не дает покоя исследователям.

Андрей Буланов выписывал в свои тетрадки особенно курьезные гипотезы и «доказательства»:

«За тысячу лет до рождения Христа царь Соломон продал египтянам лошадей. До этого лошадей и свиней в Египет не ввозили. Отсюда напрашивается вывод, что обитатели Юкатана (у которых лошадей нет) ушли из Египта до того, как там появилась лошадь. Следовательно, Америка была заселена более чем за тридцать веков до христианской эры».

«Уайз утверждает, будто в 66 году н. э. флотилия судов, «несомненно, греко-римского типа» появилась у берегов Юкатана. Он совершенно серьезно объясняет, что с этим визитом связаны названия американских нынешних городков: Афины, Рим, Августа и Атланта в штате Джорджия!»

Андрей посмеивался, зачитывая друзьям эти нелепицы. Однако была у него и другая тетрадка, которую он никому не показывал... В нее он старательно

выписывал сведения, которые казались ему заслуживающими внимания:

«Есть сведения, что до прихода испанских завоевателей в одном из храмов хранилась полная история майя, выгравированная на пятидесяти двух золотых досках. Когда пришли конкистадоры, жрецам удалось спрятать это сокровище. Потомки жрецов, возможно, до сих пор хранят эти золотые доски в каком-то укромном месте».

«Священная книга индейцев «Пополь-Вух» повествует о четырех «праотцах народа», которые, увидев в небе «нечто» (космический корабль?!), стали торопливо прощаться со своими родичами и женами и поднялись на вершину горы. Эти люди «немедленно после этого исчезли там, на вершине горы Хакавиц. Они не были похоронены их женами или их детьми, потому что не было видно, когда они исчезли...»

«Кто был легендарный Кецалькоатль (Кукулькан), которому поклонялись майя Юкатана? Откуда у него такое необычное имя — Пернатый Змей? Легенды утверждают, будто он прибыл «из страны восходящего солнца». На нем было длинное белое одеяние, и он носил бороду, что весьма удивляло местных жителей. Пернатый Змей научил народ наукам и установил мудрые законы. Он основал государство, на полях которого початки кукурузы были в рост человека, а хлопок рос уже окрашенным (!! — наши селекционеры только теперь научились выводить цветной хлопок).

В силу каких-то загадочных причин Кецалькоатль, однако, был вынужден покинуть страну майя. Он отправился к морю, принялся там плакать и сжег сам себя. Его сердце превратилось в утреннюю звезду...

Другие легенды утверждают, что он сел на свой корабль и отправился в ту страну, из которой когда-то приехал.

Но все легенды сходятся в том, что Пернатый Змей обещал вернуться...

Эти предания, кстати, оказались весьма на руку испанским завоевателям — во многих местах индей-

цы не оказывали им сопротивления. Принимая за бородатых посланцев доброго Кецалькоатля».

Такое сочетание научной трезвости и романтической доверчивости встречается не столь уж редко. И оказывается, эти противоположные качества могут порой прекрасно уживаться, не давая людям спать по ночам...

Не удивительно, что наутро Андрей проснулся позже всех. Альваресу пришлось его даже расталкивать. Джонни уже успел приготовить завтрак и поджидал их, сидя у костра, — очень похожий на древнее каменное изваяние.

Завтракали торопливо и молча. Андрей, конечно, ожидал, что они отправятся к пирамиде, но Альварес решительно объявил:

— Нет, нет, пирамида от нас никуда не уйдет. С ней все ясно. Надо привозить инструменты, рабочих и вскрывать камеру. А вот с колодцем еще надо разобраться...

В общем-то он был, конечно, прав, но Андрей все-таки расстроился и всю дорогу до сенота мрачно молчал.

Колодец оказался совсем близко, метрах в шести-десяти от пирамиды. Он был невелик, всего метров шесть в диаметре, почти правильной круглой формы, с крутыми, отвесными стенками. Белый известняк их красиво отражался в темно-зеленоватой воде.

Это был просто карстовый провал в толще известняка. Маленькое озеро в белых каменных берегах посреди дикого леса, надежно укрывшего его кронами своих деревьев, — никаких признаков, что возле него когда-то собирались толпы людей для священных жертвоприношений.

«Видать, Альварес ошибся», — подумал Андрей.

Но экспансивный профессор, словно угадав его сомнения, несколько раз притопнул ногой и торжествующе воскликнул:

— Конечно, тут была ритуальная площадка! А вот и тропинка к ней, которую я вчера нащупал даже в темноте. Она тоже выложена камнем.

Андрей подошел к нему, присел рядом с профессором на корточки и увидел под густым слоем травы и мха в самом деле каменные плиты, явно обтесанные человеческими руками. Площадка была довольно большой, и едва заметная в густой траве дорожка, выложенная такими же каменными плитами, тянулась от нее в лес, в сторону пирамиды, даже отсюда, совсем близко, опять казавшейся просто холмом, поросшим деревьями и кустами.

— Чтобы просто брать воду из колодца, такую дорогу и площадку делать бы не стали, — продолжал ликовать Альварес, подходя к обрыву и заглядывая в колодец. — Слишком большая роскошь, верно? Конечно, это был священный сенот, вроде того, что Томпсон исследовал в Чичен-Ице. Этого, впрочем, и следовало ожидать. Судя по всему, обычай приносить жертву у таких колодцев был распространен у майя издавна довольно широко. Помните, что писал Фигэроа? И Ланда об этом упоминает.

Конечно, Андрей Буланов помнил красочный рассказ королевского чиновника — алькальда Диего Сармиенто де Фигэроа, посетившего города майя вско-

ре после захвата их испанцами. В свое время этот лаконичный и в то же время весьма выразительный рассказ так поразил его, что он не преминул сделать длинную выписку в свою тетрадочку:

«Знать и сановники этой страны имели обычай после шестидневного воздержания и поста приходить на рассвете к сеноту и бросать в него женщин, которыми они владели. Они приказывали этим женщинам вымаливать у богов удачный и счастливый год для своего господина. Женщин бросали несвязанными, и они падали в воду с большим шумом. До полудня слышались крики тех, кто был еще в состоянии кричать, и тогда им спускали веревки. После того как полумертвых женщин вытаскивали наверх, вокруг них разводили костры и окуривали их душистыми смолами. Когда они приходили в себя, то рассказывали, что внизу много их соплеменников — мужчин и женщин — и что они их там принимали. Но когда женщины пытались приподнять голову, чтобы взглянуть на них, то получали тяжелые удары, когда же они опускали головы вниз, то как будто видели под водой глубины и пропасти, и люди отвечали на их вопросы о том, какой будет год у их господина — хороший или плохой...»

О подобном жестоком обычае сообщал и епископ Диего де Ланда. По его словам, во время засухи, мора или другого бедствия к священному колодезю направлялась торжественная процессия, чтобы задобрить разгневавшихся богов очистительными жертвами. Под монотонный рокот больших барабанов — тункулей и плачущие звуки флейт в сенот бросали самых красивых девушек и знатных воинов, захваченных в плен, а вместе с ними и различные богатые украшения.

Помнил Андрей и старинное предание о хитром Хунаке Кееле, который однажды сам добровольно бросился во время торжественной церемонии в священный колодезь. Он знал какой-то секрет сенота и не утонул, — возможно, некоторое время просто прятался за выступом неровной известковой стены.

А потом вода вспенилась, и перед изумленной толпой появился невредимый Хунак Кеель! Когда его подняли наверх, он торжественно объявил, будто лично разговаривал так долго с богами в глубинах священного колодца. И боги повелели ему стать правителем народа майя...

Все было рассчитано тонко. Конечно, никто из жрецов не осмелился оспаривать волю богов. И Хунак Кеель стал правителем.

Американский исследователь Эдвард Томпсон заинтересовался этими преданиями и, облачившись в водолазный костюм, стал нырять в темные воды большого «Колодца жертв» в окрестностях древнего города Чичен-Ицы на севере Юкатана. Он добыл оттуда несколько тысяч интереснейших предметов древнего обихода. Но, как справедливо сетовал профессор Альварес, вся эта богатейшая коллекция была вывезена в Соединенные Штаты.

Теперь мексиканские археологи решили сами продолжить подводные раскопки на дне священного «Колодца жертв». За последние годы, используя специальную землесосную установку, они обследовали самые укромные уголки сенота и достали оттуда еще несколько тысяч разных предметов, которые некогда бросали туда, чтобы умиловить богов: медные колокольчики, украшения из нефрита и золота, фигурки зверей и птиц из каучука. Эти открытия произвели настоящую сенсацию среди археологов.

«Неужели Альварес прав и нам тоже повезло?» — думал Андрей, глядя с высоты крутого обрыва на темную таинственную гладь зеленоватой воды в глубине колодца. Вдруг и здесь таятся на дне какие-то древние украшения, скульптурные изваяния, побелевшие и обточенные водой кости несчастных жертв, человеческие черепа?

Но тут он вспомнил некстати, что вчера вечером пил чай, а воду для него Джонни брал ведь из этого самого колодца, и ему стало как-то не по себе. И нынче утром они тоже пили чай. Правда, воду кипятили, но все же...

Андрей поспешно отошел от обрыва и не стал

больше смотреть в колодец, чувствуя подступающую к горлу тошноту.

Негромкое приближающееся гудение заставило его поднять голову. Где-то высоко в небе, невидимый за деревьями, летел самолет.

Неужели кто-то следит за ними?

Альварес и Андрей молча переглянулись и как по команде посмотрели на Джонни. Тот тоже смотрел вверх, задрал голову, и не заметил их взглядов.

Делать больше возле колодца без водолазных костюмов было нечего, и они отправились к пирамиде.

Теперь при ярком солнечном свете уже не оставалось никаких сомнений, что каменная плита на ее верхушке закрывает какой-то подземный ход. И плиты этой явно никто не трогал с тех давних времен, как она была положена здесь древними мастерами, тщательно заделавшими каждый шов, каждую щелочку.

— Нам здорово повезло! — радостно сказал Андрей профессору. — Надо скорее отправляться за инструментами и вскрыть эту гробницу...

— Ну, положим, гробницы там может и не оказаться, не радуйтесь прежде времени, — остановил его Альварес.

— А почему же ход так тщательно запечатан? Вы же сами вчера говорили...

— Может, там просто какое-то потайное святилище, а никакой гробницы нет. Не будем ликовать раньше времени. Я человек суеверный и, когда мне слишком везет, всегда настораживаюсь. Священный сенот и никому еще не ведомая пирамида с каким-то внутренним потайным ходом, который, может, и в самом деле ведет к нетронутой гробнице,—это слишком большая удача, согласитесь, мой друг. Но ваше нетерпение я целиком разделяю. Давайте поскорее возвращаться.

Когда они уже подходили к месту посадки, над ними снова пролетел самолет...

Чего он искал? Что высматривал с высоты?

Конечно, он не мог их заметить на потаенной тро-

пе, прорубленной в чаще леса. И пирамида и колодец были тоже надежно укрыты зеленым пологом листвы — ведь даже Альварес не мог высмотреть с высоты и до последнего момента думал, будто Джонни ошибается.

Но все-таки на душе у Андрея стало почему-то беспокойно. И Альварес тоже что-то сердито бормотал, подняв голову и прислушиваясь к затихающему монотонному гудению в небе.

Только каменное лицо Джонни ничего не выражало и было спокойным и равнодушным, как всегда.

Часть вторая

Крылатые бандиты

Как, каким чудом удалось им взлететь с этой крошечной болотистой полянки и благополучно вернуться — навсегда осталось для Андрея загадочным и непонятным. Хотя они и вырубili кустарник, расчистив нечто вроде примитивной взлетной полосы, самолет дважды задел колесами за вершины деревьев и едва не врезался в землю. Когда его осмотрели, сев в Теносике, все шасси оказалось ободраным и поцарапанным.

Отсюда Альварес улетел с Джонни дальше — в порт Кампече на берегу Мексиканского залива, где у профессора, конечно, были хорошие друзья, и он надеялся добыть у них акваланги для исследования подводных глубин сенота. Андрей же, не мешкая, должен был захватить продукты и с подробной инструкцией возвращаться к Франко, чтобы все рабочие поскорее отправились на новое место раскопок — к пирамиде.

— Меня не ждите, я догоню вас по дороге, — сказал на прощание Альварес.

Им уже так овладел азарт, что Андрей даже спросить не успел: а как же профессор их найдет в лесу?

Самолет улетел, а Буланов погрузил продукты на

знакомый забавный катер, который доставил его в сонный лагерь лесорубов. Наняв здесь маленький караван из трех мулов с погонщиками, Андрей отправился по зарастающей прямо на глазах тропе к развалинам покинутого города.

Франко отнесся к распоряжениям профессора явно неодобрительно — вздыхал, покачивал головой, но возражать не стал. А Бенито обрадовался и тут же начал навьючивать мулов, весело приговаривая: — *La carga se regla con el camino!* *

Видно, старому монтеру надоело сидеть на одном месте.

Они двинулись в путь, прорубаясь напрямик сквозь чащу. Опять потянулись однообразные дни.

На третий день, примерно на середине пути, вскоре после полудня раздался шум самолета, и «летающая этажерка» Джонни начала кружить над ними, едва не задевая за вершины деревьев. Потом самолет поднялся повыше, от него одна за другой отделились три черные точки и начали быстро падать в лес.

Раскрылись парашюты, тогда удалось различить болтающего ногами профессора Альвареса и два тюка с какими-то грузами.

Альварес повис на ветвях высоко от земли. Его пришлось снимать оттуда. А потом долго искали тюки, занесенные ветерком в чащобу.

Альварес беспокоился за целостность груза и сердился. Но акваланги, к счастью, уцелели.

— Задержался я, — сетовал профессор. — С этим Бэтменом связываться! Сели для заправки в Теносике, так он пропал на целые сутки, где-то пьянствовал. Появился потом весь избитый, под глазами вот такие синячищи. И молчит как идол. Зря мы с ним связались. Эта темная компания еще доставит нам хлопот, припомните мои слова...

Через три дня, когда они были уже недалеко от цели, над лесом снова пролетел самолет. Они не ви-

---

* Груз утрясется в дороге! (исп.).

дели его, только слышали рокот мотора. Опять Джонни?

— Чего они тут разлетались? — встревоженно ворчал Альварес. — Стервятники...

Он торопил отряд. Его азартное нетерпение постепенно заразило всех, даже меланхоличного Франко.

В последний день пути рубщики прокладывали дорогу так быстро, почаще сменяя друг друга, что мулы переходили порой на тряскую рысцу.

— Скоро выйдем на нашу тропу, — сказал Альварес, сверяясь с картой.

Они прошли еще с километр, и ехавший впереди Бенито закричал, радостно размахивая над головой сверкающим мачете:

— Есть тропа, хозяин!

Альварес нахмурился и, подстегивая мула, поехал к нему. Его тревога передалась и Андрею. Он последовал за профессором.

— Что случилось?

— Тут кто-то прошел и совсем недавно, — ответил профессор. — Это не та тропа, которую мы прокладывали.

Да, это была чья-то чужая тропа — шире, уютнее, с недавними грубыми порезами на стволах деревьев.

И вела она к открытой ими пирамиде...

— Нас опередили! — рывкнул Альварес и ринулся по тропе, нагнув голову и тяжело сопя, словно расшвирипевший буйвол. Андрей устремился за ним.

Впереди показалась за деревьями темная громада пирамиды. Вся площадка перед ней была вытоптана, повсюду в беспорядке валялись стволы срубленных зачем-то деревьев. Казалось, тут промчался смерч, круша все на своем пути.

Альварес издал какой-то сдавленный крик...

Андрей посмотрел на пирамиду — и обмер.

Храм на ее верхушке куда-то исчез, превратился в груды беспорядочно наваленных камней!

— Они разрушили, взорвали ее! — закричал Альварес, потрясая над головой кулаками.

— Кто? — шепотом спросил его Андрей, все еще не желавший поверить, что пирамида в самом деле разрушена и опять все мечты его развеяны в дым этим злодейским непостижимым взрывом.

— Кто!!! Если бы я знал, я бы передушил их своими руками! — и в воздухе прогремел продолжительный залп самых отборных ругательств.

Столпившиеся вокруг рабочие смотрели на профессора с почтительным восхищением, подбадривая одобрительными возгласами.

Когда Альварес отвел душу, они с Андреем начали карабкаться по откосу, заваленному каменными обломками.

Древний храм был варварски разрушен. Щепки от резных притолок валялись среди расколотых камней. Вход в подземный коридор, развороченный взрывом, зиял, будто смертельная рана.

Они заглянули в пролом и увидели уходящие во тьму ступеньки. Альварес крикнул, чтобы ему принесли фонарик, и первым начал осторожно спускаться в подземелье. Андрей полез за ним.

Крутая лестница привела их к небольшой камере. Плита, закрывавшая вход в нее, тоже оказалась взо-

рванной. Они опоздали, наверное, всего на день: в подземелье еще стоял едкий, неприятный запах взрывных газов.

Это была гробница, найти которую так страстно мечтал Андрей, но они опоздали. Кости разрушенного скелета были разбросаны по всей камере. Древний

безглазый череп насмешливо скалился в углу. На полу валялись отполированные до блеска нефритовые украшения — бусы, серьги, какие-то замысловатые пуговицы, безжалостно растоптанные сапогами грабителей.

Франко со стоном поднял с пола осколки изящной глиняной таблички, расписанной причудливым орнаментом, и стал счищать с них грязь.

— Пошли отсюда, не могу смотреть, — хрипло проговорил профессор.

Они поспешили выбраться на свежий воздух.

— Но кто же это мог сделать? — в какой уже раз потрясенно спросил Андрей.

— Кто, кто! Джонни и его дружки, эти проклятые стервятники. Выследили, где мы сели, высмотрели и пирамиду. Решили, что мы наткнулись тут на золотые клады, вот и поспешили опередить. Тут уже Гватемала, места глухие. Можно пиратствовать как душе угодно, особенно если есть самолет. И чего же ждать от авантюристов, если сам Стефенс однажды в поисках драгоценностей пытался разрушить пирамиду в Паленке и не постеснялся рассказать об этом в своей книге?

В лагере Альварес сел у костра спиной к разрушенной пирамиде и долго молча пил коньяк из большой алюминиевой кружки, сутулясь и раскачиваясь, словно от зубной боли. Жестом он предложил выпить и Андрею с Франко, но они отказались. Франко куда-то скрылся, чтобы не попадаться своему шефу на глаза. А Буланов сел в сторонке и сочувственно поглядывал на профессора, не решаясь прервать его мрачного молчания.

«Кто мог так глупо и варварски разрушить пирамиду? — думал Андрей. — Неужели собутыльники Джонни? Но ведь Джонни сам показал профессору эту пирамиду. Может, чтобы просто выманить у него деньги, а потом «вступили в дело» его приятели?

Ладно, теперь уже ничего не исправишь. Какую пирамиду загубили! И что эти грабители получили в награду? Золото вряд ли нашли, а нефритовые украшения им не нужны. Все разбили, потоптали

сапогами. А ведь была в пирамиде гробница, и как тщательно запечатанная...»

Опынев, Альварес так же молча тяжело поднялся и, пошатываясь, отправился спать. Он проспал весь остаток этого печального дня и всю душную ночь, а утром, не поднимая на Андрея заплывших глаз, коротко и деловито сказал:

— Все. На пирамиде поставили крест. Ее не было. Забудьте о ней. И не переживайте слишком: по некоторым признакам, она была обновлена, так что и в гробнице, возможно, покопались еще в древности...

— Как это обновлена?

— Взрывом разворотило вершину, и видно, что слои облицовки разные. Был у строителей майя такой обычай — через определенные промежутки времени менять облицовку вершины и ставить новый храм.

Может, профессор сказал это лишь для того, чтобы хоть немного утешить своего спутника. Но, во всяком случае, Андрею действительно было легче думать, будто гробницу, возможно, вскрывали еще в древности. Значит, не так уж болезненна потеря...

— Не было никакой пирамиды, — упрямо повторил Альварес, так пристально глядя ему в глаза, словно надеялся загипнотизировать. — Забудьте о ней. Займемся сенотом.

По распоряжению профессора лагерь перенесли к самому колодцу и выбрали для него такое место, чтобы деревья полностью заслоняли разбитую вершину пирамиды.

Смерили глубину, опустив в колодец веревку с тяжелым камнем: она оказалась приличной — около двенадцати метров. Проверили акваланги, и Альварес первый с помощью Франко и Андрея стал натягивать на себя черный гидрокостюм. Он оказался ему маловат, и почтенный профессор грозно чертыхался, затискивая в него свое грузное тело.

Андрей тоже облачился в гидрокостюм и надел акваланг, чтобы в случае какой-нибудь опасности немедленно прийти на помощь Альваресу.

С обрыва спустили веревочную лестницу, и профессор начал спускаться по ней, раскачиваясь и стараясь не зацепиться за острые выступы камней. Когда он благополучно достиг конца лесенки и, разжав руки, плюхнулся в темную, словно застывшую воду, среди рабочих, столпившихся на краю сенота, раздались испуганные возгласы.

Альварес исчез под водой, и она снова сомкнулась, успокоилась. Только пузырьки воздуха, морщившие ее поверхность, показывали, где странствует археолог в таинственных глубинах священного сенота.

Андрей поглядывал то на эти пузырьки, то на часы. Время тянулось ужасно медленно. В резиновом костюме, туго обжимавшем тело, было неимоверно жарко. Андрей весь обливался потом и с тревогой подумал: «Как бы меня тепловой удар не хватил...»

— Что-то долго профессор не возвращается, — сказал он Франко. Тот тоже начал нервничать.

Альварес пробыл на дне колодца целых сорок

три минуты. Наконец вода забурлила, и вынырнула черная голова в уродливой маске.

Едва уцепившись за лесенку, профессор поспешил стянуть маску с головы и, громко фырча и отдуваясь, стал карабкаться по качающейся лесенке.

— Тьма ужасная, ничего не видно! — крикнул он еще снизу. — Фонарик ничего почти не дает, приходится шарить наугад, как слепому...

— Нашли что-нибудь?

Мокрое, перемазанное липкой грязью широкое лицо Альвареса расплылось в улыбке.

— Кое-что нашел, кое-что нашел, — ответил он, размахивая над головой прорезиненной сумкой и едва не сорвавшись при этом с лестницы.

Андрей и Франко помогли ему выкарабкаться из колодца. Не снимая гидрокостюма, профессор начал копаться в мешке и осторожно вытащил из него какой-то продолговатый предмет, густо облепленный черной грязью.

— Воды! — приказал он.

Ему подали ведро воды, и профессор, присев на корточки, начал смывать грязь со своей находки.

Это был большой нож — лезвие каменное, из тщательно обделанного обсидиана, а рукоятка деревянная. На ней чем-то, вроде тусклой позолоты, были искусно выведены хорошо сохранившиеся стилизованные изображения двух переплетающихся змей.

— Ритуальный! — благоговейно прошептал Франко.

— Конечно! — закричал Альварес. — И какая превосходная работа, а?!

Такая безделушка очень украсила бы любой письменный стол — прекрасный нож для разрезания бумаги... Но Андрей видел изображения подобных ножей в книгах археологов и знал, для чего они предназначались.

Таковыми ножами жрецы вскрывали грудь у обреченного в жертву свирепым богам и вырезали еще трепещущее сердце...

Со странным чувством безгливости и восхищения смотрел Андрей на эту первую находку.

— А что еще вы нашли? — спросил Андрей.

Альварес бережно передал нож Франко и, все время косясь на него, словно в тревоге — как бы он вдруг не исчез из рук помощника, снова начал шарить в сумке и вытащил из нее нечто похожее просто на комок грязи. Но грязь отмыли, и на ладони у Андрея оказался маленький, словно игрушечный, кубок из обожженной глины — гладкий, без всяких украшений, но очень изящный.

— Хорош? — спросил, улыбаясь, Альварес.

— Хорош! — согласился Андрей. — А еще?

— Вам этого мало? — Альварес явно обиделся. — Вы рассчитывали, будто бесценные находки мы станем поднимать из колодца мешками, а, Франко? Посмотрим, может, вам больше повезет. Только осторожнее — там полно каких-то коряг, не порвите костюм. И этот ил проклятый — даже усы слиплись.

Стащив с себя костюм, профессор передал его Франко и начал умываться, а Буланов с замирающим сердцем стал спускаться в колодец.

Может, в самом деле ему повезет больше?

Прежде чем погрузиться в темную спокойную воду, Андрей поднял голову, посмотрел вверх и увидел голубое небо и возбужденные лица рабочих, наблюдавших за ним. Помахав им рукой, он ушел под воду.

Андрею приходилось не раз нырять и на Черном море и в реке у себя дома, в Ученом городке. В реке это было совсем не то, что в море: вода мутная, какая-то серая, дальше кончиков пальцев вытянутой руки ничего не увидишь.

Но здесь оказалось еще хуже. Уже в трех метрах от поверхности вода превратилась из янтарной в темно-зеленую, а потом стала непроницаемо-черной. Она словно стала тяжелой и гнетуще давила на него со всех сторон. Как ни внушал себе Андрей, что это лишь кажется, ему не удавалось избавиться от противного ощущения.

Он зажег фонарик. Но узкий луч света тут же увязал в темноте.

«Скоро ли дно?» — подумал Андрей, и в тот же миг его ноги глубоко увязли в чем-то мягком, про-

тивно засасывающем. Взбаламученный ил сделал фонарик совершенно бесполезным. Андрей погасил его, укрепил на поясе и освободившимися руками просто начал шарить вокруг себя наугад, как слепой, опасаясь только, чтобы ил не забил дыхательный клапан!

Это была не единственная опасность, подстерегавшая их в глубинах сенота. Несколько раз Андрей натыкался на какие-то сучковатые коряги и целые древесные стволы, неведомо как попавшие в колодец. Наверное, деревья просто от старости подгнивали и обрушивались в воду.

Он решил не метаться из стороны в сторону, а поглубже разгрести ил в одном месте. Несколько раз его пальцы нащупывали нечто твердое. Но, поднеся находку к самому стеклу маски и осторожно смыв грязь, он с огорчением убеждался, что это опять просто обломок известняка или кусок древесной коры.

И вдруг ему повезло... Пальцы нащупали в иле какой-то довольно длинный продолговатый предмет.

Неужели второй ритуальный нож?!

Он вертел его перед носом, подсвечивая фонариком. Нет, это была, пожалуй, еще более любопытная находка — человеческая кость, похоже, берцовая. Бесспорное доказательство, что Альварес прав и тут в самом деле приносились человеческие жертвы! Надо поскорее показать ее профессору. Или поискать еще что-нибудь?

Андрей глянул на часы и не поверил: светящиеся стрелки показывали, что он пробыл под водой уже пятьдесят две минуты. Надо всплывать, а то наверху начнут беспокоиться. Спрятав кость в мешок, болтавшийся на поясе, Андрей начал быстро подниматься к смутно светлевшей над головой поверхности воды.

Едва вынырнув и жмурясь от слепящего солнца, он, не успев еще стянуть маску с лица, уже услышал разгневанный голос начальника экспедиции:

— Где вы там застряли?!

Андрей, уцепившись одной рукой за лестницу,

поспешил другой поднять над головой мешок и многозначительно показать его профессору. Альварес сразу стих.

Когда Андрей только взобрался на лестницу, Альварес уже нетерпеливо крикнул:

— Nombre! Ну, что у вас там?

Андрей вместо ответа достал из мешка свою драгоценную находку...

И тут же постарался заслонить ее, чтобы Альварес не мог увидеть: вместо кости, оказывается, он выкопал из ила самый обыкновенный сучок с развилок на конце... Этот развилок и ввел его в заблуждение в подводной тьме колодца. Но все-таки как мог он, медик, спутать какую-то палку с берцовой костью!

Андрей поспешил незаметно бросить свою находку обратно в воду. А когда выбрался из колодца и профессор спросил:

— Ну, что же вы нашли? — он только молча развел руками.

— Ничего? — переспросил Альварес и надолго замолк, только густо багровея и пытая от негодования. Потом махнул рукой, громко вздохнул и отошел в сторону.

„Бог-змея“

После этих первых разведочных погружений они стали обследовать колодец уже более методично, по плану, который разработал Альварес. На большом листе бумаги профессор нарисовал схематичный план дна колодца, разбил его на квадраты, и теперь они не рыскали под водой беспорядочно из стороны в сторону, а кропотливо исследовали один участок илистого дна за другим. Ныряли они по очереди, и

каждый проводил под водой не более сорока минут. За это время другой успевал отдохнуть.

Франко прежде никогда не нырял с аквалангом, и его решили в колодец не пускать, пусть занимается хозяйственными делами и обработкой найденных вещей.

Находок все равно было мало. За весь первый день, перевернувшись на дне в крошечной тьме целые горы липкого ила, Андрей нашел одну нефритовую подвеску и медный колокольчик, к тому же расколотый, а профессор — деревянную куклу, закутанную в обрывки ветхой ткани, чудом уцелевшие в «чехле» из липкого ила.

Андрей был разочарован.

— А вы что же, рассчитывали, будто колодец окажется полон человеческих костей или золотых ваз? — насмешливо сказал ему Альварес. — Не будьте таким алчным и кровожадным! Наоборот, их отсутствие говорит о том, что сенот служил святилищем во времена Древнего царства, когда еще не знали в этих краях металла и человеческие жертвы не получили широкого распространения. Да и вообще находить сокровища нашему брату — археологам доводится редко. Нам приходится восстанавливать облик минувшего, добывая истину по крупинкам. Осколок глиняной чашки, кем-то выброшенной тысячи лет назад на помойку, обуглившиеся зерна возле давно угасшего очага — вот с чем нам обычно приходится иметь дело. А эта кукла, на которую вы так кисло поглядываете, займет весьма почетное место в музейной витрине. Это уникальная находка!

Было смешно смотреть, как уже немолодой, уса-тый и располневший мужчина нянчится с примитивной деревянной куклой, словно восхищенная пятилетняя девочка. Альварес баюкал ее в своих широких ладонях, просушивая над костром, с трепетной осторожностью разглаживал толстыми короткими пальцами жалкие обрывки кукольного платица.

А сам, если глянуть со стороны, пират пиратом: волосы всклокочены, усы торчат, как у кота, рукава закатаны до локтей, расстегнутая рубашка открывает

загорелую волосатую грудь. А в ручищах, тоже густо поросших жесткими черными волосами, детская кукла...

— Чем же она уникальна, ваша игрушка? — непочтительно фыркнув, спросил Андрей.

— Чем? Ну хотя бы прежде всего тем, что явно попала в этот колодец откуда-то издалека. Ткань определенно не местного производства, да и резьба отличается от тех канонов, которых придерживались местные скульпторы. Колокольчик, что вы нашли,

тоже, кстати, привозной. У древних майя в этих краях не было своего производства металлов, вы забыли об этом? Изделия из золота и меди они выменивали у других народов.

— Откуда же он привезен, по-вашему, профессор? — спросил Андрей, с новым интересом рассматривая свою находку и смущенно думая: «Черт, как же это я в самом деле забыл, что древние майя не умели выплавлять медь...»

— Из центральных районов Мексики. Или откуда-нибудь из Гондураса, это еще предстоит уточнить. Да-с, мой друг, над каждой из этих находок нам

с Франко еще предстоит долго поработать и поломать головы. И порой пустяковая на первый взгляд вещь может вдруг осветить новым светом какую-нибудь темную эпоху древности, в нашей науке так частенько бывает.

Слушать Альвареса было интересно, говорил он убедительно, но все равно Андрей ожидал чего-то большего от раскопок — да еще где: в таинственных глубинах древнего священного колодца...

Но они по очереди ныряли в мутную зеленоватую воду снова и снова и опять редко возвращались с находками.

Работать на дне в полной, кромешной тьме было нелегко. Они сильно уставали. Мешали коряги, их приходилось терпеливо и осторожно, чтобы ненароком не порвать о торчащие сучки гидрокостюм, выкапывать из липкого ила и оттаскивать в сторону.

У Альвареса не всегда хватало на это терпения, и порой, взясь минут тридцать-сорок на дне с такой корягой, он приходил в неистовство. Это было видно по тому, какие причудливые узоры вырисовывали на поверхности воды пузырьки воздуха, отмечая, как мечется там, в глубине, борющийся со злополучной корягой профессор. В таких случаях Андрей спешил нырнуть и сменить его поскорее.

Опасения были не напрасны. Нырнув так однажды, Андрей нашел Альвареса крепко зацепившимся трубками своего акваланга за сучки торчащего из ила дерева. Он пришел на помощь профессору вовремя. Вместо того чтобы выпутываться из этого капкана медленно и осторожно, Альварес, конечно, пришел в ярость и пытался сломать сучья. Но они лишь податливо гнулись в его медвежьих лапах, а трубки запутывались еще больше. В любой момент они могли оборваться, в маску хлынула бы вода, перемешанная с илом, и профессор задохнулся бы этой липкой гущей, так и не успев освободиться от предательского крючка.

Андрею пришлось повозиться, освобождая Альвареса и в то же время сдерживая его нетерпеливые движения. А потом, когда они выбрались из колод-

ца, он отвел профессора в сторонку, чтобы не подрывать авторитета начальника экспедиции перед рабочими, и долго отчитывал его за пренебрежение правилами безопасности. Альварес пыхтел, багровел, отмахивался от него, словно от надоедливой мухи, но выслушал Андрея без возражений. Вид провинившегося школьника ему очень не шел.

Находки были любопытными. Альварес нашел в залежах ила человеческий череп и медный, со следами позолоты небольшой медальон с гротескной маской какого-то бородатого божества.

Андрей добыл в этот день из колодца нефритовое ожерелье и три медных колокольчика — все расколотые и с оторванными «язычками».

— Чем объяснить, профессор, что металлических находок становится больше? — поинтересовался он. — Может, даже после того, как древние города оказались покинуты, люди жили по-прежнему в окрестных селениях, возвращались на старые места, снова приносили жертвы к прежним святилищам?

— Кое-какие данные как будто говорят за это, — задумчиво ответил Альварес, разглядывая колокольчики. — К сожалению, мы не можем точно датировать каждую находку. Копаемся в иле наугад, а по-настоящему надо бы вести раскопки постепенно, снимая слой за слоем. Но под водой этого не сделаешь.

Вечером старый Бенито отозвал профессора в сторону и долго что-то говорил ему, то и дело оглядываясь на сумрачную чашу леса.

— Что случилось? — спросил Андрей, когда по мрачневший Альварес вернулся к костру.

— Говорит, что кто-то бродит в лесу. Он наткнулся, гоняясь за мулами, на сломанную ветку. И след свежий.

— Может, ее сломал ягуар? — сказал Андрей.

— Нет, ветка сломана на высоте человеческого роста.

— Это могла сделать и обезьяна.

— У Бенито глаз острый.

— А может, тут бродят лакандоны? — высказал предположение Франко. — Индейцы ведь обычно

таятся, без крайней нужды не выходят к незнакомым людям. Кому еще взяться в этой глуши?

— Возможно, ты и прав, как всегда, — вздохнул Альварес.

На другой день профессор выкопал из ила глиняную маску с изображением бога огня, а Буланов нашел два наконечника от копий — один кремневый, другой из превосходно обработанного обсидиана — и еще два медных колокольчика.

— Опять разбитые, — с огорчением и даже вроде бы виновато сказал он, подавая их Альваресу.

Тот посмотрел на его обескураженное лицо, покрутил головой и расхохотался.

— Нет, вы все-таки неисправимый дилетант, мой друг, — сказал профессор насупившемуся Андрею. — Вот вас даже огорчает, что колокольчик разбит. А меня это радует.

— Почему?

— Франко, я устал, объясните ему вы.

Помощник начал втолковывать Андрею своим тихим, печальным голосом:

— Эти находки лишний раз подтверждают: да, мы не ошиблись, и колодец, несомненно, имел жертвенное назначение. Ведь эти колокольчики — тоже жертвы богам и достаточно ценные, если учесть, что их выменивали на ткани, птичьи перья, может быть, даже на рабов и везли сюда откуда-то издалека по дорогам — сакбе, проложенным через джунгли. Они потому и расколоты, что приносились в жертву. Видимо, это делалось специально...

— Зачем?

— А вы встаньте на точку зрения какого-нибудь из древних майя, приносившего эту жертву, — ответил Альварес, опередив своего помощника, — попробуйте хоть на миг перевоплотиться в него. Человека, принося в жертву богам, убивают. Значит, так же следует поступить и с вещами, приносимыми в жертву: сначала сломать, «убить» их. Поэтому-то и разбивали колокольчики, раскалывали вот такие ритуальные диски, половину которого мне сегодня посчастливилось найти. А вам подавай непременно це-

люю хрустальную вазу или золотую статую, тогда только вы обрадуетесь находке!

Профессор рассуждал, стоя у костра, и, все более распаляясь, размахивал руками. Его чудовищная тень металась и приплясывала по глянцевитой листве деревьев, обступивших костер плотной стеной со всех сторон. А по другую сторону костра сидели на корточках рабочие в огромных соломенных шляпах и, полуоткрыв рты, внимательно и заворуженно слушали Альвареса.

Когда он уgomонился, присел рядом с Андреем и, посасывая неизменную сигаретку, начал делать какие-то записи в пухлом блокноте, время от времени останавливаясь и надолго в задумчивости глядя в огонь, рабочие начали потихоньку переговариваться между собой, словно обмениваясь впечатлениями от его бурного монолога.

Это было забавно, но еще больше развеселило Андрея, когда Альварес вдруг опять вскочил на ноги и разразился новой речью, на сей раз обращаясь уже прямо к рабочим и даже гневно грозя им пальцем.

«Уж не уточняет ли он какие детали, опасаясь, что рабочие его не так поняли? Форменный семинар какой-то в джунглях получается», — подумал Андрей. Он понимал лишь отдельные слова, так запальчиво и быстро говорил профессор.

Выждав, когда он кончил, снова уселся у костра, Андрей с интересом спросил:

— Что это вы им доказывали? Я ничего не понял, но у вас несомненный дар проповедника.

Франко хихикнул.

— Просто мне надоела их глупая болтовня, — сердито ответил Альварес. — Такое плетут, уши вянут.

— По поводу ваших рассуждений?

— Да нет! — отмахнулся профессор. — По-моему, из всего, что я вам говорил, они поняли только слова: «приносить в жертву». Да еще, пожалуй, выражение «залезть в шкуру», только они его неверно истолковали...

— То есть?

— Все это дало странный толчок их полудетской буйной фантазии, и они начали рассуждать о каком-то священном змее, якобы обитающем на дне сено-та. И при этом еще ссылались на меня! — негодуя-ще повысил голос Альварес, строго посмотрев через костер на притихших индейцев.

— Чепуха, — согласился Андрей. — Никакое крупное пресмыкающееся или земноводное в таком маленьком бассейне существовать не может. Оно там быстро подохло бы с голоду. Падают в колодец обыкновенные змеи с деревьев, увлекшись охотой, это я сам видел. Но чудовищному змею тут спрятаться негде, с чего это они выдумали?

— Черт их знает, — пожал плечами Альварес. — Может, отголоски каких-то древних легенд и преданий. Ведь у майя был широко распространен культ змей, изображения их часто встречаются в развалинах древних городов. Опять загадка, — покачал он седеющей головой. — С одной стороны, эти индейцы вроде ничего не знают о древней славе своих забытых предков. А в то же время, видите, какие-то отголоски старых преданий донеслись, оказывается, к ним сквозь века.

Он вздохнул, подбросил в костер валявшуюся рядом суковатую корягу, взметнув к черному небу высокий столб искр, и предложил:

— Вы бы объяснили им всю нелепость их глупых страхов перед этим мифическим чудищем с биологической точки зрения. А то я уже не первый раз слышу подобные разговоры. И — обратили внимание? — вечером никого из них силой не заставишь близко подойти к сеноту...

— Ну, уж такого лектора, как вы, из меня не получится, — засмеялся Андрей. — К тому же я ведь так говорю по-испански, что они, чего доброго, пожалуй, все наоборот поймут. Вам же придется потом растолковывать.

Франко засмеялся.

— Все я, все мне, — сокрушенно покачал головой профессор. — И ныряй, словно какой-нибудь юнец, и обрабатывай потом находки, и просвещай суевер-

ных индейцев. Да и не только их: убеждай еще скептического медика в небесполезности наших находок для науки. Ну что ж, раз у меня столько обязанностей, то я требую себе и диктаторских прав, полного повиновения. Приказываю спать, а то завтра вы у меня еще уснете в колодце. Меня уже давно настораживает, почему это вы, мой друг, так долго находитесь на дне и так мало оттуда приносите? Признайтесь, что вы просто дремлете там на мягком ложе из ила? Так что отправляйтесь спать, и пусть вам в наказание приснится этот чудовищный змей — хранитель священного колодца!

«Бог-змей! Бог-змей!» — забавно и весьма похоже передразнил он старика Бенито. Индейцы по ту сторону костра тихонько засмеялись, подталкивая друг друга локтями, — словно зашелестела листва под ветром.

У Андрея уже давно слипались глаза, и пламя костра в них вдруг начинало временами расплываться, да не хотелось уходить от огня. Но теперь он встал и пошел к своему гамаку.

Никакого змея Андрей во сне не видел, но вскоре ему пришлось о нем вспомнить...

Когда они начали вести раскопки у стенок колодца, появилась другая опасность. Подмываемые взбаламученной водой, от стены порой отделялись и падали им на головы увесистые каменные глыбы.

Когда это впервые с ним произошло, Андрей даже не сразу понял, что случилось, хотя Альварес, испытывший такое приключение уже раньше, предупреждал его об опасности.

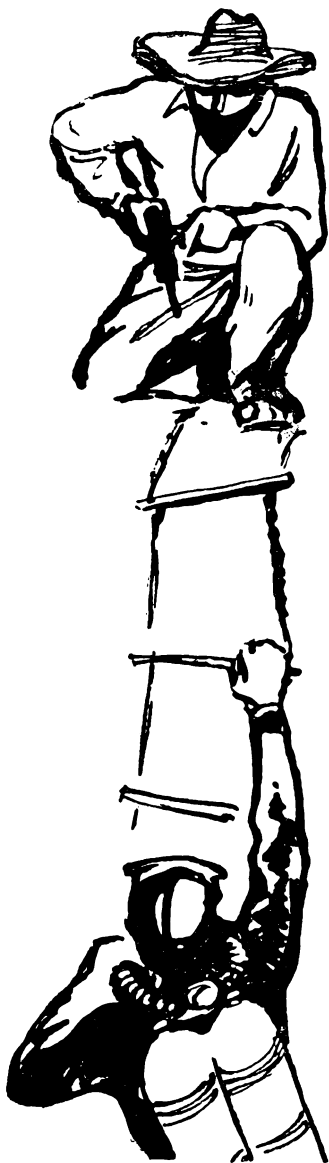
Андрей копался в иле, засунув в него обе руки по самые плечи, как вдруг его что-то мягко толкнуло в спину, перевернуло вниз головой и отбросило далеко в сторону. Отчаянно барахтаясь, он некоторое время висел так беспомощно — ногами вверх. Потом, наконец, принял нормальное положение. более приличествующее царю природы и кандидату наук, и тут ноги его наткнулись на камень, которого раньше не было.

Ощупав его и подсвечивая себе фонариком,

Андрей сообразил: эта каменная глыба, глубоко засевшая в ил, только что свалилась на него сверху. Не придавила она его лишь потому, что под ее давлением вода пришла в движение и отбросила аквалангиста в сторону, сыграв роль пружинистой спасительной подушки. Но если бы Андрей оказался по несчастной случайности между стеной и падающей глыбой и его прижало к скале, то священный колодец получил бы еще одну жертву...

Зловещая мысль об этом мешала Андрею продолжать копать в иле, и он поспешил подняться на поверхность, к солнцу и чистому воздуху.

Каменные глыбы обрушивались на голову Андрея потом еще не раз, но он уже наловчился ускользать от них. Надо было только держаться в некотором отдалении от стены колодца. Тогда упругая водяная подушка, опережая падающий камень, просто отбрасывала его в сторону, и через минуту он уже снова был на ногах. Андрей уже привык к таким происшествиям. Но однажды случилось нечто необычное.

Когда Андрей опустился на дно колодца в третий раз, проработал под водой около сорока минут и уже собирался подниматься на поверхность, то вдруг почувствовал какое-то странное движение у себя за спиной. Он не успел разогнуться и вытащить руки из ила, в котором копался, как что-то тяжелое навалилось ему на спину и стало прижимать ко дну.

Это не был обвалившийся камень. Андрей работал слишком далеко от стенки колодца, чтобы на него могла свалиться подмытая водой глыба.

И потом ведь не почувствовал он обычного предохраняющего водяного толчка?

Что-то вдавливало его в липкий ил мягкими, но сильными обволакивающими движениями.

И это нечто было круглое, гладкое, скользкое... Змея?!

Неужели это были не сказки? Но откуда же могла взяться в небольшом колодце такая громадина?

Собрав все силы, Андрей рванулся, пытаясь освободиться. Но его вдавливало все глубже в ил. Он едва смог отвернуть голову, опасаясь, как бы не разбилось стекло маски...

И вдруг почувствовал, будто давление на спину ослабло. Тяжесть с нее вроде бы скатилась куда-то в сторону.

Андрей протянул руку...

И тут же отдернул ее — таким неприятным показалось прикосновение к этому гладкому и скользкому телу. Но он заставил себя опять протянуть руку и ощупать хорошенько это нечто круглое и скользкое.

Конечно, самое обыкновенное бревно, круглый ствол давно упавшего в колодец дерева, кора на котором сгнила и осыпалась. Бревно засосало илом, а теперь Андрей ненароком подкопался под него, вот оно ожило, навалилось ему на спину.

Но почему так трудно дышать?

Андрей помотал головой, но это не помогло. Так и есть: пока он барахтался в иле и боролся с бревном, воздушный клапан залепило грязью...

Прочистить его в темноте не удастся, можно повредить. Надо поскорее выбираться из колодца.

Задыхаясь, он начал быстро всплывать, придерживаясь рукой за стенку.

Сердце бешено колотилось. В глазах поплыли какие-то алые круги.

Как только голова его очутилась над водой, Андрей сорвал с лица маску, поспешно ухватился за лестницу и начал карабкаться по ней.

Не сразу до него дошло, что его встречают какой-то странной тишиной...

Почему не слышно гневного голоса Альвареса — ведь он столько пробыл на дне, воюя с проклятым бревном?

Андрей поднял голову и едва не свалился с лестницы обратно в воду. Вместо знакомых лиц он увидел заглядывающего в колодец какого-то незнакомца. Нижнюю часть его лица закрывала грязная тряпка. Широкополое сомбреро низко надвинуто на лоб.

И человек этот наводил прямо на Андрея короткостволый автомат...

Незванные гости

Буланов замер, вися на лестнице.

— А ну, вылезай! — глухо буркнул сквозь тряпку незнакомец. — Что качаешься, словно обезьяна на ветке? И не вздумай валять дурака! — внушительно добавил он, покрепче упирая приклад автомата себе в живот, перетянутый широким ремнем.

Андрей начал медленно подниматься, не сводя зачарованного взгляда с черного кружочка автоматного дула. Оно словно гипнотизировало его.

Когда он вылез из колодца и, подняв руки, встал на краю обрыва, незнакомец быстрым движением провел по бокам его гидрокостюма и деловито спросил:

— Оружие есть?

Андрей только пожал плечами, тараща на него глаза.

Откуда взялся в глухом лесу этот человек в пропотевшей и вылинявшей рубашке защитного цвета, небрежно расстегнутой чуть не до пояса на широкой груди? Почему лицо его, словно маской, прикрыто тряпкой? И куда делись Альварес, Франко, рабочие?

— Оружие есть? — снова сердито повторил незнакомец, больно ткнув Андрея стволом автомата в живот.

— Откуда? — пожал плечами Буланов. — Вы же меня обыскали. И на что мне оружие под водой?

— Пошли. И поменьше разговаривай!

Подталкивая Андрея дулом автомата в поясницу пониже кислородных баллонов, которые так и не дал ему снять, зловещий незнакомец повел его в лагерь.

И тут Андрей все понял, увидев еще двух бандитов с автоматами. Один — маленький, щуплый, худощавый, но с властной манерой держаться, выдававшей в нем главаря, — держал под прицелом Альвареса и Франко, сидевших у погасшего костра со связанными за спиной руками. В стороне под охраной здорового верзилы с нелепой вязаной шапочкой на голове сидели угрюмой, притихшей кучкой рабочие. Им рук связывать не стали, лишь отобрали мачете и лопаты, свалив их грудой в некотором отдалении.

И у этих двух бандитов лица были прикрыты тряпками вместо масок. Но Андрей мог поклясться, что видел их среди других проходимцев, коротающих дни возле харчевни в Теносике в ожидании поживы.

Значит, Альварес был прав, и Джонни со своими дружками заманили их в ловушку. А где же он сам, этот проклятый Бэтмен? Взорвали пирамиду, ничего не нашли и вот, выждав, пока они добудут со дна

колодца побольше ценностей, решили прибрать находки к рукам. Все было рассчитано тонко, даже момент для нападения — пока Андрей копался в колодце, а другие страховали его.

И в то же время как глупа была вся эта бандитская затея! Что они приобретут, какие сокровища? Разбитые медные колокольчики да древнюю полуманную куклу...

Андрей невольно улыбнулся, представив себе разочарование бандитов. Вожак заметил эту улыбку и настороженно спросил, чуть шепелявя:

— Чему ты радуешься?

Андрей не ответил.

— Скоро он перестанет смеяться навеки, — зловеще сказал верзила в шапочке.

А третий, за спиной Андрея, выразил свое негодование тем, что лишний раз больно ткнул Буланова дулом автомата под ребра.

Главарь повернулся к Альваресу и сказал:

— Ну, теперь мы можем спокойно продолжить. Покажешь ты, что вы нашли?

— Нет, — ответил профессор. — Я же тебе сказал, никаких сокровищ мы не нашли. И не искали, понимаешь? Пора бы знать, что древние майя не имели ни золота, ни драгоценных камней. Даже школьники это знают.

— Мы в школе не учились, — весело сказал верзила, но вожак покосился на него, и он сразу замолчал, даже слегка попятившись.

— Почему же ты тогда не хочешь нам показать эти находки? — вкрадчиво спросил вожак у профессора. — Если они, как уверяешь, не имеют никакой ценности?

— Для вас не имеют. А для науки...

— Покажи!

— Нет.

— Что с ним разговаривать, — пробасил бандит за спиной Андрея.

— Верно, — согласился вожак. — Мы можем посмотреть и сами. Приглядывайте за ними.

Он начал рыться в экспедиционных пожитках,

время от времени оглядываясь на профессора и спрашивая:

— Здесь? Или здесь? А может, здесь?

Когда он добрался до сумки, в которой хранились находки, Альварес не выдержал пытки и начал осыпать его проклятьями, пытаясь освободить связанные руки. Это очень развеселило верзилу в шапочке.

Среди рабочих прошелестел шепот.

— Ну! Ну! — прикрикнул верзила и повел в их сторону автоматом.

— Лучше убей меня, но не шарь там своими лапищами! — бушевал профессор. — Вот дьявол! Хорошо, развяжите меня. Я сам все покажу.

— Развяжите их. Это мои друзья, — вдруг раздался знакомый ленивый голос, заставивший всех повернуться в одну сторону.

На краю полянки, возле большого дерева, стоял Джонни в низко надвинутой мятой шляпе и с погасшей сигаретой в зубах. А в руках у него был автомат.

Вожак сделал какое-то неуловимое движение, но тут же замер, услышав голос Джонни:

— Спокойно, Фернандо. Я не один. А ты же знаешь, как стреляет Чако. Бросить оружие!

Подтверждая его слова, одна из веток в густых кустах вдруг шевельнулась, неожиданно сверкнув на солнце. И все поняли, что это вовсе не ветка, а стальное дуло, снова уставившееся своим грозным зрачком на бандитов.

Вожак вздохнул, неторопливо снял автомат с шеи и небрежно бросил его на землю. Помедлив, его примеру последовал и верзила.

Андрей оглянулся. Его охранник, сразу став тихим и послушным, тоже торопливо стягивал с шеи ремень автомата, забыв сначала снять шляпу.

— И другие игрушки тоже отдайте, — сказал летчик.

Вожак бросил к его ногам пистолет, вытащив его откуда-то из-под мышки. Другой бандит снял с пояса кинжал в ножнах и осторожно положил на траву. А верзила помотал головой и ответил:

— У меня ничего нет.

Джонни подошел к нему ленивой и в то же время пружинисто-напряженной походкой, все время держась так, чтобы не заслонить собою целившегося Чако, сунул левую руку верзиле за пазуху, достал оттуда пистолет, а зажатый в правой руке автомат нанес ему такой удар по скуле, что тот отлетел в сторону и рухнул в колючие кусты.

Это послужило словно последним сигналом. Все рабочие с криком вскочили и накинулись на бандитов. Засверкали machetes.

— Эй, вы! — закричал Альварес. — Лучше нас развяжите.

Через минуту профессор с помощником были освобождены и с наслаждением растирали затекшие руки, а бандиты мрачно сидели крепко связанные рядом у костра.

Только теперь вышел из своей засады Чако — худенький индеец, похожий на подростка, — и присел с автоматом на корточки напротив пленных бандитов, не сводя с них ястребиных немигающих глаз.

Когда улеглись все страсти и в лагере был наведен порядок, стали думать, что же теперь делать с непрошеными гостями. Альварес хотел непременно передать их властям и добиться сурового наказания за бандитское нападение и особенно за разрушение пирамиды. Но Джонни охладил его пыл, сказав:

— Здесь гватемальская территория. Не потащите же вы их в столицу Гватемалы за сотни миль через лес?

— Ладно, нечего выгораживать своих! — отмахнулся в запальчивости профессор, но не мог не признать это возражение резонным. В конце концов было принято все-таки предложение Джонни: отпустить проходимцев, отобрав у них оружие, и пусть улетают в Теносике.

— Но я вас там разыщу и свяжусь с гватемальскими властями, когда будет свободное время! — пригрозил им Альварес.

Джонни и Чако тут же увели пленников к тому месту, где находился их самолет. Надо было убе-

диться, что бандиты действительно улетят восвояси, а не попытаются найти и как-нибудь повредить в отместку машину Джонни.

Когда они ушли, профессор озабоченно сказал Андрею:

— Надо бы мне пойти с ними. Или вам. А то как бы снова они не подружились дорогой...

— Что вы, профессор, — укоризненно ответил Андрей. — У Джонни были все возможности это сделать раньше, а он пришел к нам на выручку, рискуя жизнью. По-моему, в нем можно не сомневаться больше.

— Пожалуй, вы правы. Но если он был с ними не заодно, то зачем же сюда прилетел? И когда?

Все разъяснилось, когда вернувшийся с Чако летчик рассказал об этом за ужином. Правда, рассказывал он весьма скупое и неохотно, буквально каждое слово приходилось вытягивать из него, но все-таки картина прояснилась.

Со своими прежними друзьями он, оказывается, поссорился еще раньше, когда предупредил Альвареса и Андрея не вести никаких разговоров в присутствии глухонемого шпиона. По изменившемуся поведению ученых они поняли, что их слежка раскрыта, и, естественно, заподозрили в этом Джонни. Они решили, будто летчик предал их, вступив в какой-то тайный сговор с археологами, хотя, как признался Джонни, он тогда не имел никаких целей, кроме как выманить у Альвареса побольше долларов, катая его над лесом.

Друзки не поверили ему, затеяли драку, и Джонни был жестоко избит. Ярость и обида заставили его предложить ученым отправиться к одинокой пирамиде. Но бандиты высмотрели полянку с их самолетом, недостаточно хорошо укрытым ветками. Джонни понял, что они не отвяжутся и станут преследовать ученых.

К этому времени он уже заинтересовался работой археологов, да и не хотел уступать своим прежним друзьям пирамиду возле сенота — ведь он первый нашел ее. Прихватив верного приятеля Чако, он при-

летел наводить порядок в лесных владениях, которые считал своими.

— А почему же твоей тарахтелки не было слышно? — поинтересовался Альварес. — Эти разбойники бы насторожились.

— А я весь последний участок планировал с выключенным мотором, сколько смог, — усмехнулся летчик.

Альварес переглянулся с Андреем и, покачав головой, восхищенно сказал:

— Ах ты, Бэтмен чертов! Но прилетел ты, надо сказать, очень вовремя. Спасибо. Они пошли бы на все. Ты видел, что сделали они с пирамидой?

Летчик кивнул. Некоторое время он сидел молча, и лицо его в трепетном свете костра особенно напоминало древнее каменное изваяние, потом вдруг улыбнулся:

— Ладно, не огорчайтесь. Я отвезу вас в город.

— В какой город? — удивился Альварес. — В Теносике? Но мы, наверное, еще поработаем тут. Надо все-таки и пирамиду хотя бы расчистить и обмерить.

— Нет, не в Теносике. В старый город. Много развалин в лесу.

— Еще одна пирамида? — спросил поспешно Андрей.

— Есть и пирамиды. Там целый город.

— Что ты сочиняешь? — спросил Альварес. — Где этот город?

— Недалеко отсюда. Я один знаю место. Только это будет дорого стоить, — поспешно добавил Джонни. — Я и так из-за вас несу большие убытки.

— Какие там убытки, — засмеялся профессор. — Никаких клиентов ты тут больше не найдешь. Дремал бы в тени под крылом своей этажерки. Но если ты говоришь правду, я согласен. Только на том же условии...

— На каком? — насторожился Джонни.

— Будет город — будут тебе и greenbacks.

— Ладно, — усмехнулся летчик. — Утром полетим.

Вновь замаячившая надежда не давала Андрею

уснуть. Он поворочался, вылез из своего гамака и по-
дошел к Альваресу.

— Вы не спите, профессор?

— Только начинаю. А что?

— Простите, но... Что вы все-таки думаете об этом городе?

Альварес покрутил головой и ответил:

— Не верится. Уж очень пахнет какими-то легендами в духе полковника Фоссета. Такими сказками угощали еще Стефенса. Вы, наверное, помните рассказ безымянного патера, который он приводит в своей книге...

Андрей кивнул. Конечно, он помнил этот красочный рассказ.

Некий священник, повстречавшийся Джону Стефенсу, первым проникшему в эти леса, рассказал, будто своими глазами видел с горной вершины огромный город в лесу. Его дворцы с белыми башенками сверкали в лучах солнца. В этом городе якобы жили и поныне чистокровные потомки древних майя, укрывшиеся здесь от испанских конкистадоров. У них нет ни монет, ни других денег, нет лошадей и мулов, как и у древних майя, только домашняя птица. И своих петухов они прячут в подземельях, чтобы никто не мог услышать, как они кукарекают, и не нашел бы по петушиному крику дорогу к потаенному городу...

Эта забавная деталь — спрятанные под землю петухи — в свое время умилила Андрея. Но теперь он вдруг подумал: а не подтверждает ли она истинность рассказа? Подобное трудно, пожалуй, придумать просто так, без всяких оснований.

— А Бонампак? — спросил он профессора.

В самом деле, нашел же американский кинооператор Джайлз Хили в 1946 году с помощью местных индейцев затерянный в джунглях древний храм Бонампак? О существовании его никто раньше и не подозревал, хотя, как потом выяснилось, некоторые, менее счастливые исследователи проходили буквально в сотне метров от развалин — и не заметили их!

Напоминание о Бонампаке заставило профессора задуматься.

— Ладно, спите спокойно. Попробуем поискать этот затерянный город, — сказал он. — Все-таки Бэтмен ведь действительно хорошо знает здешние леса. Не обманул нас с пирамидой и священным колдцом.

Опасный полет

Рано утром, прихватив с собой нескольких рабочих, они отправились к самолету. Джонни посадил его на сей раз довольно далеко от пирамиды и на такой крошечной прогалинке, что взлететь с нее без предварительной расчистки было не по силам даже ему. Рабочие начали валить деревья и вырубать кусты.

Взлетели они только после полудня. Времени оставалось мало, но Джонни был верен себе: запутывая по привычке следы в небе, он несколько раз закладывал глубокие виражи и резко менял курс.

Альварес чертыхался, вертя перед носом совершенно бесполезную карту. Андрей укладкой посмеивался над ним, отвернувшись к окошку.

— Там пирамиды! — вдруг вскрикнул Альварес.

— Где? — Андрей вертел головой во все стороны, но в его оконце было видно только вздыбившееся небо.

— Конечно, это пирамиды! И что-то еще просматривается за листвой. Дьявол, что же он так крутит!

Самолет выровнялся. Джонни обернулся к ним и крикнул:

— Видели город? Готовьтесь, иду на посадку.

Ощетинившаяся вершинами деревьев земля стре-

нительно приближалась. Между деревьями никакого просвета... Куда же он хочет садиться?!

Внезапно мотор громко зачихал и смолк.

— Где же мой ремень? — донеслись в наступившей тишине до Андрея слова профессора. — Ах да, ведь он оборвался...

Совсем рядом за окошком замелькали вершины деревьев. Ветки почти задевали за стекло!

Андрей невольно зажмурился и отшатнулся от окна.

Машину начало неистово швырять из стороны в сторону.

Неужели сели?!

Раздался громкий треск... Самолет уткнулся носом в землю. Кабина так накренилась, что Андрей повис на пояском ремне и перебирал ногами, пытаясь наступать пол.

Теперь в кабине царила тишина, только где-то вдалеке верещали перепуганные обезьяны. И тишина эта становилась все тревожнее с каждой секундой.

— Помогите мне отцепиться! — крикнул Андрей, чтобы только ее нарушить.

Но ему никто не ответил.

Альварес неподвижно лежал в углу, уткнувшись лицом в пол. Из кабинки пилота не доносилось ни звука.

Кое-как, срывая ногти, Андрей отцепил ремень и бросился к профессору.

— Альварес!

Тот глухо застонал и медленно приподнялся. Все лицо его было залито кровью.

— Что с вами?

— Не знаю. А что с Джонни?

Андрей, скользя по накренившемуся полу, подобрался к пилотской кабинке и заглянул в нее.

Джонни сидел на своем месте в каменной позе какого-то истукана. Андрей даже подумал, что он убит наповал, и с трепетом тронул его за плечо.

Летчик медленно обернулся.

— Вы живы? — с облегчением спросил Андрей.

Джонни ничего не ответил и, снова отвернувшись,

установился на приборный щиток, усыпанный осколками стекла.

Андрей вернулся к Альваресу. Тот все еще грузно сидел на полу, неловко привалившись к стенке.

— Вытрите мне лицо, — попросил он. — Глаза слипаются, ничего не вижу. Это кровь?

— Кровь. Не трогайте руками, можете занести инфекцию. Сейчас я достану аптечку.

Андрей отыскал спирт и начал тампоном осторожно стирать кровь с лица профессора. Руки плохо слушались его.

Альварес морщился.

Правый глаз у него весь заплыл, над бровью виднелась глубокая рана. Андрей начал бинтовать ее.

— Голова трещит, прямо раскалывается, — пожаловался профессор. — А что с Джонни?

— Цел. Сидит у себя в кабине.

— А машина?

— Не знаю.

— Чего же он ее не осмотрит? Эй, Бэтмен!

— Ну, — глухо откликнулся Джонни.

— Что с машиной, почему ты не посмотришь? Или собираешься везти нас дальше, прямехонько на тот свет? — оживая, сердито спросил Альварес.

Летчик ничего не ответил.

Андрей открыл дверцу и помог профессору выбраться из самолета.

С первого взгляда было ясно, что дела плохи. Самолет стоял, накренившись на левое крыло и уткнувшись мотором в землю. Винт сломан, обшивка крыла сильно ободрана.

— Н-да, — пробормотал Альварес. — Как мы уцелели, трудно понять. А ты что, не собираешься вылезать? — неуклюже задрав забинтованную голову, крикнул он летчику, все так же неподвижно сидевшему в своей кабине.

— Я не могу вылезти, — угрюмо ответил Джонни. Они бросились к нему.

— В чем дело? Ты ранен? — спросил Альварес.

— Рука не поднимается.

— Что же вы сразу не сказали, что ранены? — спросил Андрей. — Я думал, у вас все в порядке.

Они помогли летчику выбраться из кабины.

На подбородке у Джонни было несколько ссадин, левая рука безжизненно повисла, словно обрубленная ветвь.

Распоров замасленный комбинезон летчика, Андрей начал осматривать руку.

— Здесь больно?

— Больно.

— Почему же вы не скажете?

— Хваленый индейский стоицизм, — вмешался Альварес. — Ты уж, пожалуйста, говори, где именно у тебя болит, а то доктор не разберется. Сидит себе, а я думал, ты вообще не ранен. Ну что, доктор?

— Боюсь, перелом ключицы. На всякий случай забинтую покрепче. Хорошо, хоть не открытый.

Подложив под мышку поврежденной руки толстый валик из тряпок, Андрей крепко прибинтовал его к обнаженному телу летчика, радуясь в душе, что не поленился в горячке сборов проштудировать учебники и освежить в памяти врачебные познания. Вот они игодились.

После перевязки Джонни осмотрел самолет, а потом они уселись в тени, чтобы обсудить положение.

Оно было нелегким. У самолета сломаны не только винт, но и шасси. Отремонтировать его здесь собственными силами невозможно. Придется пока оставить машину и пешком пробиваться к реке, до нее, по расчетам Джонни, километров шестьдесят. А там надо построить плот и плыть на нем до лагеря лесорубов — самый разумный вариант.

— Но сначала я покажу вам обещанный город, — сказал неожиданно Джонни. — Это будет небольшой крюк, миль восемь.

— Какой там еще город, когда у тебя сломана рука! — напустился на него профессор. — Тебе надо поскорее в больницу...

— Нет, сначала город. А то вы подумаете, будто я вас обманывал.

Андрей с профессором переглянулись.

Андрею показалось, что уцелевший глаз профессора сверкал из-под повязки разгорающимся азартом

исследователя, или он приписывал ему свои собственные желания? Уж очень было обидно возвратиться ни с чем, оказавшись так близко от затерянного города...

Альварес неопределенно хмыкнул и опустил голову.

— Но, Джонни... Вам в самом деле нужно поскорее в больницу, — не очень уверенно сказал Андрей. — Вам нужен покой.

— Я пойду к реке только через город, — сказал Джонни. И добавил, вставая: — Или оставьте меня здесь, буду чинить самолет.

— Это одной-то рукой? — проворчал Альварес. — Ты упрям как мул. Ладно, утром посмотрим, куда идти. А сейчас давайте закусим. Что-то у меня аппетит разгорелся. Может, это нервное, а, доктор? Разрядка после потрясения? Разжигайте костер, а я достану продукты.

Он полез в самолет и начал выбрасывать из него гамаки, лопаты, кастрюльки.

Андрей принялся разжигать костер.

— Черт, никак не найду этот проклятый мешок с аварийным запасом. Мы же не израсходовали его в прошлый раз. Куда он делся? Вы не видали?

— Не ищите его, — хмуро сказал летчик.

— То есть как не ищите? — профессор уставился одним глазом на летчика, забавно, по-птичьи, склонив забинтованную голову набок. — Ага, понимаю... Ты все сожрал и пропил со своими дружками — и консервы и шоколад. Так?

Джонни, отвернувшись, мрачно молчал.

— *Madre de Dios!* Хорошенькое дело! — заорал профессор, грозя ему кулаком. — Теперь нам нечего есть. Ты понимаешь, в какое положение нас поставил?

— Ну, теперь бесполезно кричать, — примирительно сказал Андрей. — У меня в сумке есть плитка шоколада и галеты...

— Галеты! — фыркнул Альварес, уничтожающе посмотрев на него. — Шоколад! — и, махнув рукой, скрылся в самолете.

Итак, положение их неожиданно резко ухудшилось.

До ближайшего жилья — полторы сотни миль через непроходимый лес. Никаких продуктов у них нет. Придется кормиться охотой. Хорошо хоть Джонни не пропил и экспедиционную винтовку с тремя десятками патронов.

Выгрузив из самолета все вещи, которые предстояло взять с собой, они начали маскировать машину срубленными ветками. Джонни помогал им одной рукой, не обращая внимания на свирепые окрики Альвареса и уговоры Андрея. Теперь, наученные горьким опытом, они закрыли самолет гораздо тщательнее, чем в тот раз...

Потом развесили гамаки и в быстро сгущающихся сумерках сели перекусить, разложив на куске брезента все, что нашлось съедобного: плитку шоколада, начатую пачку соленых галет и два подгнивших апельсина. Сердито сопя, Альварес разделил все это на три равные кучки.

Джонни не притронулся к своей порции.

— Ешь, не валяй дурака! — накинулся на него профессор. Но вскоре сдался и махнул рукой: — Черт с тобой, упрямый мул. Но завтра — никаких фокусов. Мы пойдем прямо к реке. У тебя сломана рука, у меня раскалывается голова, продуктов нет. Эх, жалко, Чак мы не взяли, он бы охотился. Нам сейчас не до затерянных городов. Ты один знаешь, куда нас завез и как отсюда выбираться. Так вот, я тебе приказываю как начальник экспедиции, который тебя нанял: мы идем прямо к реке!

Джонни встал и пошел к своему гамаку.

Уморившись, все спали крепко. А рано утром, едва над головами в густой листве забрезжила заря и начали перекликаться проснувшиеся птицы, быстро свернули свой нехитрый лагерь и тронулись в путь.

Джонни показал, в какую сторону идти. Альварес подозрительно посверлил его непроницаемое лицо своим единственным глазом, потом неловко задрав перевязанную голову, долго высматривал, где за деревьями вставало солнце, что-то прикидывая и проверяя.

— Ладно, — сказал он наконец. — Пошли.

У них был только один мачете, и Андрей с профес-

сором прорубали дорогу, передавая его друг другу. Джонни пытался возражать и даже один раз ухватился здоровой рукой за мачете, пытаясь отобрать его, но Альварес вырвал у него нож и погрозил кулаком. Джонни не оставалось ничего иного, как смириться, хотя даже по его каменному лицу было видно, как это для него нелегко.

Целый день до самого вечера они рубили, рубили, рубили неподатливые пружинящие ветки, обливаясь потом и спотыкаясь на каждом шагу об узловатые корни деревьев. Отдыхали всего три раза по пятнадцать минут. Ничего не ели весь день, и не хотелось. Зверски хотелось только пить, но воды во фляжках было мало. Ее берегли, лишь слегка смачивая губы, когда становилось нестерпимо.

Они валились с ног.

— Давайте разбивать лагерь, — сказал Альварес, хотя еще было светло.

— Пройдем подальше, — возразил Джонни.

— Зачем? — с подозрением спросил профессор.

— До города осталось с полмили. Я же говорил, — спокойно ответил летчик, и в глазах его проскользнула усмешка.

Затерянный город

Это был в самом деле настоящий город!

Они добрались до него такими усталыми, что даже у Альвареса не нашлось сил ни ругаться с упрямым летчиком, ни осматривать развалины первого здания, на которые они буквально наткнулись, прорубаясь сквозь чащу. Эти руины так вросли за века в землю и так густо их оплели лианы и прикрыли своими ветвями кустарники, что путешественники, наверное, прошли бы мимо, ничего не заметив. Но Альварес, шедший впереди, остановился перед грудой камней. Широким лезвием мачете он машинально счистил мох с одного из них и вскрикнул...

На сером, источенном веками камне явственно проступал древний рельеф!

А дальше за деревьями темнел какой-то холм с необычно крутыми склонами. Это, конечно, пирамида! И вон вторая, третья... А там среди зелени что-то призрачно белеет — неужели каменная стена?!

Но сумерки быстро сгущались, и у них уже не оставалось никаких сил, чтобы сделать еще хоть один шаг. Тут же, возле этих развалин, они кое-как развесили гамаки и забылись до утра тяжелым сном без сновидений. А когда Андрей утром проснулся, Альвареса и Джонни уже не было. Ушли осматривать найденный город?

Андрей, глотая голодную слюну, поспешил последовать их примеру.

Конечно, он прежде всего начал с пирамиды — и самой большой из трех. Ее вершина пряталась в листве, так что высоту определить было трудно.

«Но уж не меньше тридцати метров», — подумал Андрей, карабкаясь по широким крутым ступеням, выступающим из земли.

Местами лестницы расширились, образуя нечто вроде террас со скульптурными украшениями по краям в виде массивных каменных масок грозно оскалившихся ягуаров. Некоторые из них были разбиты и полузанесены землей, другие отлично сохранились.

Лестница вела из сумрака кустарников все выше. Никаких перил у нее не было, и когда Андрей оглядывался и смотрел вниз, у него начинала кружиться голова.

На плоской вершине пирамиды оказалось большое здание с остатками каменной, суживающейся кверху башни, тоже напоминавшей своими очертаниями пирамиду.

Андрей заглянул в дверной проем. Внутри было темно. Только смутно выступали по углам скульптуры, увенчанные высокими головными уборами.

Профессора тут нет, а без него осматривать этот не то храм, не то дворец Андрей не решился.

Альвареса он нашел в небольшом храме на вершине второй пирамиды. Присев на корточки, профессор сосредоточенно изучал иероглифы, покрывавшие одну из колонн от сводчатого потолка до самого основания.

— Седьмой век, кажется, — сказал он, поворачиваясь к Андрею. — Совсем неплохо. Все три пирамиды древние, построены в самую пору расцвета города. Тут уж сомнений никаких.

Но Андрей смотрел не на колонну, а себе под ноги, словно пытаясь пронизать взглядом толщу пирамиды и угадать: а есть ли в ней гробница?

Увы, никто пока не мог этого сказать. Каменные плиты пола завалены накопившейся за века землей. И нечего даже думать начинать какие-нибудь раскопки, имея один-единственный мачете...

Выстрел, а затем сразу второй, раздавшиеся не-
подалеку, заставили их переглянуться.

Неужели их выследили и сюда пробрались бан-
диты?

Профессор и Андрей начали поспешно спускаться
с пирамиды. И на полдороге замерли, услышав вдруг
разбойничий пронзительный свист...

— Кажется, дело плохо, — пробормотал профес-
сор. — А винтовка осталась у Джонни.

Крадучись, замирая на каждом шагу, они начали
пробираться сквозь кусты. Колючие ветки цеплялись
за одежду, предательски трещали под ногами.

«Чепуха какая, — подумал Андрей. — Вот не
знал, что придется, как в детстве, играть в индейцев.
Да еще так неумело...»

Вкусный, очень аппетитный запах защекотал
ноздри.

— Пахнет чем-то жареным, — растерянно про-
шептал профессор.

Они осторожно выглянули из кустов.

И увидели Джонни, возившегося у костра. Он был
один, и деловитый вид его их сразу успокоил.

— Где вы пропадали? — сердито сказал Джон-
ни, когда они подошли поближе. — Завтрак давно
готов.

— Это ты стрелял? — спросил профессор.

— Я.

— Одной рукой?! — воскликнул Андрей.

— Мне достаточно и одной, — невозмутимо от-
ветил Джонни. — Все равно какой — правой или
левой.

Они с наслаждением растянулись на брезенте у
костра, жадно принимаясь к вкуснейшему запаху,
который разносился по всему лесу.

— Чем ты нас угощаешь? — нетерпеливо спросил
Альварес.

— Игуана, — лаконично ответил Джонни, раскла-
дывая большие куски мяса на листья какого-то лопу-
ха, заменявшие тарелки.

— О-о! — восхитился Альварес. — Нам крупно
повезло.

А Буланов смотрел на свою порцию с опаской, чувствуя, как к горлу подступает неприятный комок...

Игуана... Хм. Ведь это же громадная тропическая ящерица, он видел их дважды в лесу. Странное, какое-то доисторическое на вид чудовище с волнистым, зазубренным гребнем вдоль головы и спины, придававшим ему воинственный и грозный вид. Кажется, сейчас она на тебя бросится и сожрет. Но есть ее...

— Не медлите, мой молодой друг, — проговорил с набитым ртом Альварес. — Это же деликатес. Жареная игуана! Такого вы не попробуете даже в Париже у «Максима».

Довод был довольно сомнительный, но Андрей мужественно взялся за вилку, решив испытать все, что положено отважному путешественнику по тропическим дебрям.

С опаской проглотил первый кусок — и облизнулся. К его удивлению, игуана в самом деле оказалась вкусной. Мясо напоминало курятину или, пожалуй, индейку. А может, просто Андрей был зверски голоден? Во всяком случае, он справился со своей порцией, не отстав от товарищей, и с трудом поборол желание облизать листок, заменявший тарелку, как это сделал Джонни.

Никаких раскопок они вести не могли и все-таки никак не решались покинуть древний город. Провели день, лазая среди развалин, потом второй...

Все пространство между пирамидами, теперь густо заросшее лесом, было когда-то, несомненно, огромной центральной площадью города.

Город был большой, судя по всему, в нем жили тысячи людей — почему они покинули его?

Все те же вопросы, и никто на свете не может ответить на них.

Пугая бесчисленных летучих мышей, Андрей и Альварес бродили по темным сводчатым переходам храмов. Тишина. Вода капает с потолков. Узкие лестницы уводят вниз, в подземные галереи.

Луч фонарика выхватывает из мрака суровые и

важные лица каких-то богов или жрецов. А вот скульптура человека, застывшего навсегда в позе исступленного танца: рот раскрыт, парят над землей ноги в сандалиях, до смешного похожих на нынешние босоножки...

Поворот коридора — и вдруг через пролом в потолке врывается солнечный свет, слепя глаза.

Войдя в эту комнату, Андрей почувствовал какой-то смолистый, довольно сильный, а главное — необычно живой для этих древних развалин запах. Он стал осматриваться, стараясь найти его источник, и обмер...

В углу стоял маленький примитивный божок из глины, а по бокам его — два глиняных горшка.

Горшки были целыми, неразбитыми, новыми!

Не могло быть никаких сомнений: их поставили сюда недавно, уж, конечно, не сотни лет назад.

Кто?

Андрей позвал из соседней комнаты Альвареса. Тот вошел и тоже сразу начал принохиваться.

— Лакандоны! — воскликнул он, увидев горшки и идола. — До сих пор приносят жертвы на древние пепелища и даже жгут ту же самую копаловую смолу, что и жрецы майя.

Лакандоны — загадочное индейское племя, их осталось, говорят, на земле не больше трех сотен... Древнейшие обитатели этих лесов! Их история и происхождение столь же таинственны, как и судьба древних майя.

Ученые до сих пор спорят, потомки ли это обитателей покинутых городов — тех беднейших земледельцев, которые, возможно, пережили загадочную катастрофу, но никуда не ушли, а остались жить в лесах. Или, может быть, это древнейшее самобытное племя, обитавшее здесь с незапамятных времен по соседству с народом майя? Говорят они на языке майя, хотя и не умеют читать древние письмена, причем на юкатанском наречии. Может, это подтверждает, что когда-то лакандоны отступили в леса с севера под натиском испанских завоевателей?

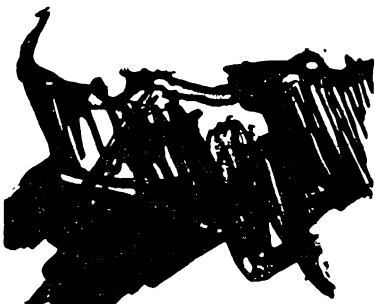
А когда конкистадоры добрались и сюда и отступить уже было некуда, свободолюбивые лакандоны

дали им дружный отпор и превратили свои непроходимые леса в «край войны» — так его и называли испанские хронисты. В сущности, они не покорились и поныне, продолжают вести в глуши лесов тот же образ жизни, что и много веков назад.

Выйдя из храма, Андрей несколько раз оглянулся вокруг, словно надеясь увидеть таинственных обитателей леса. Но лес был все так же пустынен, а древний город мертв и заброшен...

Призрачно белели среди листвы стены давно покинутых храмов. У подножия большой пирамиды они образовали целый ансамбль с небольшим двориком.

В некоторых храмах стены внутри были голыми, строгими. В других — попадалась цветная роспись, потускневшая от времени: по всем четырем стенам, словно преследуя друг друга, замерли в живых, напряженных позах фигуры людей в богатых одеждах, с какими-то музыкальными инструментами, с веерами, с оружием. Танцуют они или идут на битву?

Было похоже, что здания в этом древнем городе располагались самым свободным и причудливым образом. Никакой строгой системы, никаких улиц.

Фасады зданий и лестницы разрушены корнями деревьев, проросших в расщелинах между узорчатыми камнями.

В центре небольшого круглого здания наткнулись на остатки какого-то непонятного сооружения из темных, словно закопченных камней. Вокруг них полукругом три невысокие каменные скамьи. Больше в этом странном здании ничего не было.

— Что это такое? — спросил Альвареса Андрей. Тот хитро прищурился и ответил:

— Уж кому-кому, а вам бы следовало догадаться самому. Посмотрите внимательнее. Это вам ничего не напоминает?

Андрей еще раз огляделся вокруг, задумчиво потрогал замшелый камень скамьи и, посмотрев на профессора, покачал головой.

— Да это же темаскалы! Как она называется у вас... Где моются с веником! — закричал Альварес и добавил по-русски: — Ба-ня, верно? Это мне трудно было догадаться о назначении дома, а вы-то! Тут был каменный очаг. На раскаленные камни плескали воду, а халач-виник сидел на скамье и наслаждался. У вас моются так же, верно?

— Верно, — засмеялся Андрей. — Но поэтому-то мне и нелегко было догадаться. Ведь совсем невероятно встретить нашу российскую баню в здешних краях.

В густой траве лежали каменные алтари с рельефными изображениями пышно одетых людей с жесткими горбоносыми лицами и огромные каменные головы ягуаров.

Альварес и Андрей нашли в зарослях шесть календарных стел. Некоторые лежали на земле, другие стояли почти прямо, будто вросли в землю. Самая ранняя из них была воздвигнута в пятом веке нашей эры, самая поздняя — скорее всего в конце девятого....

Опять тот же загадочный рубеж девятого века!

Одна из стел оказалась разбитой на четыре куска неправильной формы, и Альварес многозначительно показал на них Андрею.

Кто и когда разбил эту стелу? Или ее просто разрушило время? Но почему оно тогда пощадило другие, даже более древние памятники?

Вопросы так и витали в затерянном городе. И никто не мог на них ответить.

Альварес, забыв обо всем на свете, бродил среди развалин, зарисовывал, фотографировал, время от времени издавая громкие ликующие вскрики.

Многие барельефы находились в самых неудобных местах, словно древние художники вовсе не заботились о том, сможет ли их рассмотреть набожная толпа: достаточно, чтобы видели сами боги, как их чтят. Эти украшения профессору приходилось фотографировать или зарисовывать лежа и рискуя свернуть себе шею. К тому же ему мешала повязка, он то и дело чертыхался и грозился сорвать ее: много ли рассмотришь одним глазом?

Андрей утешал его тем, что ведь они скоро вернутся сюда с инструментами, рабочие расчистят заросли, и тогда все можно будет изучить и рассмотреть как следует.

Они изголодались, исхудали, устали лазать по развалинам. Все эти дни почти ничего не ели. Джонни удалось подстрелить еще лишь одну игуану да зазевавшуюся обезьяну-ревуна, которую он поджарил на самодельном вертеле. Но от этого блюда и Андрей и Альварес отказались...

Надо было уходить отсюда.

Глядя на пирамиды, Андрей глубокомысленно процитировал:

— «В сухой пустыне, на движущемся песке для жаждущего все равно: будет ли во рту его жемчуг или раковина...»

— Как вы сказали? — оживился Альварес.

Андрей повторил и добавил:

— Это Саади. Был такой превосходный поэт у нас в Средней Азии в давние времена.

— О, Саади, конечно... Мудрый человек, и он

прав. Нам надо поскорее уносить отсюда ноги, как это ни обидно. А то мы рискуем умереть с голоду, любуясь на эти древние памятники, которые, к сожалению, несъедобны. А тогда они, пожалуй, еще надолго останутся неизвестными человечеству...

Утром они покинули затерянный город. И Альварес и Андрей шли медленно и все оглядывались назад, словно опасаясь, что развалины среди зарослей вдруг исчезнут, сгинут, будто колдовское наваждение, затеряются навсегда, и они уже никогда больше не найдут к ним дороги...

Только Джонни шагал, не оглядываясь и высматривая среди листвы какую-нибудь дичь, и его широкое, скуластое лицо древнего жреца не выражало решительно никаких эмоций.

Лесной плен

О последующих днях блужданий в лесу у Андрея остались какие-то смутные, обрывочные воспоминания. И неужели это продолжалось только шестнадцать дней, а не целую вечность?

Опять они шли и, меняясь с Альваресом, все рубили, рубили, превратившись в какие-то автоматы. Откуда у них брались силы — непонятно.

Питались они впроголодь и чем попало. Приходилось беречь быстро таявшие патроны. Джонни теперь охотился на игуан по первобытному индейскому способу, подкрадываясь к ним с заостренной палкой вместо копья. Бить надо было метко, потому что раненые игуаны отчаянно сопротивлялись и могли сильно исцарапать своими острыми когтями. А каждая ранка

в этом насыщенном влагой и всяческой живностью воздухе грозила заражением. Но и одной рукой Джонни поражал цель без промаха.

Никто уже не отказывался и от жареной обезьяны, только подстрелить их, прячущихся в густой листве высоко над головой, было нелегко.

Сильно хотелось пить. Вечерние привалы обычно устраивали возле какой-нибудь лужицы, и Андрей скрепя сердце разрешал набрать из нее мутной воды, кишмя кишевшей всякой микроскопической живностью, и хорошенько ее вскипятить.

Безопаснее было выжимать воду из растений. Особенно сочными оказались толстые стебли некоторых лиан, похожие на живые канаты. Из двухметрового куска такой лианы удавалось выжать до полстакана чуть кисловатой жидкости.

Теперь Великий Лес предстал перед Андреем в своем настоящем обличье. Он был не просто враждебной стихией, ставившей человеку преграды на каждом шагу. Он жаждал непременно погубить, уничтожить каждого, кто дерзнет вторгнуться в его вечный полумрак.

Сделаешь шаг — лиана преграждает путь. Шаг в сторону — и попадаешь в густые папоротники, приходится продирааться сквозь них, рискуя набрать клещей. На следующем шагу вынужден прыгать через упавший ствол с опасностью подвернуть ногу — и натыкаешься на преграду из колючих шипов. Повсюду природа расставила тысячи потаенных ловушек.

Лес отрезал их от всего мира своим зеленым пологом. И если бы даже начали их искать, то никто не заметил бы блуждающих в лесу путников с самолета. И они не смогли бы подать никаких вестей о себе. Любые сигналы бедствия заглохнут в густой листве.

Если раньше Андрей дивился и восхищался вакханалией жизни, царившей в джунглях, то теперь он понял: тут шла вечная борьба не на живот, а на смерть. И смерть властвовала здесь наравне с жизнью. Она таилась за любым кустом и подстерегала их на каждом шагу. Она могла явиться в любом обличье: в укусе змеи, затаившейся где-нибудь на вет-

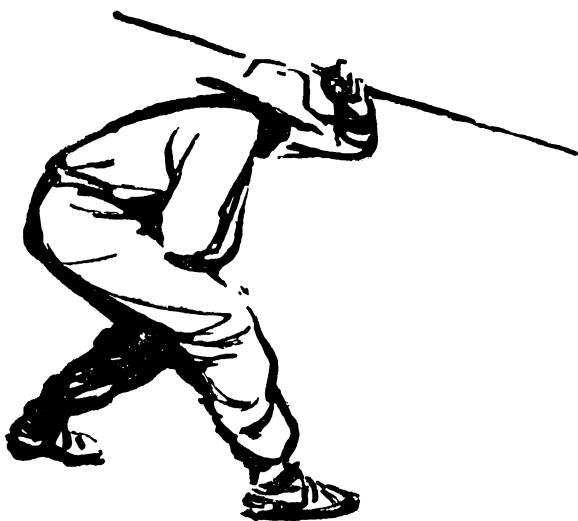
ке, в непрестанном гудении комаров и москитов, тучами вившихся вокруг людей и норотивших проникнуть в каждую щелочку, чтобы заразить их малярией или тропической лихорадкой. Даже укус какого-нибудь крошечного муравья мог оказаться смертельным.

И все это потихоньку, крадучись, исподтишка...

Вечерами начинали бесшумно порхать летучие мыши. Некоторые были такими крохотными, что питались нектаром, вытягивая его через свои длинные хоботки из чашечек цветков. Но гигантские вампиры с размахом крыльев чуть ли не в метр свободно могли за ночь высосать всю кровь у спящего человека. Даже не почувствуешь легкого укуса, провалившись в тяжелый сон от усталости. В слюне этих вампиров есть особое вещество, не дающее крови свертываться. К тому же они разносят вирусы бешенства.

Обычных хищников они не встречали. Лишь раз где-то вдалеке очень мелодично и приятно промурлыкала пума да однажды наткнулись на свежие следы ягуара.

Змеи попадались каждый день. Но от них надеж-

но защищали уже порядком поистрепавшиеся ботинки с высокой шнуровкой.

Гораздо опаснее и надоедливее были комары и москиты. Крошечная пиуме забиралась даже под защитную сетку, и от укуса ее немедленно вздувался громадный волдырь, наполненный черной кровью. А укус черной йенни, как ее называл Джонни, в точности напоминал ожог...

Джунгли старались не только физически уничтожить человека. Они коварно действовали и на психику. Андрей замечал, что с каждым днем как-то тупеет. Им овладевала странная апатия. Чувства его обострились, он моментально реагировал на малейший шорох в кустах или в листве над головой. Но мозг словно дремал.

Мысли текли лениво и стали какими-то примитивными: «Вот желтые плоды, забыл, как они называются... Обезьяны любят эти плоды... Неплохо бы устроить тут засаду и подождать, может, удастся подстрелить обезьяну»...

— Признаюсь вам по секрету, я все-таки временами горжусь, что во мне течет та же испанская кровь, что и у Эрнандо Кортеса, — вдруг неожиданно заявил однажды Альварес, ваясь на траву от усталости во время короткого привала. — Конечно, то, что творили конкистадоры, — форменная подлость, другого слова не подберешь. Но если отвлечься от моральных оценок... Ведь Кортес с горсточкой плохо вооруженных авантюристов за короткий срок не только завоевал два могущественных государства — ацтеков и майя. Он совершил и другое, с моей точки зрения, еще более поразительное по дерзости...

— Гватемальский поход? — догадался Андрей.

— Конечно! Прошел напрямую через весь этот лес от Мексики до Гондураса. Ни горы, ни дикие леса, ни реки, ни болота, ни мошкара, ни голод, ни смерть большей части солдат — ничто не могло его остановить. Прошел вот здесь, где мы теперь блуждаем, — да еще с целой свитой пажей, придворных шутов, жонглеров, акробатов... Не зная ни языка, ни страны, без карт и компаса! Черт его знает, просто так, напролом.

— Но ведь вы же сами говорили, что эти края тогда не были такими дикими, как сейчас...

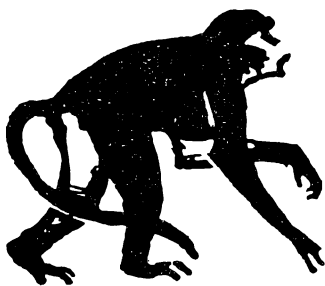
— Вот эти мысли и не дают мне покоя, — задумчиво сказал Альварес. — В самом деле, Кортесу все время приходилось пробиваться тут с боем или хитрить. Значит, страна оставалась густонаселенной, хотя города по всем признакам и покинули жители задолго до прихода Кортеса. Почему же они все-таки не возвращались обратно в покинутые города? Может, в самом деле, просто нас сбивает с толку, гипнотизирует нынешняя пустынность этих мест?

«А может, и возвращались, только не строили новых зданий. Хотя и такое поведение тоже не очень понятно», — подумал Андрей, но промолчал. У него уже не оставалось сил для научных дискуссий.

Андрея беспокоило состояние Альвареса. Профессор все еще жаловался на головные боли — уж не получил ли он при аварии сотрясение мозга? Надо было бы сменить повязку у него на голове, но бинты давно кончились.

Как чувствует себя Джонни, невозможно было понять. Он ни на что не жаловался. Это был, пожалуй, как раз тот случай, когда стоицизм и выносливость превращались уже в по-меху.

За время странствий в лесу они как-то сблизились с этим странным «летучим авантюристом» с лицом древнего жреца и кличкой героя комиксов. Джонни скуп и от-

рывочно рассказывал о себе, но даже из этих скупых слов вырисовывалась, хоть и смутно, весьма пестрая биография: во время войны он служил в американской армии и даже получил какую-то медаль за храбрость. Потом искал золото и алмазы где-то в Венесуэле — тоже на самолете. Конечно, промышлял при случае и контрабандой...

Лес он знал отлично, без него они бы наверняка пропали в дебрях.

Какое же надо иметь мужество, думал Андрей, чтобы одному — и без малейшей надежды, что кто-нибудь станет тебя искать и спасать, летать над этим безбрежным лесным океаном, садиться на совершенно неподходящих для этого лесных болотистых лужайках и снова взлетать, рискуя в любой момент врезаться в стену деревьев или зацепиться за вершину какого-нибудь лесного гиганта, поднявшегося чуть повыше, чем ты рассчитал!

На одиннадцатый день вечером, когда они, голодные и ослабевшие так, что не оставалось даже сил развесить на ночь гамаки, свалились у подножия высоченного махагониевого дерева, Альварес хриплым голосом задал вслух вопрос, давно вертевшийся у Андрея на языке:

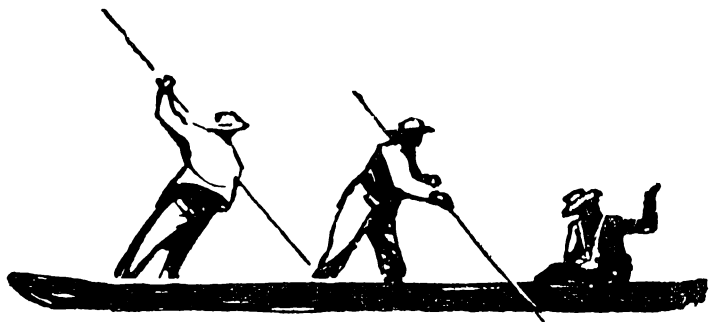
— Где же эта проклятая река? А, Джонни? Мы не сбились с дороги?

Джонни покачал головой. Но, видимо, и сам начал тревожиться, потому что на следующее утро предложил идти немного западнее, чем прежде.

Они прорубались сквозь чащу еще день, другой, третий...

— *Arrriba! Vamonos!* — устало подгонял их Альварес.

А долгожданной реки все не было.

Только позже они узнали, что действительно заблудились в зеленом сумрачном океане джунглей. Двигаясь в этом направлении, они вышли бы к реке, но не раньше чем через месяц и гораздо выше по течению, чем предполагали. Вряд ли у них хватило бы на это сил...

Два последних дня им не удавалось ничего подстрелить. Питались плодами каких-то лиан из породы фиговых деревьев, местные жители, как сказал Джонни, называли их просто «душителями». Ноги, избитые и стертые в кровь, отказывались повиноваться. И тут Андрей, пожалуй, впервые достаточно отчетливо понял, что и в тропическом лесу можно, оказывается, погибнуть от голода и жажды точно так же, как и среди песков пустыни.

Их спасло совершенно неожиданное и бесшумное появление человеческого существа.

Как-то, после трудного отрезка пути, они присели отдохнуть и сидели молча, не будучи в силах даже разговаривать. Внезапно кусты раздвинулись, и на поляну вышел босоногий человек в темной длинной рубашке из грубой ткани — худенький, щуплый, низкорослый, с непокрытой черноволосой головой.

Андрею показалось в первый миг, что это женщина: длинные волосы, безбородое желтовато-бледное лицо с крупными капельками пота. Но это был муж-

чина. Низким хриловатым голосом он произнес какую-то непонятную фразу на незнакомом языке.

Джонни тут же ответил ему, и они закивали друг другу.

— Лакандон? — встрепнулся Альварес.

— Лакандон, лакандон, — охотно подтвердил незнакомец.

Андрей смотрел на него во все глаза.

У индейца не было в руках никакого оружия. Казалось, он просто вышел прогуляться из дома, который прячется в кустах где-то совсем рядом. Но Джонни, заведший с ним оживленный разговор, сказал, что до селения лакандонов, оказывается, день пути.

— А до реки? Спроси его, далеко ли до реки? — сказал летчику профессор.

— Два дня пути.

— В каком направлении?

Джонни неохотно махнул рукой — совсем в другую сторону, чем они шли.

Альварес побагровел, запыхтел, но, не найдя подходящих выражений, только махнул рукой.

Охотник — его звали Бару — уступил им свою добычу: двух обезьян и крупную игуану. Трудно было поверить, что подстрелил их он из примитивного лука со стрелами из кремневых наконечников, острыми как бритва. Лук этот Бару, оказывается, пока оставил в кустах и нарочно вышел с пустыми руками,

чтобы убедить путников в своих мирных намерениях.

— Он что — тебя знает? — спросил летчика профессор. — Не побоялся выйти к незнакомым, охотно разговаривает. Не похоже это на лакандонов. Или ты встречался с ним раньше?

— Меня все тут знают, — с забавной гордостью ответил Джонни.

— Откуда? — допытывался профессор.

— Я тут все облетал.

— Ну и что? Ты в небе, а они — в лесу.

— Я и сажусь, где вздумаю, вы же знаете.

— И они не сожгли твою тарыхтелку? Странно...

— Я им помогал, — неохотно ответил Джонни. —

Возил продукты.

— А, которые собрал Блом, — догадался профессор. — Так это ты и узнал, что они попали в беду?

— Ну да.

— Оказывается, это наш Джонни сообщил о тех лакандонах, что чуть не погибли с голоду из-за нескольких неурожаев, — пояснил Альварес Андрею. — О них я вам как-то рассказывал. И возил им в лес продукты, купленные на пожертвования доброхотов. Не удивительно, что теперь все лакандоны, наверное, поклоняются тебе, как живому крылатому божеству, а, Бэтмен? С таким приятелем, как ты, они даже, пожалуй, пустят нас и в свое селение.

Посетить селение лакандонов казалось очень заманчивым. Но сейчас им было не до того. День они отдыхали и отъедались, а потом охотник проводил их к реке. С ним они двигались гораздо увереннее и быстрее и уже не голодали. Бару всегда успевал подстрелить какую-нибудь живность из своего примитивного лука. Стрелы он берег. И, промахнувшись, не успокаивался до тех пор, пока не отыскивал стрелу в зарослях кустарника.

Джонни хорошо знал лес, но с Бару его даже и сравнивать было смешно. Охотник шел сквозь заросли совершенно уверенно, глядя себе под ноги или просто куда-то в пространство перед собой. Казалось, он ничем не интересовался вокруг. Но моментально замечал малейшее движение даже позади себя.

Это можно было бы принять за таинственное «чувство леса». Но, понаблюдав за Бару, Андрей понял, что просто у него вошедшая с детства в привычку мгновенная реакция на любое движение. Именно движение выдавало в этом лесу опасность. А все остальное: звуки, цвета, формы — оставлялось охотником без внимания.

В кустах на берегу Усумасинты у охотника была спрятана лодка, выдолбленная из толстого древесного ствола. Он уступил ее путешественникам — явно только ради Джонни. Ведь скольких трудов стоило сделать такой челнок, пользуясь лишь примитивными орудиями. Так что плот строить не пришлось. А Джонни подарил индейцу мачете, хотя лишаться его, даже благополучно выбравшись из зарослей и очутившись в лодке, было рискованно. Этот подарок очень обрадовал охотника.

Прощавшись со своим спасителем, они оттолкнулись от берега, и Усумасинта понесла их к выходу из лесного плена.

Два дня они гребли длинными веслами, изнывая под неистовым солнцем, от которого некуда было спрятаться посреди реки. А на третий день им снова повезло: повстречали катер, развозивший продукты по прибрежным поселкам лесорубов, и он благополучно доставил их в Теносике.

В недрах пирамиды

И вот Андрей Буланов опять стоит на пороге древнего храма на вершине пирамиды, а вокруг — зачарованный город. Все тревоги позади: он не исчез, не затерялся, никто не нарушал без них его мертвый покой. Пирамиды целы!

Позади и долгая утомительная дорога и томление

в Теносике, где они ожидали, пока поправится Джонни.

Альварес решил помочь Джонни вызволить самолет из лесного плена. Он дал денег, и Джонни через своих вездесущих приятелей раздобыл где-то новый пропеллер и все необходимые материалы для починки поломанного шасси. Он уверял, что уже поправился совсем, для наглядности не очень ловко помахивая освобожденной от повязок рукой. Спорить с ним было совершенно безнадежным занятием.

У Альвареса же рана в самом деле зажила, остался только глубокий шрам над бровью, придававший его круглому лицу еще более разбойничье выражение, совсем неподходящее для почтенного профессора, исследователя древних культур.

Когда добрались, наконец, до затерянного города, профессор сначала отправил всех рабочих к месту аварии, чтобы они помогли Джонни и теперь всюду сопровождавшему его, словно тень, верному молчаливому Чако расчистить площадку для взлета.

Джонни пытался возражать, но потом крепко пожал Альваресу руку и с непривычной для него порывистостью сказал:

— Спасибо! Я этого не забуду. И не задержу их долго.

И вот рабочие вернулись и готовы начать расчистку пола в храме на вершине самой высокой из трех пирамид.

— Начинайте! — приказывает Альварес.

В свете дымящих факелов сверкают лопаты. Вырастает свежий холмик земли, выброшенной из храма.

Пол постепенно обнажается. Но как медленно, медленно...

И пол сплошной! Он не из каменных плит, а весь покрыт толстым слоем штукатурки. Никаких швов.

Профессор переглядывается со своим помощником, и Андреем все больше овладевает новая тревога.

Альварес выстукивает пол в разных местах, прислушивается, качает головой.

Расчищают вторую комнату, третью...

Везде пол сплошной, без малейших признаков каких-нибудь плит или швов.

— Что поделаешь, чатасо, — виновато говорит Альварес. — Кажется, в этой пирамиде нет никаких внутренних помещений. Посмотрим другую.

Но только третья, последняя пирамида оправдала надежды археологов.

Андрей уже совсем отчаялся, когда начинали расчищать маленький, невзрачный храм на ее оплывшей вершине. И вдруг чья-то лопата глухо звякнула, наткнувшись на камень...

— Осторожней! — крикнул Альварес.

Выхватив у ближайшего рабочего лопату, он сам начал расчищать землю.

Каменные монолитные плиты. Никаких трещин.

Ползая по полу на коленях, Альварес бормотал:

— Все швы тщательно заделаны... Дьявол, не взрывать же их! Ага, а для чего эти дырки с пробками?

Он в задумчивости уставился на центральную плиту, по краям которой было пробито по три пары небольших отверстий, плотно заткнутых каменными пробками.

— Они могут иметь какое-то ритуальное значение, — сказал Франко. — Скажем, служили символическими входами в подземный мир.

— Возможно, — задумчиво протянул Альварес. — Ты у меня помощник толковый, и фантазия у тебя богатая. А гадать и строить всякие догадки, одна интереснее другой, можно ведь без конца. К сожалению, эта игра не приближает нас к истине. С таким же успехом можно предполагать, что эти загадочные дырки имеют какое-нибудь астрономическое значение, верно?

Он постучал по каменной плите молотком и, склонив голову, прислушался. Потом пожал плечами и, сидя на корточках, начал в задумчивости озираться вокруг.

— Ладно, не станем ломать головы над каждой загадкой. Я подозреваю, что их встретится еще не-

мало впереди, — решительно поднялся он. — Будем выковыривать эти пробки. Дайте мне лом.

— Пойдите! — остановил его Андрей. — Я должен подготовиться.

— Вы?

— Конечно. Надо будет сейчас же закрыть отверстия стерильной крышкой, чтобы не могли проникнуть в гробницу современные микроорганизмы.

Альварес посмотрел на Франко и проворчал:

— Я чувствую, нас заставят вести раскопки в белых халатах, — но, опершись на лом, покорно ждал, пока Андрей подготовит свои стерильные материалы.

— Можно начинать? — спросил он.

Андрей кивнул.

Альварес орудовал ломиком очень осторожно, сдерживая свою медвежью силу. Вот пробка подалась...

Профессор вынул ее, и Андрей тут же плотно закрыл отверстие новой, стерильной пробкой.

Профессор сам вынул одну за другой все каменные пробки. Одна из них раскололась под его ломиком. Альварес выругался.

— Кто-то тут уже ковырялся, что ли? Ну, теперь давайте попробуем поднять плиту, — сказал он, вытирая раскрасневшееся лицо. — Мне думается, дырки именно для этого и сделаны древними строителями.

— Вы собираетесь поднимать плиту? — встревожился Андрей. — Прямо сейчас?

— А чего медлить?

— А вдруг там окажется гробница?

— Чудесно! Вы же именно об этом мечтали.

— Но ведь надо подготовиться...

— Опять подготовиться! Как именно? Нам в самом деле надевать белые халаты?

— Пока не надо. Мы же с вами вместе разработали точный план. Я войду один, вы сразу закроете за мной вход вот этой стерильной пластиковой крышкой, чтобы преградить дорогу в гробницу современным микроорганизмам. Пусть часть их и успеет

прорваться, не страшно. Они осядут на стенки в самой верхней части колодца...

— Ладно, ладно, валяйте, — нетерпеливо прервал его профессор.

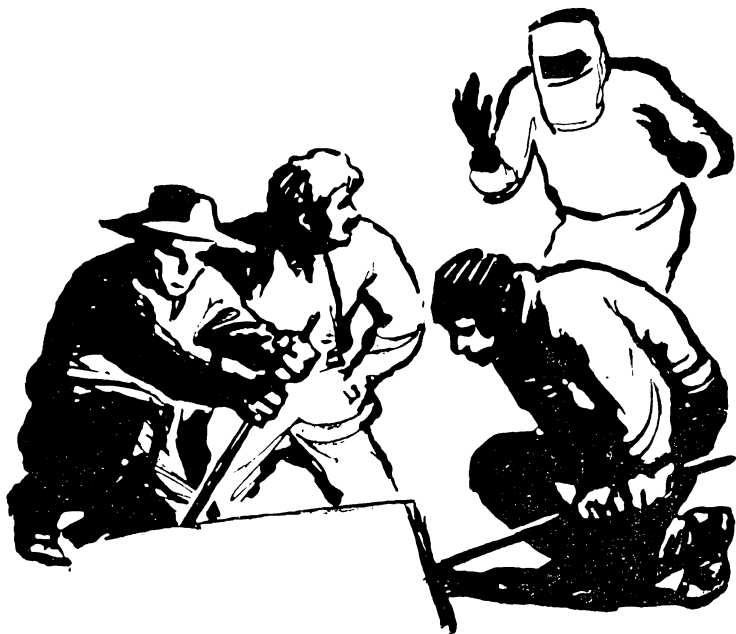
Андрей не только не обижался, но просто не обращал внимания на его порой резковатые окрики. Он уже привык к буйному темпераменту профессора.

Не спеша, он тщательно облачился в стерильно-чистый халат, прикрыл рот и подбородок защитной марлевой повязкой, надел белую шапочку, резиновые перчатки, на ботинки натянул специальные матерчатые чехлы.

К поясу, чтобы руки были свободны, он прикрепил сумку с пробирками и пинцетами. Разумеется, все это тоже было тщательно стерилизовано.

Альварес только качал головой.

— Это выглядит так устрашающе, что теперь

я, пожалуй, побоюсь забираться в гробницы — а, Франко? А мы-то привыкли работать без особых затей: поднял крышку — и полезай себе в подземелье. Вы же снаряжаетесь так, будто вас там какой-то чудовищный дракон поджидает, — шутил он, чтобы дать разрядку своему нетерпению. — Черт возьми, мне становится страшно! Хорошо хоть, что майя не устраивали еще в своих гробницах никаких опасных ловушек для грабителей по примеру древних египтян...

Настал торжественный момент. Альварес сам воткнул лом в одно из отверстий по краям плиты и навалился на него всем своим массивным телом. Его примеру последовали рабочие.

Плита медленно, словно нехотя, сдвинулась и начала приподниматься.

Андрей не сводил с нее глаз.

Стоя с растопыренными пальцами, он напоминал теперь хирурга, приготовившегося к операции. Но вокруг был дикий тропический лес, а вместо больного перед ним находилась древняя гробница...

Плита, веками закрывавшая вход в нее, поднималась все выше. Уже образовалась такая щель, что под плиту можно стало подсунуть бревна, используя их вместо рычагов. Работа пошла быстрее.

— Черт, вы рано оделись, — пробормотал вдруг Альварес, присев на корточки и нетерпеливо заглядывая в щель. — Боюсь, что там еще одна плита.

В самом деле, под верхней плитой оказалась еще одна, немного меньшего размера и слегка изогнутой формы. Один из ее концов был почему-то сделан в виде рыбьего хвоста.

Огорченному задержкой Андрею некогда было рассматривать ее. Он думал сейчас об одном: удастся ли поднять эту плиту? Не замурована ли она наглухо?

Нет, и у этой плиты по два овальных отверстия на концах, значит, ее можно поднять, не взламывая. У Андрея отлегло от сердца.

Работать в тесном колодце было труднее. Но вто-

рая плита оказалась значительно легче, и ее подняли быстро.

Однако непредвиденные препятствия возникали почти на каждом шагу. Ход в недра пирамиды оказался сложным и запутанным.

Когда поднимали вторую плиту, наткнулись на преграду из крупного щебня. Рабочие начали выгребать камни.

Оказалось, что и это еще вовсе не погребальная камера. Расчистился узкий ход к лестнице, сделанной из каменных плит, облицованных штукатуркой. Через сводчатый туннель она вела куда-то вниз, в таинственные недра пирамиды.

— Ну, давайте, — сказал Альварес, грубовато подтолкнув Андрея.

Конечно, ему хотелось самому первым проникнуть в таинственную гробницу. Андрей отлично понимал его, но некогда было давать волю чувствам. Придерживая полы халата и нащупывая ногами ступеньки, Андрей начал осторожно спускаться по лестнице. Держаться за стенки руками в стерильных перчатках он боялся.

Вход за ним закрыли пластиковой крышкой, и он очутился в кромешной темноте. Пришлось зажечь электрический фонарик.

Но лестница вскоре кончилась, и луч фонарика уперся в новую преграду. Весь проход от пола до самого потолка был перегороден стеной из крупных камней, скрепленных между собой известковым раствором!

Рабочие начали разбивать ее. А Буланову пришлось выбираться на поверхность и менять свой запачканный костюм на новое стерильное облачение...

Когда стенка уже начала подаваться под ударами рабочих, Альварес, сердито пыхтя, также натянул на себя стерильный халат, белую шапочку, марлевую маску, взял в руки ломик и сам полез пробивать отверстие.

В это отверстие с трудом протиснулся Андрей,

и профессор поспешно закрыл за ним пролом стерильной крышкой.

Андрей зажег фонарик — и окаменел.

Прямо перед ним в неглубоком каменном ящике без крышки лежали четыре человеческих скелета!

Если бы он сделал в темноте хоть один шаг, то так бы и свалился к ним в этот ящик...

Рассматривать скелеты было некогда. Андрей начал поскорее брать пинцетами пробы из разных уголков этой странной общей могилы: щепочки, комочки пыли. Запратав каждую пробу в отдельную пробирку, он убирал испачканный пинцет в сумку и доставал новый, чистый.

Он работал лихорадочно, обливаясь потом в духоте гробницы и прислушиваясь, как за стенкой нетерпеливо сопит и вздыхает истомившийся Альварес. Надо успеть взять пробы, пока древние микроорганизмы не смешаются с теми, которые наверняка уже проникли вместе с ним в камеру. Но работа шла медленно.

— Скоро вы? — глухо окликнул его профессор из-за пластиковой крышки.

— Сейчас.

Андрей еще раз огляделся. Кажется, все. Взято десять проб из всех уголков могилы. Какое странное все-таки захоронение — четыре скелета в одной гробнице... И почему она без крышки?

Ладно, пусть Альварес в этом разбирается.

— Снимайте крышку! Можете заходить! — крикнул Андрей.

В открывшемся отверстии тут же появилась голова профессора в съехавшей набок недавно еще белой шапочке.

— Ну?

— Четыре скелета...

— Четыре?! Вылезайте, я сам посмотрю.

— Сейчас. Подержите пробирки, чтобы я не разбил. Только осторожнее!

— Это вся ваша добыча? Не густо.

Альварес полез в гробницу, а Буланов поспешил

наверх, чтобы поскорее тщательно упаковать бесценные пробирки с заветными пробами.

Закончив эту сложную операцию, он вернулся в гробницу. Пролом в стенке был уже широко расчищен. Альварес со своим помощником хлопотали вокруг каменной могилы, ярко освещенной несколькими фонариками: фотографировали, зарисовывали, чертили схемы.

— Вы рано разделись! — крикнул Альварес, увидев Андрея. — И пробирки свои зря убрали.

— Почему?

— Это не главная гробница. Должна быть другая, глубже. Этих четверых знатных юношей просто принесли в жертву богам. Но пирамиду строили, конечно, не для них. Их убили на пороге главной гробницы, а она — ниже, в самой толще пирамиды. Видите в углу замурованное отверстие? Оно ведет в другой коридор. Будем его вскрывать, как только тут все закончим.

«Час от часу не легче», — подумал Андрей.

Альварес был прав. Когда, опять со всеми предосторожностями, вынули камень, закрывавший боковой ход в углу, открылось черное зияющее отверстие... Из него тянуло сыростью.

Андрей, снова облачившийся в свои стерильные одежды, полез в эту дыру.

— Ступеньки есть? — спросил Альварес.

— Кажется, нет. Не могу нащупать.

— Подождите, мы вас обяжем веревкой за пояс и станем потихоньку спускать...

— А стерильность?

Альварес, кажется, выругался, но Андрей уже не расслышал, потому что, разжав руки, провалился в каменный колодец.

Хорошо, что он оказался неглубоким — всего метра два с половиной — и узким. Андрей как бы съехал по его шершавым каменным стенкам, порвав, кажется, на левом плече халат, но не ушибся.

— Вы живы? — крикнул сверху Альварес.

— Жив. Закрывайте скорее крышку.

Полная тьма. Андрей зажег фонарик. Опять неровные ступеньки ведут куда-то вниз.

Снова стена впереди?! Нет, просто поворот лестницы.

А вот и погребальная камера. Она большая, сводчатая, без всяких украшений. На полу расставлены какие-то глиняные горшки, как бы их не побить ненароком...

А в центре комнаты плоский саркофаг с каменной крышкой...

«Подожду ее открывать, — решил Андрей. — Сначала возьму несколько проб с пола камеры».

Меняя пинцеты и пробирки, он взял шесть проб из разных мест: там подобрал какую-то щепочку, здесь просто комочек земли.

В углу вдруг что-то сверкнуло, словно свет фонарика отразился в зрачках притаившегося зверя...

Нет, это просто рассыпаны нефритовые бусинки. Одну из них Андрей подцепил пинцетом и тоже сунул в пробирку.

В плотно закупоренной каменной коробке стало душно и жарко. Андрей обливался потом, но стирать его с лица боялся.

Теперь можно поднимать крышку саркофага. Для этого у Андрея был небольшой ломик, тоже, конечно, тщательно очищенный и запеленатый в стерильный чехол.

Андрей развернул его и осторожно поддел концом лома крышку саркофага...

Она оказалась тяжелой. Пришлось навалиться на лом всем телом, тогда только крышка, наконец, подалась и начала приподниматься.

Андрей сдвинул ее немного в сторону и наклонился, чтобы заглянуть в образовавшуюся щель...

Раздался громкий треск, звон стекла — и все погрузилось в кромешную тьму.

Он боялся пошевелиться и не мог понять, что случилось. Похоже, какой-то взрыв. Но почему стало темно?

Не сразу до него дошло, что это взорва-

лась отчего-то лампа фонарика у него в руках, разлетевшись по камере на тысячи мельчайших осколков.

«Вот тебе и никаких ловушек», — попытался усмехнуться Андрей.

Он боялся пошевелиться, чтобы не задеть ненароком в темноте крышку саркофага. Она тяжелая, прищемит еще руку или обрушится в саркофаг, все ломает. И эти глиняные горшки кругом...

Разумнее всего, конечно, поскорее выбираться отсюда.

Не закончив работу?

Нет, так не годится.

Он ощупал края крышки и попытался подсунуть под нее ломик. Все приходилось делать ощупью, как слепому, и осторожно, чтобы не порвать перчатки и не поранить себе руки, ведь тогда его кровь запачкает стерильные материалы и опыт будет безнадежно испорчен.

Проклятый ломик все срывался. Только с третьей попытки удалось загнать его под крышку. Теперь она уже не упадет и не придавит пальцы.

Просовывая руку с пинцетом в образовавшуюся узкую щель, Андрей взял четыре пробы из разных уголков гробницы. Больше шарить в ней в темноте наугад он не рисковал, боясь повредить скелет. Надо было посчитаться и с интересами профессора Альвареса.

Как теперь выбраться из гробницы, не свалившись куда-нибудь в темноте и не разбив драгоценных пробирок?

Андрей пошел вдоль стенки, придерживая рукой полы халата, чтобы не зацепить и не побить проклятые горшки. Несколько раз споткнулся обо что-то, но благополучно добрался до колодца, мысленно благодаря строителей пирамиды за то, что они в самом деле не снабдили ее никакими хитроумными ловушками по примеру древних египтян.

Все. Колодец.

Тут он крикнул; пластиковую крышку подняли, спустили веревку и вытащили его навверх.

— Что вы опять так долго копались? — проворчал истомившийся профессор.

Андрей рассказал о своих злоключениях.

— Но скелет вы не повредили? — насторожился Альварес.

— Надеюсь, нет.

Профессор покачал головой и, поспешно обвязавшись веревкой, полез в колодец.

— Возьмите на всякий случай два фонарика! — крикнул ему Андрей.

Опять он долго и тщательно упаковывал свою добычу. А потом поспешил к пирамиде, все больше тревожась: «Уж не повредил ли я там в самом деле чего в темноте?..»

Светопреставление

В погребальной камере уже было все прибрано, расчищено. Горшки, оказавшиеся очень красивыми глиняными вазами с цветной росписью, аккуратно выстроились вдоль стен.

Рабочие начали поднимать плоскую, без всяких украшений крышку саркофага.

— Почему на ней никаких дат? — пробормотал Альварес.

В саркофаге покоился скелет, сплошь усыпанный нефритовыми бусинками. Они так и засверкали, весело заискрились в свете фонарей.

Археологи, не мешкая, принялись за работу: фотографировать, размечать место раскопок веревочками на квадраты, чертить схемы. Все делалось в строгой, раз и навсегда установленной последовательности. Они работали молча, только изредка обмениваясь короткими замечаниями, с привычной точностью, все больше восхищавшей Андрея.

Измерили величину скелета.

— Сто семьдесят сантиметров, — задумчиво про-

бормотал Альварес. — Для майя довольно рослый мужчина. И уже пожилой, судя по суставам, а?

— Пожалуй, — согласился Андрей. — А кто он — жрец или правитель?

— Может, найдем позднее визитную карточку. А пока гадать не будем. Что ты там копаешься, Франко?

— Зубы у него окрашены в красный цвет, — ответил помощник.

— Ну-ка, ну-ка, — отодвинул его в сторону профессор. — Посветите-ка мне получше. Странно. Окрашены, но не инкрустированы и не подпилены против обыкновения. Довольно необычно для взрослого мужчины, да еще занимающего высокий пост...

Археологи приступили к разборке украшений. Каждую бусинку надо было осторожно перенести на чистый лист бумаги и записать, где именно она лежала.

Андрей не стал им мешать и вышел на свежий воздух.

К вечеру Альварес так устал, что без сил повалился на траву возле костра и есть даже ничего не мог, только пил крепчайший кофе чашку за чашкой.

— Вы не уснете, — пытался остановить его Андрей.

Но Альварес только отмахнулся.

Немного придя в себя, он спросил:

— Ну, а ваша как добыча? Довольны?

Андрей развел руками, невольно посмотрев туда, где в самом надежном месте, под навесом, покоились тщательно упакованные и обернутые в несколько слоев непромокаемой пленки пробирки с образцами.

Альварес перехватил его взгляд и понимающе усмехнулся.

— Долго придется ждать результатов?

— Месяца два-три.

Профессор покачал головой и вздохнул.

— Слышал, Франко?

— Да, вам полечче, — тоже вздохнул Андрей. — Уже, наверное, многое ясно. Интересные находки?

— Находки, конечно, любопытные, гробница да еще с жертвенным захоронением. И такая отличная керамика! Но и мне нужно время, чтобы как следует разобраться. Кое-что озадачивает...

— Что?..

— Да всякие непонятные мелочи, трудно их даже объяснить неспециалисту. Простите меня, мой друг, но при всем моем уважении к вам, я все-таки, согласитесь, не могу считать вас знатоком археологии...

— Конечно, конечно, я профан.

— Вот эти зубы. Почему они не украшены инкрустациями и не подпилены, как было обычно принято у древних майя при похоронах знатных людей?

— Может, этого жреца хоронили в спешке?

— Возможно, — кивнул Альварес и погрозил Андрею пальцем. — Я вижу, куда вы гнете! «В спешке — значит, возможно, была эпидемия, некогда хоронить даже знатных людей по всем правилам ритуала». Так ведь? Искушают подобные мыслишки?

— Искушают, — признался Андрей.

Франко тихонько засмеялся.

— Вот это-то и плохо! Плохо, когда начинаешь рассматривать факты под заранее определенным узким углом какой-то излюбленной теории. Надо смотреть на них без всякой предвзятости, а то можно многого не заметить, самое важное упустить. Есть такие факты, что допускают несколько толкований, — и если заранее выберешь одно, более подходящее для своей гипотезы, то остальные невольно начнут казаться сомнительными, не стоящими внимания. Ты слушай нас, Франко, — вдруг повернулся он к помощнику. — Есть за тобой такой грех.

— Я слушаю, профессор.

— Так что каждую гипотезу надо испытать на прочность, искать во вновь обнаруженных фактах то, что ее может опровергнуть, а не подтвердить. И если при всем желании опровергнуть свою гипотезу не удастся, тем лучше для нее: значит, она ближе к истине.

Он помолчал, глядя в огонь, потом добавил, слов-

но забыв обо всех окружающих и беседуя сам с собой:

— На саркофаге никакой даты... Орнамент на вазах говорит о несомненном тольтекском влиянии. Хм...

— Может, гробница поздняя? — насторожился Андрей.

— Нет, пирамида древняя. Седьмого века, не моложе.

— Значит, опять признаки чужеземного вторжения?

— Вот видите, как вы сразу... Налетаете, будто с ножом к горлу: да или нет, — усмехнулся профессор. — Не станем спешить с выводами. Вы делайте свои анализы, а мы будем проверять и взвешивать каждую находку. Будем работать параллельно, но независимо. Так лучше для выяснения истины. А пока — спать, завтра тоже будет много работы.

Да, работы археологам предстояло немало. Надо было не только закончить разборку всех находок, но и тщательно осмотреть, описать и сфотографировать все лестницы и коридоры, устроенные в толще пирамиды. Раньше археологи ограничились лишь самым беглым их осмотром, чтобы дать Андрею возможность поскорее проникнуть в погребальную камеру и взять там анализы, пока в гробницу не забрались вездесущие современные микробы.

Вещи, найденные в камере возле саркофага, были все мелкие. Их разборка и описание оказались делом весьма тонким и кропотливым и требовали много времени.

В расписных вазах лежали драгоценные украшения из жемчуга и нефрита. В одной из них археологи нашли странные маленькие косточки с резными изображениями: в лодке сидят смеющаяся игуана и собака. А вот попугай беседует с богом солнца...

В другой вазе нашли два маленьких золотых диска. На одном была изображена боевая схватка, на другом — сцена жертвоприношения, к сожалению, попорченная.

Альварес сразу насторожился:

— Золото... И работа слишком тонкая, явно позднего происхождения...

— А эти сражающиеся воины очень похожи на тольтеков, — вставил Франко. — Вы не находите, профессор?

— Пожалуй, ты прав.

Альварес и Франко пропадали в камере целыми днями. Иногда Андрей помогал им. Но теперь у него были свои заботы. Снова и снова он проверял, хорошо ли упакованы пробы.

Ведь пробирки, стекло — долго ли их побить. И закупорка должна остаться совершенно герметичной, пока он не откроет их в лаборатории.

Что же он узнает тогда? Оживут ли древние микроорганизмы через столько веков?

Микробы — вероятно. Они живучи, особенно спорообразующие бактерии. Живые споры находят во льдах вечной мерзлоты. Они способны годами, если не веками, существовать даже в космическом пространстве и переноситься с планеты на планету.

Но вот вирусы... Мы ведь еще так мало знаем, если признаться честно, об этих мельчайших представителях живого, состоящих порой из одной-единственной молекулы. Даже не решили толком — существо это или вещество? Куда их отнести?

Вне чужого организма, вне живой клетки вирусы совершенно безобидны. Они не проявляют ни малейших признаков жизни: не питаются, не размножаются, не двигаются — ведут себя как мертвое вещество и могут стать даже кристаллами. Но, встретившись с чувствительной к ним клеткой, они вдруг преобразуются и становятся активными живыми существами. Теперь они способны изменяться и передавать свои свойства по наследству, могут двигаться и размножаться с чудовищной быстротой — пока не убьют эту клетку.

А затем вирусы опять вернуться в мир неживой природы — надолго ли?

К счастью для человека, многие болезнетворные

вирусы все-таки не могут вечно прятаться в своей коварной стадии неживого вещества. В конце концов, не встречаясь слишком долго с живой клеткой, они действительно погибают — уже окончательно и невоскресимо.

Но Андрею как раз и нужно их воскресить! Если в пробах есть в самом деле древние вирусы, удастся ли их обнаружить и исследовать? Большие надежды он возлагал на новый метод, недавно разработанный для этого у них в институте. Правда, на таких древних образцах его еще пока не проверяли...

Шел день за днем. Археологи все копались в гробнице, радостно сообщая Андрею о новых находках:

— Обнаружена чудесная каменная статуэтка!

— Нашли еще две морские раковины!

Однажды утром раздался шум мотора, и над затерянным городом стал кружить самолет. Иногда он становился виден в разрывах листвы.

Сначала все насторожились. Но самолет приветственно покачивал крыльями, и они поняли: Джонни починил свою «летающую этажерку» и благодарит их за помощь, улетая домой.

— Надо и нам заканчивать работу, а то вот-вот начнутся дожди, — озабоченно сказал Альварес.

— Да, — подтвердил старый Бенито. — Небо темнеет. И кости у меня ноют.

Выяснились любопытные особенности в устройстве гробницы. В одном из лестничных переходов, которые вели к погребальной камере, Франко обнаружил какую-то странную трубу — квадратную, облицованную небольшими каменными плитками. Она уходила в глубину пирамиды.

— Куда и зачем она ведет? — размышлял профессор. — Надо это непременно выяснить.

Но не успели...

Среди ночи Андрей вдруг проснулся от страшного грохота, под раскаты которого кто-то выплеснул на него целую бочку холодной воды. Спросонья он барахтался в намокшем и облепившем его гамаке и не

мог понять, что случилось и отчего моментами все вокруг вдруг становится отчетливо видимым, как днем, а затем опять проваливается во тьму.

Это нагрянул тропический ливень, которого давно с тревогой ожидал Альварес. Он налетел внезапно с тяжелыми раскатами грома, слепящими, почти непрерывными вспышками молний и гремящими водопадами, обрушившимися с небес.

Кругом с треском падали гнилые деревья. Одно чуть не задело Андрея. Щепки, листья, ветки и обломки стволов летели во все стороны, со свистом рассекали воздух лианы. Казалось, началась бомбежка.

Андрей никогда не только не видал, но даже и не представлял себе отдаленной возможности ничего подобного. Это был не дождь, а нечто космическое, грозное и неотвратимое, как землетрясение или горный обвал.

От рушившихся сверху потоков воды негде было укрыться. Они вмиг сорвали куски брезента, развешанные над гамаками в наивной и смешной надежде от чего-то защититься. Весь лагерь за несколько минут превратился в какой-то плавучий хаос — этакий Ноев ковчег, внезапно потерпевший кораблекрушение.

Все поплыло: столы, сухие сучья, припасенные для костра, кухонная посуда, седельные сумки, банки с консервами...

Альварес с ревом ринулся куда-то в темноту.

Но Андрею было не до изумления. Кое-как выбравшись из гамака, он в одних трусах бросился спасать свои бесценные пробирки.

Они закрыты герметично, ни один вирус не проберется. Каждая пробирка обложена ватой, надежно укутана в несколько слоев непромокаемой пленки. Но ведь это не дождь, а настоящий потоп!

Прикрыв свертки со своими материалами какими-то первыми подвернувшимися под руку тряпками и кусками брезента, Андрей крепко прижал этот узел к груди, выбрал при вспышках молний самое прочное, по его мнению, дерево и встал возле него, не

обращая уже никакого внимания на лившиеся с неба водяные потоки.

Таким его и застал подошедший часа через полтора Альварес: голого, посиневшего, дрожащего, с большим узлом, крепко прижатым к груди коченеющими руками.

Сам профессор выглядел не лучше. Он был тоже в одних трусах и весь перемазан такой грязью, что ее не могли смыть дождевые струи.

Посмотрев на Андрея, он хмыкнул и спросил:

— И долго вы собираетесь так стоять?

— Пока... это... не кончится... — губы не повиновались.

— Долго, — сочувственно заметил Альварес. — Это, как вы изволили выразиться, не кончится теперь уже до будущей зимы. Но вы хотя бы оделись...

— Зачем? Какой смысл?

— Вы уже становитесь фаталистом, как древнейшие обитатели этих милых лесов — лакандоны. Не слишком ли быстро? У них-то ведь такая невеселая философия вырабатывалась веками. Не дури-те, — строго добавил он, пытаясь отобрать у Андрея сверток. — Побегайте под деревьями, пока не согреетесь, хорошенько разотритесь, хотя бы совершенно промокшей тряпкой, и напяльте на себя побольше одежды.

— Но ведь все промокло...

— Не важно. Будете сушить постепенно на себе, собственным телом. Даже промокшая одежда вас немного согреет, вы же медик, должны это знать. А я пока подержу ваш багаж...

— Но это материалы, осторожнее.

— Я прекрасно понимаю, что, как истинный ученый, в трудную минуту вы кинулись спасать научные материалы, а не фамильные драгоценности, — засмеялся Альварес. — А я, по-вашему, куда бегал?

— Куда? — спросил Андрей, с неохотой отдавая ему сверток.

— Закрывать вход в гробницу. Если туда проникнет вода, все будет испорчено.

— Успели?

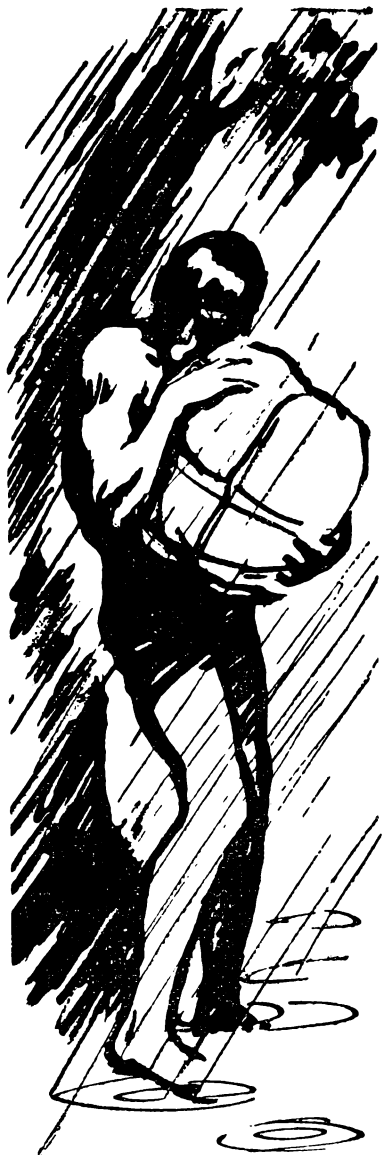
— Так, на скорую руку. Когда рассветет, надо будет заделать вход попрочнее. До будущей весны. *Mala suerte* *, — вздохнул он. — Да, немножко мы не успели... Бегите, бегите, одевайтесь.

— А вы?

— Я потом, когда вы меня смените. И не дрожите вы, пожалуйста, еще и душевно за свои материалы, ничего с ними не сделается. Я буду их защищать и согревать грудью с таким же мужеством, как и вы.

Рассвет, наконец, пришел, но дождь не прекращался, хотя и стал как будто немножко потише. Или это просто казалось оттого, что перестали сверкать молнии, гроза ушла куда-то дальше, или Андрей уже успел немножко привыкнуть к дождю?

Не обращая на ливень внимания, рабочие сколотили помост, разыскали в кустах и сложили на него все пожитки — теперь вещи хоть не плавали в лужах и были в одном месте, под рукой. Здесь же Андрей пристроил и свои материалы,

---

* Какое невезение (исп.)

а потом отправился вместе со всеми заделывать вход в пирамиду.

Дождь лил все с той же неумолимой монотонностью. Похоже, Альварес был прав: это затянется надолго.

Они так и не видели больше ни одного сухого дня. Под проливным дождем закончили укрывать вход в пирамиду и собирали лагерь. И всю обратную дорогу их неумоимо сопровождал дождь. Прекращался он лишь изредка на несколько часов в день.

Теперь Андрей начинал понимать, почему в здешних краях так живучи древние предания о грозных потопах.

Обратный путь через джунгли слился в его памяти в какое-то бесконечное, мокрое пятно. С усталым безразличием он шлепал под холодным дождем по липкой грязи, спотыкаясь о скользкие кочки. Насквозь промокшая одежда противно хлюпала и липла к телу, но все равно в ней было жарко от постоянного напряжения.

На ночь делали примитивные навесы, кое-как прикрывали их кусками брезента, и все, наскоро, без аппетита перекусив, валились спать, точно подкошенные. И забывались тяжелым, с кошмарами и вскри-

ками, сном до утра, не обращая никакого внимания на струи дождя, льющиеся через щели.

А утром устало вставали, с трудом разгибая затекшие спины, молча завтракали — и снова шагали под шелестящим дождем, спотыкаясь и разбрызгивая вязкую грязь.

Только через десять бесконечных дней — и это по готовой тропе! — вышли они к Усумасинте. Андрей не узнал ее. Она широко разлилась и грозно клокотала, словно стремясь вовсе выплеснуться из берегов. Вода стала темно-коричневой и густой от грязи. Реска мчала в бешеных водоворотах пены сломанные ветки и целые вековые деревья, вывернутые с корнем. К ней страшно было подступиться.

Начали рубить деревья и сколачивать два плота, выбрав площадку поближе к реке. На это ушел целый день. Повалились спать где попало, прямо в лужи воды.

Ночью пришлось вставать и в крошечной тьме оттащить один из плотов подальше от наступавшей реки. Хорошо, что предусмотрительный старый монтеро не спал и вовремя поднял тревогу, а то бы плот смыло и унесло. Все пришлось бы начинать сначала.

Не так-то просто оказалось спустить плоты на воду. Их сначала крепко привязали к деревьям на

берегу всеми оставшимися веревками и лнанами. Заранее возле каждого плота приготовили груз, чтобы не задерживаться с посадкой. Альварес последний раз окинул все горящим взором полководца и скомандовал:

— Начали!

Первый плот столкнули с берега, и он сразу ушел под воду. Вzbесившаяся река старалась оторвать его и унести. Но причалы выдержали. Плот остался на месте. То и дело его заливали мутные волны, грозя сбить с ног людей, лихорадочно кинувшихся грузить на плот и покрепче привязывать к скользким, выскакивающим из-под ног бревнам вещи.

— Вы плывете с первым плотом, — сказал Андрею Альварес. — Быстрее грузите ваших микробов и отчаливайте, пока плот не сорвало.

С помощью двух рабочих Андрей затащил свой багаж на ходивший ходуном под ногами плот и сам начал увязывать его, выбрав место в середине, подалее от воды.

— Дайте мне еще веревок! — крикнул он, озираясь вокруг.

И как раз в этот миг река, наконец, победила!

Дерево, к которому привязали чалки, с натужным треском начало падать. А плот рванулся вперед, как сорвавшаяся с привязи дикая лошадь.

Мутная волна ударила Андрея в грудь. Он не удержался на ногах и рухнул в воду.

Его закрутило, понесло. Он захлебывался, но все-таки успел еще с радостью ощутить, что пальцы его не выпустили драгоценный узел.

Очнулся он от тяжелой боли в груди. Застонав, открыл глаза и увидел склонившееся над ним перемазанное грязью лицо Альвареса.

— Слава пресвятой деве, — сказал профессор. — А я уже...

Не договорив, он начал растирать ладонями свое лицо, еще больше размазывая по нему грязь.

Андрей медленно повел головой направо, налево и увидел, что лежит на груди каких-то вещей, вокруг

молчаливо столпились рабочие, а сверху все льет и льет...

— Где пробы? — спросил он, почти не слыша своего слабого голоса.

Но Альварес расслышал и успокаивающе погладил его мокрой ладонью по лбу:

— Целы, целы, не беспокойся. Ты в них так вцепился, что мы еле вытащили этот проклятый мешок у тебя из рук. Ведь он тебя чуть не утопил. Потянул на дно не хуже камня на шее.

Альварес укоризненно покачал головой и вдруг, наклонившись ближе к Андрею, ласково добавил:

— А из тебя получается настоящий исследователь, шамасо, — и неожиданно поцеловал его в щеку.

Ошеломляющие новости

Неужели он опять в Ученом городке, в тихой и праздничной чистоте своей лаборатории, а за широкими окнами — живые дома и родные стройные березы в первой нежной зелени весны?..

Странно, но теперь — когда Андрей повидал их собственными глазами — джунгли казались ему еще более неправдоподобными и нереальными, чем прежде, пока были знакомы лишь по книгам. Зловещий, давящий сумрак Великого Леса, ночные вскрики обезьян, священный колодец, развалины затерянного города, цепко оплетенные лианами, — неужели это и в самом деле было? И дождь, непрерывно льющийся с неба. И то, как Андрей лежал в луже на берегу мутной Усумасинты, постепенно приходя в себя. И как потом три дня они мчались на плотках по взбесившейся реке, рискуя каждый миг налететь на какую-нибудь корягу и перевернуться, а дождь все сеял и сеял с неба...

Неужели все это было наяву, не во сне?

Как поверить в это, когда за окном видны среди молодой зелени привычные стеклянные крыши институтских оранжерей, а за ними вздымается среди деревьев высокое здание Вычислительного центра. Все такое привычное, знакомое до мелочей, словно и не уезжал никуда.

Первые дни ему было не до лирических переживаний. Сразу захлестнула горячка работы.

Три пробырки с заветными образцами, добытыми из гробницы, все-таки разбились во время купанья в разбушевавшейся Усумасинте. Одну пробу Андрей забраковал: были опасения, что стерильность нарушилась. Но остальные уцелели, ему удалось довести их благополучно до лаборатории.

Теперь надо было узнать, какие невидимки прячутся в этих пробырках.

Нелегкая задача, а вернее — множество трудных задач стояло перед Андреем. Ведь неизвестно, какие именно микробы или вирусы могут находиться в привезенных пробах. Их предстояло точно определить, опознать, а для этого нужно было сначала разделить, подобрать для каждого возможного вида такую питательную среду и температурный режим, чтобы в данной пробырке заведомо оказалась лишь одна разновидность микроскопических обитателей и притом в наилучших условиях для своего размножения.

Целыми днями сидя в изолированной от всего мира камере-боксе, Андрей занимался рассевом привезенных культур по чашкам Петри и плоским флаконам-матрацам с питательными средами. Затем эти посевы помещались в термостаты, где на обильных «хлебах» невидимки начнут быстро размножаться, и тогда их удастся опознать под микроскопом.

Работа эта была кропотливой и медленной. Но еще больше возни с вирусными пробами. В отличие от микробов вирусы могут жить и размножаться лишь в культурах живых тканей. Лучше всего для этого подходят обыкновенные куриные яйца с только на-

чавшими развиваться зародышами. Берут шприц с пробой, которую надо проверить и размножить, прокалывают иглой скорлупу и вводят туда порцию непознанных вирусов-невидимок. Теперь остается тщательно заделать крошечное отверстие, поместить яйцо в термостат и ждать.

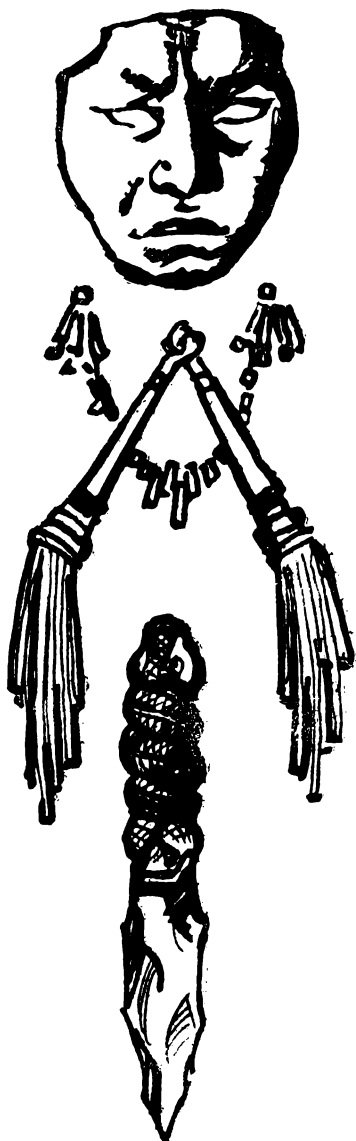
Ожидание было самым томительным и трудным. Пока Андрей был занят рассевом, время летело. Но потом оно вроде сразу остановилось.

Он пытался заставить себя не торчать целыми днями без толку в институте, хитрил сам с собой, придумывая хоть какие-нибудь занятия. Начинать писать отчет, но тут же бросал, потому что ведь оставалось неизвестным самое главное — результаты его путешествия. Старался заставить себя заняться другими исследованиями, которые отложил на время поездки. Темы были интересные, но сейчас они все как-то потускнели.

Он уходил бродить по улочкам, свободно змеившимся между домами и незаметно переходившим в лесные тропинки, где, разглядывая его, на соснах цокали и приветственно размахивали хвостами любопытные белки, а из-под ног вдруг выскакивал затаившийся, перепуганный заяц.

Но мысли его все время оставались в лаборатории, где в термостатах медленно зрели ответы на вопросы и загадки, не дававшие ему покоя. И рано утром, в предрассветной темноте он уже спешил, все убыстряя шаг, к зданию института, на фронтоне которого еще по-ночному сияла неоновым светом романтическая эмблема — витая загадочная спираль молекулы ДНК, таинственной хранительницы наследственности. Сразу же проходил в лабораторию. Убедившись, что все благополучно и автоматика точно выдерживает нужный режим, Андрей уныло брел в свой кабинет или отправлялся на какое-нибудь учебное обсуждение. Но вскоре снова возвращался в лабораторию — лишний раз убедиться, что все в полном порядке и делать ему пока нечего...

А вечерами дома, со стены на него с загадочной усмешкой смотрел древний жрец — копию погребаль-

ной маски, так понравившейся Андрею, подарил ему при прощании профессор.

Жрец словно спрашивал его:

— Ну, так что же ты надеешься найти в своих пробирках: следы пришельцев из Атлантиды или космических гостей?

От Альвареса шли письма, проникнутые нетерпением, хотя он и предостерегал от поспешности, которая могла бы испортить исследования:

«...Хочу напомнить вам, дорогой друг, что у древних майя был неплохой обычай: историков, искажавших факты, там неукоснительно и без всякого снисхождения казнили...

А нам с вами, ведущим следствие сквозь века, ведь очень легко что-то недоучесть и просмотреть, второстепенное принять за главное под гипнозом любимой и давно лелеемой гипотезы — и вот ты уж незаметно для себя начинаешь, пусть даже невольно, без злого умысла, искажать истину. И неважно, что наш либеральный и прогрессивный век смотрит на это более снисходи-

тельно, чем древние майя. Мы будем потом казнить и терзать себя сами, когда выяснится, что забрели по ложному пути совсем в иную сторону от истины...

Мне сейчас приходится много выступать с лекциями и в печати, рассказывая о наших открытиях, и подавать их в несколько сенсационном плане: затерянные города, гробницы в пирамидах, бесценные находки в пучинах священного колодца... Вы знаете, как я этого не люблю. Но ничего не поделаешь, надо добывать деньги на дальнейшие исследования.

Однако, изучая привезенные материалы в тиши своей ученой кельи (Андрей невольно улыбнулся, вспомнив, какой беспорядок царил в этой самой «келье»), я все время стараюсь допрашивать их с пристрастием, спорить с собой и опровергать себя.

Очень уж много загадок и темных мест! Поторопили бы вы весьма уважаемого мною профессора Юрия Кнорозова, чтобы он поскорее завершил работу над дешифровкой всей письменности древних майя. Как нам стало бы легче!..

Но шутки в сторону. Есть некоторые вещи, вызывающие у меня смутные сомнения — это скорее интуиция, неосознанная тревога, чем логичные доводы. И я не хочу вам забивать голову археологическими тонкостями, пока сам в них не разобрался.

С тем большим нетерпением жду весточки о ваших исследованиях и хотя бы самых первоначальных выводах...»

Эти непонятные сомнения Альвареса тревожили Буланова. Но, к счастью, томительное ожидание близилось к концу. Снова начиналась горячая пора.

Науке известны тысячи различных микроорганизмов, и никто не мог бы предсказать, какие именно из них окажутся в пробах, привезенных из Мексики, лучше всего, если вовсе пока никому не ведомые. Одним, чтобы дать «чистые посевы», как называют их микробиологи, и тем обнаружить себя, достаточно всего не-

сколько часов пребывания в термостате на плотной питательной среде из агар-агара. Других, чтобы опознать, Андрею приходилось долго тоже «допрашивать с пристрастием», подвергая воздействию различных химикатов. А если и это окажется недостаточным, исследования затянутся, надо будет проверять неопознанных микробов на лабораторных кроликах и морских свинках.

Вирусы еще неуловимее. Их можно увидеть лишь под электронным микроскопом, но, чтобы отделить одни вирусы от других, надо часами гонять проверяемые взвеси культур в мощных и грозно ревущих центрифугах, вращающихся с бешеной скоростью. И среди вирусов могут оказаться особенно коварные — носители так называемой латентной, или скрытой, инфекции. Они способны неделями и месяцами находиться в живых клетках и ничем не выдавать своего губительного присутствия, даже переходя из поколения в поколение. А потом в самый неожиданный момент вдруг нанести внезапно смертоносный удар... Очень непросто их обнаружить и опознать!

Много времени, обливаясь потом в защитном костюме и маске, Андрею приходилось работать в термальной комнате, где царил такая же влажная, оранжевая духота, как и в тропическом лесу. Пожалуй, даже хуже: тридцать семь градусов, глухие стены без окон, никакого притока свежего воздуха.

Защитный костюм и маску снять нельзя ни на миг. И все исследования надо вести очень тщательно и осторожно. Ведь невидимки коварны и вездесущи, и микробиолог, как и сапер, говорят, может ошибиться лишь однажды...

Наступало время жатвы. И сразу начались неожиданности.

Первым, кого Андрей опознал, был вирус черной оспы.

Никаких сомнений. Он отлично был виден на мерцающем экране электронного микроскопа — настоящий гигант среди других вирусов: крупные, почти правильные прямоугольники, внутреннее смертоносное

тельце надежно прикрыто плотной белковой оболочкой. И новый метод, на который так надеялся Андрей, подтверждал тоже по давним следам губительной работы — это вирус оспы.

Андрей не мог поверить своим глазам.

Оспа?!

Самое невероятное из всего, чего он только мог ожидать.

В Европе и Азии эта болезнь известна давным-давно. Сейчас людей надежно защищает от нее вакцина, прививки которой делают в большинстве стран каждому в детстве. Специальная международная служба следит за тем, чтобы немедленно ликвидировать в самом начале редкие вспышки заболеваний. И медики даже считают, что именно оспа станет первой инфекционной болезнью, которую уже скоро удастся навсегда ликвидировать на нашей планете.

Но еще два столетия назад от нее не было никакой защиты, и она могла свирепствовать на просторе. В средние века даже сложили невеселую поговорку: «Любовь и оспа минуют немногих». Только в Европе

вот такие совсем не страшные на вид прямоугольнички убили в семнадцатом веке шестьдесят миллионов человек.

Но ведь считалось, что до вторжения испанских завоевателей народы Америки не знали этой страшной болезни. Казалось точно установленным: впервые в Новый Свет завез оспу в 1520 году один из негров-рабов Кортеса. Вырвавшись на свободу, черная смерть уничтожила не менее шести миллионов индейцев. Она оказалась коварной союзницей конкистадоров.

Что же означает поразительное открытие Андрея Буланова?

Одно из двух: или древние майя болели оспой и до прихода испанцев, или...

Или пирамида в затерянном городе вовсе не такая уж древняя, как они считали с Альваресом. Значит, она построена уже во времена нашествия конкистадоров, принесших с собою «черную смерть», — видно, не случайно у Альвареса возникали какие-то сомнения.

Так что же все-таки они с профессором совершили: сенсационное открытие или грубую ошибку?!

В привезенных образцах нашлось много самых различных микроорганизмов — и закрученные штопором спирохеты, и шаровидные кокки, и вибрионы, похожие на спираль, разрезанную на множество крошечных кусочков.

Но все это были обычные, давно известные ученым невидимки, живущие в почве или в человеческом организме, не причиняя ему, однако, никакого вреда.

Правда, один вид бактерий как будто оказался неизвестным — продолговатая палочка с блестящей бусинкой — спорой посредине, похожая на возбудителя сибирской язвы. Но опасны ли эти бактерии для человека — неизвестно. Пока не удалось заразить ими, во всяком случае, ни одного из кроликов, морских свинок и обезьян.

Вирусов в пробах почти не оказалось. Новый метод не мог обнаружить даже следов их прежней деятельности, если они все-таки существовали, но потом

погибли. Кроме оспы, Андрей обнаружил только вирусы, поражающие растения болотного лютика, видимо попавшие в гробницу совершенно случайно, и желтой лихорадки.

Следы вируса желтой лихорадки оказались лишь в одном общем погребении четырех юношей, принесенных в жертву. В самой гробнице их не было. Но желтая лихорадка эндемична для тропических лесов, она там существует издавна. Это не новость. А были ли массовые эпидемии этой болезни, судить по одной-единственной пробе, конечно, нельзя.

Весьма любопытными для определения возможных новых антибиотиков оказались некоторые всходы специальных посевов, из тех проб, что собирал Андрей во время странствий по лесу. Но для проверки их требовалось время. Да, честно говоря, Буланову пока было не до антибиотиков: ведь он искал прежде всего возбудителей возможных эпидемий, а не защитников от них...

Так что самым интересным и важным открытием оставалось присутствие вируса черной оспы, тем более сразу в обоих погребениях — и в главной гробнице, и там, где принесли в жертву юношей. Тут уже можно подозревать эпидемическую массовую вспышку.

Но все-таки, что же это: открытие или ошибка?

Этого Андрей пока никак не мог понять, сколько ни ломал голову. И пожалуй, разобраться одному, без Альвареса, ему не удастся. Но он решил ничего пока не писать профессору, сначала все снова проверить: может, ошибся только он один и это все-таки не оспа?..

Опять он часами гонял взвеси вирусов в ревущих центрифугах. Опять до рези в глазах всматривался в мерцание экрана электронного микроскопа, дававшего увеличение более чем в сто тысяч раз. Снова и снова подвергал невидимок придирчивым испытаниям разными кислотами и щелочами, и длинный ряд пробирок, выстроившийся перед ним на лабораторном столе, окрашивался во все цвета радуги — микробиологи так и называют подобную операцию «пестрым

рядом». В ход шли и люминесценция и флуоресценция — все новейшие тонкие и сложные методы «опознания».

Но результаты оставались прежними. И он написал о них профессору Альваресу.

Ответ пришел быстро:

«...Ваше невероятное открытие, мой дорогой друг и коллега, потрясло меня не меньше, чем вас.

Я не сомневаюсь в точности ваших исследований, но как они все еще больше запутывают и усложняют вместо того, чтобы прояснить!

Это, бесспорно, важное открытие, а вовсе не ошибка, как вы опасаетесь. Некоторые мои наблюдения, озадачивающие меня уже давно, становятся яснее в свете ваших исследований и как будто их подтверждают. Я не хотел о них писать подробнее, чтобы вас не тревожить раньше времени и не толкать на путь каких-то предвзятых мнений, поэтому и ограничивался лишь туманными намеками.

Теперь могу сказать определеннее. Во-первых, о «горшках», как вы непочтительно называли эти прекраснейшие вазы, найденные в погребальной камере. Они явно позднего стиля (двенадцатый-четырнадцатый век) и выполнены в манере, принесенной на север царства майя, в Юкатан, тольтеками.

Но как же они попали в гробницу древнего, давно покинутого, судя по всему, города, который мы нашли гораздо южнее — в лесной глуши Петена?!

Город, никаких сомнений, древний. Пирамида — тоже. Но почему в ней такое странное захоронение — никак не датированное и носящее явные следы спешки?

Откуда взялись в погребальной камере эти вазы с гораздо более поздним тольтекским орнаментом? Золотые украшения?

Плюс — открытая вами так неожиданно черная оспа...

Возможно, конечно, что город был построен давно, затем покинут, но посещался и позднее — вплоть до прихода конкистадоров...

Вопросов пока куда больше, чем ответов. И вывод

один: нам с вами надо продолжать раскопки в этом затерянном городе, пока не докопаемся до истины. Я очень надеюсь, что ваше просвещенное начальство даст вам возможность довести исследования до конца — слишком они интересны. Если нужно, я обращусь по этому поводу со специальным посланием и уж постараюсь составить его так, чтобы отказать было совершенно невозможно!

Итак, собирайтесь в путь...»

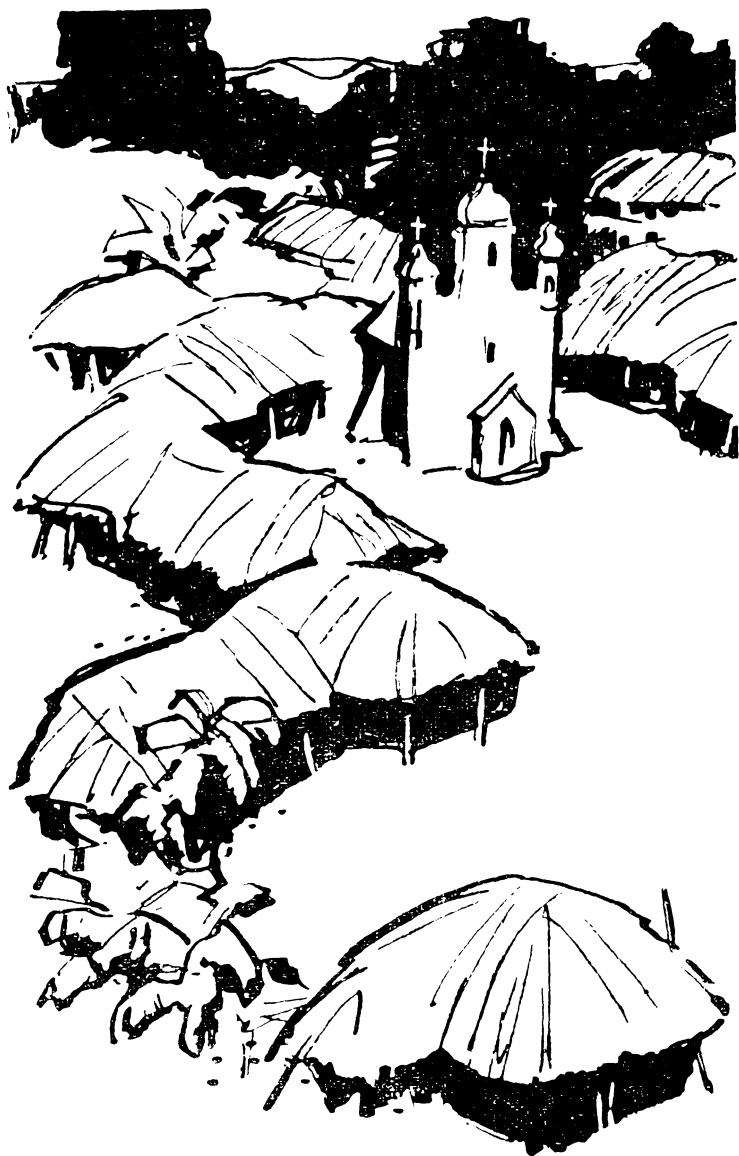

**Часть
третья**

Чудеса бывают!

— Ну, — сказал Альварес и вопрошающе посмотрел на Андрея, — с чего же начнем? Я проведу в этом городе весь остаток своей жизни, но докопаюсь до разгадки. В одном я уже сейчас абсолютно уверен: никаких признаков, что тут побывали конкистадоры, нет! Откуда взялась оспа?

Снова была душная и влажная январская жара. Снова они стояли у подножия пирамиды, раскопки которой начали в прошлом году, а вокруг в лесу, оглашаемом пронзительными криками обезьян, белели среди зарослей загадочные развалины затерянного города.

Кусты опять так разрослись, будто их и не вырубали всего год назад. Они словно хотели понадежнее укрыть древние развалины от людских глаз.

— Все придется начинать сначала, — вздохнул Альварес.

Начали с расчистки леса вокруг зданий, находившихся подальше от главной площади и пирамид: Альварес сумел привезти в эту глушь новое оборудование для электрической разведки и надеялся с его помощью обнаружить в земле хоть несколько древних могил рядовых, незнатных жителей го-

рода, похороненных где-то возле их давно исчезнувших хижин.

Дальнейшее исследование загадочных труб и подземных переходов пирамиды решили пока отложить. Надо было послать часть рабочих расчистить посадочную площадку неподалеку от затерянного города, чтобы сюда мог прилетать Джонни и привозить продукты и необходимое оборудование. Вызвать его из Теносике можно было по рации, которую тоже раздобыл профессор.

И Андрей подготовился к новым исследованиям весьма тщательно: привез с собой целую походную лабораторию, где можно было «опознать» многие микробы и вирусы прямо на месте раскопок. Но пока все это оборудование лежало в ящиках в ожидании работы...

Андрей помогал наладить электрическую разведку деловитому технику с пышным именем Хосе Марии Торрес. Техник был полной противоположностью Франко — и не только внешне: подвижный, энергич-

ный крепыш, он все время насвистывал, а вечерами оглашал лес пронзительными завываниями новейшего японского транзистора. На все у него был твердый, непоколебимый взгляд, и командовал он безапелляционным тоном, не терпящим возражений. Даже Альварес смирялся с этим.

По мнению Андрея, техника электрической разведки была довольно проста: втыкай в землю на некотором расстоянии друг от друга металлические стержни, пропускай через них ток и замеряй специальными приборами, как и где меняется его напряжение. Но Хосе Мариа проделывал это с видом священнодействующего жреца, властно покрикивая на рабочих, бегавших вокруг с электродами:

— Осел, куда ты его втыкаешь! Я же сказал: левее, возле куста.

— А вы что там мешкаете?! — это относилось уже к Андрею.

И вот настал день, когда Хосе оторвался от своих

приборов и, притопнув несколько раз ногой, уверенно сказал:

— Копайте здесь.

— Могила? — дрогнувшим голосом спросил Альварес, почтительно глядя на него.

— Не знаю. Во всяком случае, там какая-то яма.

Начали копать, прорубаясь сквозь густое переплетение твердых и пружинистых корней, за века густо пронизавших почву.

И нашли простую яму, небольшую карстовую воронку, заполненную намытой землей.

Альварес грозно посмотрел на техника, но ничего не сказал, потому что Хосе Марня уже командовал, ничуть не смутившись:

— Ладно, продолжаем дальше! Эй вы, берите электроды! Не спать!

И на другой день они действительно нашли первую могилу!

Тут наступала очередь командовать Андрею. Раскопки прекратили и над могилой установили нечто вроде палатки из стерильной пластиковой пленки. Альварес и Андрей, облачившись в белые халаты и резиновые перчатки, прикрыв лица марлевыми масками, забрались в палатку и стали завершать раскопки сами.

Остатки каких-то сгнивших досок... Наверное, часть обвалившейся стены или пола.

Простая яма в земле. В ней лежит скелет. Он небольшой — молодая женщина или даже подросток...

Никакой погребальной утвари, кажется, нет, только маленький глиняный божок. Тем интереснее, что скажут анализы...

Отодвинувшись в сторонку, Альварес наблюдал, как Андрей разгребает лопаточкой землю и берет образцы из разных уголков могилы, отбрасывая один запачканный пинцет за другим.

— Все, — сказал, наконец, Андрей, с трудом разгибая затекшую спину. — Можете снимать палатку и заниматься своими исследованиями.

— Черт вас знает, вы так колдовали со своими пробирками, что теперь даже как-то боязно здесь ко-

паться, — ворчливо проговорил профессор. — Оспу вы уже нашли в пирамиде, может, и тут еще какая-нибудь холера затаилась...

— А вы не снимайте перчаток и маски, — посоветовал Андрей. — При любых раскопках эта предосторожность вовсе не лишняя.

Он отнес пробирки с образцами в свою походную лабораторию и тут же занялся рассевом проб по питательным средам. На это ушел весь остаток дня.

На следующий день удалось найти еще два древних захоронения. Одно было похоже на первое, другое — в небольшом склепе, выложенном из крупных камней.

Их вскрывали со всеми предосторожностями. Новые пробы заполнили термостат.

По мнению Альвареса и Франко, гробница в склепе была более ранней, чем две другие.

— И расположена она глубже, и утварь в ней архаичнее, — размышлял профессор. — Но больше вам ничего не скажу. Хватит поспешных, скороспелых выводов: уже учены...

В этот день, вскоре после обеда, прилетел Джонни — просто так, повидаться и без предупреждения, конечно, по своему обыкновению. Летел наугад, хорошо, хоть площадку уже расчистили. Все, побросав работу, бросились его встречать.

Андрей первым подбежал к самолету и протянул руки, чтобы помочь Джонни выбраться из кабины. Но тот словно не заметил их, вылез сам и мягко, по-кошачьи, спрыгнул с крыла на землю.

Андрею было почему-то очень приятно и даже радостно видеть это невозмутимое скуластое лицо древнего жреца и хотелось обнять летчика, которому они были многим обязаны. Но они ограничились только крепким рукопожатием.

Зато подоспевший Альварес не стал разыгрывать из себя сурового и невозмутимого мужчину. Он так хлопнул Джонни по плечу, что тот чуть не присел, и начал тискать его в своих медвежьих объятиях, приговаривая:

— Ах ты, Бэтмен, чертов сын! Опять чуть не промахнулся, прямехонько на тот свет...

Порасспросив Джонни о новостях — довольно тщетно, потому что летчик отвечал весьма лаконично и односложно, профессор сказал:

— Ну, раз уж ты прилетел... Осмотрим получше окрестности. Возле такого города должны были находиться поселки поменьше — может, увидим сверху следы дорог к ним? А то сиди тут, жди...

Джонни чуть скривил припухшие губы в легкой усмешке и молча, но достаточно красноречиво пошевелил пальцами перед носом Альвареса, словно потирая ими некую невидимую, приятно шелестящую бумажку...

— Знаю тебя, знаю! — отмахнулся помрачневший профессор. — Будут тебе твои greenbacks, не бойся.

Утром на зорьке они отправились в полет.

— Пусть Хосе ищет могилы, а вы начинайте пока расчищать переходы и гробницу в пирамиде. Надо закончить этот объект, — дал перед отлетом профессор наказ Франко.

Опять внизу до самого края земли расстился безбрежный зеленый океан. Профессор велел Джонни почаще менять галсы, чтобы внимательнее рассмотреть каждый участок джунглей, проплывавших под крылом самолета. Но как они все трое ни всматривались, ничего интересного пока не попадалось.

И вдруг...

— А там что такое? — окликнул профессора Андрей.

— Где? — Альварес перебрался к Андрею.

— Вон, видите, на горизонте вроде какое-то здание.

— Да где? Ах, это. Это же обыкновенная колокольня. Старинная церковь, построена еще во времена завоевателей. Толуске, а дальше Лагуна Пердида. Начинаются уже обжитые места. Чего этот проклятый Бэтмен забрался так далеко на восток? Опять хочет из меня доллары тянуть?! Надо ему сказать, чтобы дурака не валял и поворачивал.

Толуске... Это название показалось Андрею смутно знакомым. Вероятно, запомнилось, когда часами разглядывал карту. Есть тут какие-нибудь известные памятники?

Он хотел спросить об этом у профессора, но не успел.

Монотонный рокот мотора вдруг стал каким-то неровным, прерывистым. Вот он совсем прекратился...

Потом мотор трижды словно чихнул, и наступила долгая тишина...

— Что у тебя там опять? — крикнул Альварес летчику.

— Мотор не работает.

— Почему?

Молчание.

Надо садиться? — спросил профессор.

Молчание.

Андрей глянул в оконце и сразу понял, что отвечать на этот вопрос было в самом деле бесполезно. Внизу сплошной лес, ни намeka на прогалинку.

Это увидел и Альварес и не стал больше задавать никаких вопросов.

Оставалось одно: сидеть и ждать. Чего? Чуда?

Самолет покачивался. Чувствовалось, что Джонни пытается использовать каждый подходящий порыв ветра, чтобы парить наподобие планера.

Но самолет постепенно снижался — медленно, но неуклонно.

Если бы удалось дотянуть до колокольни, маячившей на горизонте! Раз места там обжитые, то должны быть хоть какие-нибудь поля или огороды. Для Бэтмена этого достаточно.

Но лес неотвратно надвигался снизу. Он словно притягивал к себе беспомощный самолет.

Вот уже можно различить отдельные ветки на деревьях. Даже листья...

Раздался первый треск — прямо под ногами Андрея. Он машинально поджал под себя ноги и закрыл глаза...

Нет, это было все-таки чудо, что они уцелели.

Самолет уже задел колесами за вершины деревьев. Но росли эти деревья на окраине какого-то крошечного огородика. Джонни не растерялся. Самолет буквально плюхнулся на этот огородик...

Они не получили даже ни синяков, ни ссадин!

И Андрей вполне понял летчика, когда тот попросил у профессора несколько монет.

— Зачем?

— В счет оплаты за полет, не бойтесь. Пойду куплю свечек и помолюсь. Тут хороший святой...

— Ты бы лучше выяснил, что случилось с мотором, — проворчал профессор, давая ему деньги.

— Успеется, — беспечно ответил Джонни.

К самолету тут же набежала толпа возбужденных индейцев и метисов.

— Оуа, Бэтмен! — сверкая ослепительными зубами, крикнул высокий парень в лихо заломленном сомбреро и начал протискиваться к Джонни.

— У тебя и тут друзья, — проворчал Альварес.

— У меня везде друзья, — насмешливо ответил

Джонни и в окружении восхищенной толпы отправился к церкви.

— Через час мы вылетаем! — крикнул ему вслед Альварес, но без особой уверенности в голосе.

Профессору с Андреем тоже не оставалось ничего иного, как прогуляться.

На полдороге к поселку им встретился запыхавшийся тощий монах в пропыленной рясе. Автоматически то и дело кланяясь, он поздравил их с благополучным приземлением и передал привет от отца настоятеля, который, к сожалению, болен и не может встретить гостей лично, но надеется, что они извинят его и почтят своим посещением.

— Передайте святому отцу нашу благодарность и скажите, что мы непременно навестим его, — ответил профессор, чтобы отвязаться от монашка, и тот поспешно засемянил впереди них по раскаленной пыльной дороге.

Поселок был маленький — всего с десяток хижин вокруг церкви. Она стояла на невысоком пологом холме, и к ней вели расколотые полукруглые ступени.

Церковь была массивной и приземистой, с узкими решетчатыми оконцами, похожими на бойницы. Все это, несмотря на белый цвет стен, придавало ей мрачноватый вид крепостной башни.

Они заглянули в раскрытую дверь. Истертые каменные плиты, на них — длинные жестяные желобки для свечей. В церкви было пусто. Только один Джонни молился перед статуей Христа, одетого почему-то в индейский костюм. Приятели терпеливо ждали летчика у входа.

Альварес и Андрей тоже не стали ему мешать и пошли посидеть где-нибудь в тени. В церковном дворе они наткнулись на одинокую гробницу с крестом, обнесенную невысокой оградкой. Возле нее лежали на большом камне увядшие цветы, тарелочки с курениями — видимо, остатки жертвоприношений.

— Видите, даже христианских святых тут чествуют по древним языческим обычаям, — усмехнулся

Альварес и начал разбирать полустершуюся от времени надпись на каменном надгробье.

— «Святой отец Луис Торсаль... Скончался 15 мая 1579 года. Да почиет в мире...»

— Как вы сказали? — насторожился Андрей. — Торсаль?

— Да, Луис Торсаль. А что?

— И это место называется Толуске?

— Да.

— Так это же тот самый храм Святого Фомы! Помните, о котором сообщалось в отчете какого-то каноника, разысканном вашим приятелем-архивистом?

— Постойте, постойте. Да, совершенно верно. Это Толуске, и перед нами гробница того самого брата Луиса Торсалья, о котором упоминалось в отчете каноника де Каetano в связи с эпидемиями каких-то болезней в этих краях. Я же все прекрасно помню, только как-то не связал вместе эти имена.

Альварес хлопнул Андрея по плечу и засмеялся:

— Второе чудо, а, что наткнулись на его могилу? Может, и нам помолиться? Во всяком случае, надо воспользоваться счастливой случайностью и разузнать об этом святом отце побольше. Придется в самом деле навестить настоятеля.

Отец настоятель оказался пухлым, упитанным старичком в огромных очках в черной оправе, закрывавшей почти половину его розового маленького личика. Принял он гостей поначалу весьма радушно, угостил каким-то душистым и липким ликером и на расспросы Альвареса отвечал охотно, с многословием человека, давно скучавшего по хорошему собеседнику:

— Когда построена эта церковь? Давно, очень давно, уважаемый сеньор профессор. В 1571 году от рождения господина нашего Иисуса Христа. Одна из древнейших христианских святынь в стране. Она была сначала монастырской, но часть служб разрушилась по воле божьей от землетрясения. Сейчас у нас просто миссия..

— А этот Луис Торсаль? — нетерпеливо прервал его профессор.

— О, это был святой человек. Он был храбрым

офицером у прославленного дона Альварадо, одного из сподвижников Кортеса. Потом он принял монашеский сан, на собственные скромные сбережения воздвиг эту церковь и был ее первым отцом настоятелем. Первоначально брат Луис был похоронен в склепе, находившемся в подzemелье под восточным приделом. Но двадцать лет назад, опять-таки после землетрясения, стены склепа дали трещины, его стала заливать подступившая откуда-то вода, и мы решили перенести святую для всех нас гробницу в более подходящее место. Вам понравился памятник?

Альварес пробормотал что-то неопределенное и хотел снова задать настоятелю какой-то вопрос, но тот поспешно продолжал:

— При вскрытии гробницы и перенесении праха отца Луиса мы нашли старинный серебряный ларец чудесной работы, а в нем — манускрипт, написанный самим святым отцом...

— Рукопись?

— Да, некоторые его воспоминания о военных делах.

— Где она?

— Ларец мы оставили здесь, в церкви, я с удовольствием покажу вам его. А рукопись решили отправить в столицу. Она носит чисто светский характер и посвящена мирским делам — тому времени, когда брат Луис был еще офицером, а не монахом. По зрелом размышлении мы решили, что хранить ее здесь было бы несколько неуместно, да к тому же у нас и нет подходящих условий для этого, если манускрипт испортится, будет жалко...

— И где же она находится теперь?

Настоятель слегка развел пухлыми ручками.

— Затрудняюсь вам что-нибудь сказать, дорогой сеньор профессор. Мы отправили ее соответствующим церковным властям в столицу, но они, вероятно, передали ее в какую-нибудь библиотеку или в музей. Ведь, как я уже имел честь говорить, манускрипт не имеет никакого отношения к святой церкви и посвящен чисто мирским делам.

— Надо будет ее непременно разыскать, — обра-

тился к Андрею профессор, делая торопливые пометки в блокноте. — Скажите, святой отец, а не могли бы мы осмотреть склеп?

— К сожалению, это невозможно, — снова развел ручками настоятель и склонил голову с аккуратно пробритой тонзурой, словно перед неумолимой судьбой. — Его залило водой, и я распорядился просто засыпать склеп землей и зацементировать хорошенько сверху, чтобы укрепить основание церкви, — ведь могло размыться фундамент, понимаете. А кроме того... — монах на миг запнулся, пристально всматриваясь в лицо Альвареса и будто колеблясь, можно ли доверять ученому гостю. — А кроме того, — повторил он, понизив голос, — когда рабочие, пытаясь остановить воду, стали разбирать одну из стен и часть пола в склепе, то неожиданно наткнулись на скелет...

— Скелет?

— Да, — неохотно продолжал настоятель, явно уже мысленно упрекая себя, что начал об этом рассказывать. — Там было какое-то языческое погребение...

— Почему вы думаете, что языческое?

— Никаких признаков гроба и положены грязные амулеты.

Альварес и Андрей переглянулись.

— Согласитесь, что это было довольно неподходящее соседство для отца Луиса, — добавил настоятель. — Работали там простые, неграмотные индейцы, видели этот скелет своими глазами. Понимаете, какие вздорные слухи пошли бы среди местных жителей? Поэтому, собственно, мы и решили перенести гробницу святого отца на новое, более достойное и подходящее для нее место. И то уже, когда один из рабочих заболел, стали поговаривать, будто его постигла кара за то, что якобы он разгневал каких-то там древних языческих богов, потревожив это погребение. Суеверия, к сожалению, еще весьма живучи среди местного населения...

— Я вижу, вы им не слишком противитесь, —

засмеялся Альварес. — Даже Христа одели в индейский костюм.

— Что делать — лишь бы посещали церковь...

— А чем заболел рабочий? — спросил Андрей.

— Право, не знаю. Разумеется, мы немедленно пригласили к нему опытного врача за счет нашей миссии и беднягу быстро вылечили.

— А куда вы дели кости? — спросил профессор.

— Кости? Какие кости? — опешил настоятель.

— Ну, скелет из древнего погребения.

— Ах, скелет. Его положили в гроб, хотя покойный и не был христианином, увезли в лес и там похоронили. Погребать его останки на кладбище мы не решились — ведь он не был христианином...

— Правильно, он не был христианином, — отозвался, в задумчивости кивая, Альварес.

Думал он, конечно, о своих археологических делах. Но монах принял его слова за одобрение своих распоряжений и обрадовался такому пониманию со стороны ученого гостя.

— Я очень рад, что вы понимаете, сеньор профессор, в какое нелегкое положение мы попали, — доверительно сказал он. — Ведь как нарочно этот скелет оказался не один...

— Не один? Не понимаю, — уставился на него Альварес. — Что вы хотите сказать?

— Мы нашли еще один скелет. Совершенно случайно. Сначала мы хотели перенести гробницу святого отца Луиса вот туда, к самой церковной стене. Рабочие начали копать яму и наткнулись на второй скелет, с теми же признаками явно языческого погребения. Мы не стали совсем его трогать, тут же засыпали снова землей...

— Отлично! — перебил его Альварес. — Мы его раскопаем.

Наверное, битый час уговаривал он растревоженного настоятеля, доказывая, что провести раскопки древних захоронений возле церкви крайне необходимо для науки и что в результате этих работ миссия только выиграет, ибо прославится на весь мир как место, где свято хранят древнейшие культурные памятники.

Разрешения добились с большим трудом. Теперь нужно было поскорее выбираться отсюда и возвращаться с рабочими.

— Где этот проклятый Бэтмен? — сразу забыв о настоятеле, зашумел Альварес. — Наверное, спит

где-нибудь в холодке, вместо того чтобы чинить свою машину.

Настоятель был откровенно рад, что опасные гости так быстро покидают миссию. О серебряном ларце, где хранилась древняя рукопись, он уже не упоминал — видимо, не без оснований опасаясь, как бы напористый профессор не увез ее тут же в какой-нибудь музей...

Джонни они нашли в самом деле дремлющим рядом с двумя приятелями в тени под крылом его «летающей этажерки». Но оказалось, что машина уже починена.

— Просто порвался бензопровод и вытекло все горючее из запасного бака, — лениво пояснил летчик.

— Просто порвался! Дождешься ты, что она развалится у тебя в воздухе на куски, твоя тарахтелка.

— У меня машина хорошая, — насупился обидчиво Джонни. — Бензопровод был подпилен.

— Подпилен?

Летчик кивнул.

— Твои дружки постарались? Ловко... Помню, читал я еще в детстве одну английскую сказочку. Там герой — забыл уж, как его звали, — всем приносил несчастье, даже когда хотел доброе дело сделать. Притягивал он к себе злых духов. Так и ты. Я сразу понял, что знакомство с тобой добра не принесет, — профессор начинал по привычке все азартнее размахивать руками, словно сердитый петух крыльями. — Нет, теперь уж я непременно засажу их за решетку, этих бандитов!

— Все в руках божьих, — наставительно заметил Джонни, пряча лукавую усмешку под набухшими веками. — Они думали одно, а получилось другое. Хотели отправить нас на тот свет, а помогли попасть в Толуске, где, похоже, вы узнали хорошие новости. Судьба...

— Судьба! А если бы бензин вытек полчасом раньше?! Счастье, что ты случайно забрал так далеко к востоку и оказался поблизости от Толуске. А где бы ты сел в лесу?

— И это вовсе не случайность, а предопределе-

ние, — невозмутимо ответил Джонни. — Пресвятая дева вовремя напомнила мне, что здесь можно выпить холодного пива. Так что мы все равно бы сели в Толуске.

Задохнувшийся от негодования Альварес махнул рукой и, откашлявшись, прохрипел:

— Тебя не переспоришь, упрямый мул. Пива ты уже хлебнул, я вижу. А где теперь доставать бензин? Не у настоятеля же просить...

— Бензин уже залит, можно лететь, — пожал плечами Джонни. — Друзья меня всегда выручат.

Через четверть часа они в самом деле благополучно взлетели — правда, изрядно помяв все овощи на огорожке.

Чудесные неожиданности продолжаются

Внизу плыл бесконечный дремучий лес. А Буланов пытался представить себе, как выглядела эта страна до прихода испанцев. Где они, куда делись — города, храмы, селения и поля, мощенные камнем дороги?

Ему вспомнилась песня, которую сложили в те времена индейцы майя. Ее донесла до нас, словно стон сквозь века, одна из индейских летописей Чилам Балам — «Книги вестников скрытых вещей»:

Ешь, ешь свой хлеб;
Пей, пей свою воду;
В этот день землю покроет пыль;
В этот день гибель придет на землю;
В этот день поднимется туча;
В этот день сильный человек захватит
эту землю;
В этот день все погибнет;
В этот день ты закроешь мертвым глаза...

Конкистадоры грабили древние города, жгли прекрасные храмы, убивали женщин, детей, стариков. А потом пришли монахи, начали строить на пепелищах «божьи храмы» и усиленно просвещать неразумных и заблуждающихся уцелевших «младших братьев».

Безымянный историк погибшего народа так записал об этом в той же «Книге вестников скрытых вещей»:

«Потом начали проповедовать христианство, которое должно было стать всеобщей религией нашей страны. Потом начали строительство храма в середине города Тихоо: тяжелый рабский труд был уделом того времени. Потом начались казни на виселицах и пытки огнем, подносимым к кончикам наших пальцев. Потом на свет появились веревки и кандалы. Тогда дети младших братьев попали в жестокое рабство. Налоги собирались в больших размерах. Потом были провозглашены семь заповедей слова божия. Будем же сердечно приветствовать наших гостей: пришли наши старшие братья...»

Как он выглядел, этот «старший брат», святой отец Луис Торсаль, построивший храм на костях убитых майя?

Андрей никогда не видел его портретов, но в памяти почему-то всплывало лицо какого-то монаха — аскетическое, с запавшими щеками. Злые тонкие губы, глаза под набрякшими веками смиренно опущены долу, белоснежный воротничок высовывается из-под шелковой тонкой сутаны, а на шее — тяжелый серебряный крест...

Нет, это, конечно, не Луис Торсаль — настоятель какого-то скромного заштатного монастыря. Это ему вспомнился портрет епископа Диего де Ланды, прочно и навсегда пригвоздившего себя к позорному столбу истории своими зловещими «подвигами» в Юкатане.

Это ему, просвещенному епископу Диего де Ланде, обязаны мы тем, что от всей литературы древних майя уцелели лишь три неполные рукописи, над расшифровкой которых ученые бьются до сих пор.

В древнем городе Мани была богатейшая библиотека, ее собирали веками. И вот в 1549 году туда приехал Ланда и приказал вынести все книги на площадь и сжечь.

Костры запылали по всей стране. Ланда так увлекся, что даже присвоил себе самочинно функции инквизитора и начал пытаться и сжигать на кострах всех, кто имел несчастье попасть к нему в руки по обвинению в апостазии — «отступничестве от христианства и тайном жертвоприношении». Не щадили даже мертвых: выкапывали их из могил и тоже сжигали на кострах.

За столь фанатичную ретивость его пришлось на некоторое время отозвать в Испанию. А потом, через девять лет, он вернулся обратно и вдруг, словно спохватившись, начал старательно собирать и записывать уцелевшие предания погибающего народа. Но много ли их уже осталось? Ведь недавно он сам так старательно и беспощадно заставлял их забыть. И все книги сжег на кострах.

И все-таки сведения, собранные в старости Диего де Ландой в его «Сообщении о делах в Юкатане», оказались бесценными для историков. А приведенный в ней алфавит давно исчезнувшей письменности древних майя служит, в сущности, единственным ключом для расшифровки немногих уцелевших рукописей и всех надписей на календарных стелах и стенах древних храмов.

Самолет вдруг начал валиться на крыло.

Опять авария? Нет, оказывается, он так увлекся своими мыслями, что и не заметил, как долетели.

Сделав круг над затерянным городом, самолет пошел на посадку.

Их встречал необычно взволнованный Франко поразительной новостью. Начав расчищать гробницу, рабочие сдвинули в сторону саркофаг и обнаружили под ним замурованный ход, ведущий куда-то дальше, в глубины пирамиды!

Альварес был озабочен. Надо переводить рабочих на новое место и поскорее начинать раскопки возле миссии, пока святые отцы не спохватились и не за-

ручились какими-нибудь охранными грамотами. А тут еще непонятный загадочный ход обнаружен в гробнице. За что взяться?

— Решаем так, — сказал, наконец, профессор. — Гробница от нас не уйдет. Оставим тут Хосе с парочкой рабочих. Пусть он ее сторожит и помаленьку ищет могилы, наносит их на план. А мы отправляемся в Толуске. Сначала я, прихватив парочку рабочих, чтобы сразу начать копать, пока святые отцы не опомнились. Потом Джонни перебросит туда остальных...

— Мне нужен отдельный рейс, — сказал Андрей. — У меня лаборатория.

Альварес посмотрел на него и улыбнулся.

Настоятель встретил Альвареса совсем не так приветливо, как в первый раз. Пришлось снова произносить длинные пламенные речи. А рабочие между тем дружно взялись за лопаты, и отцу настоятелю не оставалось уже ничего другого, как покорно смириться и только наблюдать за раскопками из окна, похожего на крепостную бойницу.

Сонный церковный покой кончился. К ужасу настоятеля, между огородом, превращенным окончательно в посадочную площадку, и основным лагерем археологов в затерянном городе возник над диким лесом настоящий воздушный мост. Джонни летел снова и снова, доставляя рабочих и оборудование для раскопок, потом Андрея с его походной лабораторией.

Открытия — одно удивительнее другого — начались сразу, в первый же день.

За первым скелетом извлекли из земли второй, потом третий, четвертый...

Андрей, не обращая внимания на ворчание профессора, неуклонно устанавливал свою стерильную палатку над каждым вскрытым погребением, затем облачался в защитный костюм и брал из могил пробы для анализов. Потом он на всякий случай проводил тщательную обработку могилы дезинфицирую-

щими средствами и лишь только после этого разрешал к ней подступиться археологам, — разумеется, настояв, чтобы они тоже надели защитные костюмы...

Это приводило Альвареса в неистовство. Но Андрей оставался непреклонным.

Настало время проверить пробы, взятые из трех могил в затерянном городе. Андрей с душевным трепетом открыл термостат.

Электронного микроскопа у него не было, но и по косвенным признакам можно опознать невидимок.

Никаких следов вируса черной оспы! В пробах были признаки лишь обычной и безвредной для людей микрофауны.

Только в одной, по всем данным более древней гробнице обнаружилось присутствие микробов какого-то загадочного вида. Андрей пока опознать их не мог. Тут нужны более сложные анализы, которые можно было сделать лишь по возвращении в институт.

Итак, они снова столкнулись с загадками.

— Час от часу не легче, — огорчился профессор, когда Андрей сообщил ему о результатах своих исследований. — То черная оспа, то ее нет, но зато вы открываете еще какую-то загадочную напасть и не можете даже сказать определенно, что же это за болезнь. Вместо ясности все только темнее делается, а?

У Альвареса тоже хватало забот, Андрею даже неожиданно пришлось заняться деятельностью судебно-медицинского эксперта.

Некоторые из раскопанных скелетов почему-то лежали в неестественных позах, словно тела побросали в могилу как попало. Местами на костях виднелись следы повреждений, нанесенных какими-то острыми предметами.

— Посмотрите, эта плечевая кость у него явно рассечена мечом, — тянул к себе Андрея за рукав профессор. — Верно?

— Да, очень похоже. Но когда: при жизни или скелет был кем-то поврежден после? Я затрудняюсь определить...

— В этом потом разберутся специалисты. А сейчас вы постарайтесь тщательно и дотошно, как вы умеете, описать все повреждения, какие заметите. Потом мы все сфотографируем, пронумеруем и запакуем каждый скелет отдельно.

— А к какому времени относится это необычное захоронение?

— Почему-то очень мало погребальной утвари, так что трудно датировать. Но, боюсь, для вас оно не представляет особого интереса. Скорее всего его следует отнести ко времени испанского вторжения. Погребение почти в том же слое, что и фундамент церкви.

При всей своей азартности и вспыльчивости профессор вел раскопки с такой тщательностью и методичностью, которые не могли не восхищать Андрея. Мягкой кисточкой он осторожно расчищал землю вокруг каждой косточки или обломка посуды. И только пропитывать кости особым составом, чтобы не рассыпались от прикосновения, и упаковку их он поручал Франко, завистливо вздыхая:

— Это у него лучше получается. Пальцы у меня уже не те, грубоваты стали.

Начали «поспевать» пробы, взятые уже здесь, из могил общего захоронения возле церкви. Результаты оказались ошеломляющими: во всех обнаруживались явственные следы давней убийственной деятельности вируса черной оспы!

Значит, Альварес не ошибся в датировке: болезнь сюда уже успели занести испанцы.

Раскопки все больше озадачивали профессора.

— Ничего не понимаю, — ворчал он. — Что-то я так же запутался, как и вы со своими букашками. Несомненно, это массовое захоронение — своего рода древняя братская могила. Так? Вы согласны? Но почему часть трупов погребена по всем правилам ритуала, а другие складывали в эту общую могилу в полном беспорядке, словно наспех?

— Может, разгадку нужно искать в том, что ни на одном из скелетов в нижнем ряду я не нашел никаких повреждений костей? А на тех, что похороне-

ны в беспорядке, есть следы боевых ранений. И все это одни мужчины.

— По-вашему, это наблюдение что-то проясняет? — по-кошачьи раздув усы, фыркнул профессор. — А по-моему, делает загадку еще темнее. Уж не хотите ли вы сказать, что тут опять два захоронения, относящиеся к разным эпохам? Нет, между верхними и нижними слоями нет никакого промежутка. Оба захоронения явно сделаны в одно время — может, с промежутком в несколько месяцев.

— Почему же они так резко различаются между собой?

— Вот это-то я и хотел бы, наконец, выяснить, — тяжело вздохнул профессор.

Подумав, он сказал:

Пожалуй, тут пока работы надо прекратить. Мы извлекли уже двадцать три скелета, и во всех могилах без исключения вы нашли оспу. Материала набрали достаточно. Опять приближается время дождей, как бы не попасться снова. Оставим здесь Франко с рабочими, пусть он заканчивает обработку уже вскрытых могил и приводит все в порядок. Если и прокопаются до начала дождей, тут не страшно: места обжитые, есть дороги, легче отсюда выбраться. А мы с вами отправимся завтра же в затерянный

город и вскроем этот запечатанный ход. Не будет мне покоя, пока в него не загляну...

Так и сделали. И, прилетев в затерянный город, в тот же день начали вскрывать зацементированный проход. Рабочих тут было только двое, так что пришлось потрудиться всем, кроме Джонни, который весьма решительно отказался даже заходить в гробницу.

Андрей начал было настаивать, чтобы сначала принять обычные меры предосторожности — переодеться, поставить стерильную палатку, но Альварес возразил:

— Не попадем же мы сразу в чью-то древнюю могилу. Если там есть гробница, то будет уж по всем правилам сначала погребальная камера, затем саркофаг. До ваших проб еще далеко, успокойтесь.

Андрей все-таки захватил с собой и стерильную плиту, и защитную одежду, и даже ломик в пластиковом чехле.

Но профессор оказался прав. Когда пробили преграду, за ней оказался неглубокий колодец, очень похожий на тот, в какой Андрей свалился в прошлом году. И этот колодец так же выводил на лестницу.

А лестница привела их прямо в погребальную камеру, посреди которой стоял большой каменный саркофаг!

Камера напоминала пещеру, вырубленную во льду. Стены ее почему-то так и сверкали в лучах фонариков. Не сразу Андрей понял, что это просто за века на потолке и стенах паросли известковые со-сульки — сталактиты.

Но разглядывать их сейчас было не время.

— Назад! Все назад! — крикнул Андрей, весьма непочтительно подталкивая профессора. — Надо закрыть вход стерильной плитой и мне переодеться. Говорил я вам...

Альварес посмотрел на него тигром, но подчинился.

Закрыли проход стерильным занавесом, Андрей быстро натянул свое облачение и один вошел в камеру.

Сейчас он ничего не замечал, кроме саркофага. На его крышке, густо покрытой резными письменами, что-то сверкало. Что это могло быть?

Но Андрей сначала прошел в самую дальнюю часть камеры, куда наверняка не успели еще проникнуть современные микробы, ворвавшиеся в этот древний покой с приходом людей, и торопливо взял несколько проб в разных местах с каменного пола.

Так, теперь можно приниматься за саркофаг. Подойдя к нему, Андрей увидел лежащую на крышке погребальную маску. Она была сделана из маленьких разноцветных камешков — красных, зеленых и белых.

«Как же с ней быть? — подумал Андрей. — Она свалится и рассыплется, когда начну приподнимать крышку. Да и крышка тут потяжелее, одному не поднять. Придется звать на подмогу Альвареса...»

Он позвал профессора, поспешно добавив:

— Только непременно переоденьтесь! Там у меня в пакете есть еще один стерильный комплект...

Альварес нехотя подчинился. Войдя в погребаль-

ную камеру, он начал с любопытством осматриваться по сторонам, но Андрей поторопил его:

— Потом, потом! Сначала надо взять пробы из саркофага.

Вдвоем они осторожно сняли маску с крышки, подсунув под нее кусок пластиковой пленки. При этом Андрей, приглядевшись, заметил, что красные кусочки мозаики, оказывается, вовсе не камни, а окрашенные в кровавый цвет человеческие зубы и обломки костей. Странное и жутковатое украшение.

Мешая друг другу, они пытались поддеть ломиком крышку саркофага. Он срывался. Наконец крышка подалась. Оба навалились на ломик...

Плита немного приподнялась.

— Давайте берите ваши пробы, я подержу, — прохрипел Альварес сквозь марлевую маску. — Только не повредите ничего внутри.

— А вы не придавите мне пальцы.

Щель была такой узкой, что Андрей ободрал руку в кровь, просовывая в саркофаг пинцеты. Но все-таки шесть безусловно чистых проб он взять успел и поспешил отнести их в лабораторию.

Альварес так наволновался и устал, пока возились с крышкой, что решил отдохнуть часок, выпить крепкого кофе, немножко успокоиться и лишь потом не спеша начинать осмотр погребальной камеры.

— Вы мне весь археологический аппетит портите своими пробами, — сказал он Андрею.

— Ничего, зато какая гробница! — засмеялся тот. — Аппетит у вас быстро разыграется.

Отдохнув, они снова отправились в погребальную камеру, напоминавшую грот. В свете нескольких фонариков стены сверкали и переливались, словно их покрывала снежная изморозь. Натёки сталагмитов на каменном полу напоминали огромные капли воска, наплывшие с гигантской свечи.

По углам замерли на века в почетном карауле алебастровые воины в шлемах, увенчанных перьями. Их горбоносые лица были торжественны и мрачны.

Альварес первым делом начал разбирать письма на каменной резной плите саркофага.

— Так, это ритуальные обозначения Солнца, Луны, Полярной звезды и Венеры... А вот и дата, — он надолго погрузился в сложные расчеты, потом торжественно объявил: — Примерно начало седьмого века нашей эры, если не ошибаюсь, надо будет уточнить. Я же вам говорил, что пирамиды древние. А те захоронения, на которые мы наткнулись сначала, сделаны уже значительно позже — может быть, даже во время испанского нашествия и начавшихся эпидемий оспы. Интересно, что покажут вам пробы из этого саркофага?

— А почему на плите знак креста? — спросил Андрей. — Разве это не символ христианства?

— Нет. Этот крест не имеет никакого отношения к христианству. У древних майя он служил, видимо, символом божественной кукурузы, их главной кормилицы. Видите, горизонтальную перекладину креста обвивают двуглавые змеи, а выше сидит священный кетсаль в роскошном оперении.

Впятером, пользуясь принесенными шестью вместо рычагов, они довольно быстро подняли каменную крышку.

Открылась глубокая каменная чаша, окрашенная изнутри в кроваво-красный цвет. В ней покоился скелет, весь обложенный множеством украшений из нефрита: бусы, кольца, браслеты и серьги, маленькие ритуальные статуэтки. Огромное ожерелье из нефритовых бус окутывало сплошным покрывалом шею и плечи. Череп закрывала сильно попорченная погребальная маска, тоже из мельчайших кусочков нефрита.

Глазницы маски были сделаны из раковин, а зрачки — из обточенных кусочков вулканического стекла — обсидиана. Они сверкали, отражая свет фонариков, и это придавало маске зловеще-живое выражение.

Не позволяя никому приблизиться к саркофагу, Альварес при слепящих вспышках фотолампы сделал несколько снимков с различных точек. Потом саркофаг тут же закрыли.

Ничего в гробнице пока тоже трогать не стали: наверняка опять не успели бы закончить работу до начала дождей. Сделав несколько фотоснимков, ушли, тщательно замуравав за собой проход, по которому сюда проникли. Поставили на старое место саркофаг верхней гробницы, и снова никто бы не догадался, что под ним есть ход в недра пирамиды.

Сюда же сложили до будущей зимы все инструменты и оборудование — погребальная камера сразу стала похожа на вполне современный прозаический склад.

— Во время дождей сюда никто не сунется. А потом я сразу пришлю парочку вооруженных сторожей, — сказал Альварес.

— Сюда и так никто не проникнет, — сказал Джонни.

— Почему?

— Лакандоны не дадут.

На этот раз они, по мнению Андрея, были предумышленны, даже слишком. Успели все закончить, а потоп не начинался.

Профессор слетал в Толуске. Там тоже все привели в порядок и собирались в обратный путь. Настоятель, чтобы поскорее избавиться от назойливых и шумных гостей, даже пообещал дать грузовик до ближайшего городка — разумеется, за солидную плату.

Пока они вели раскопки возле церкви, Хосе Мария разыскал еще шесть мест среди развалин города, где, по его предположениям, должны находиться могилы — «или, во всяком случае, наверняка какие-то ямы...», — предусмотрительно уточнил техник.

Андрей уговорил Альвареса начать их раскопку, раз у них оставалось еще время.

— Опять попадемся, — проворчал профессор, но согласился.

Успели раскопать только две могилы — они были расположены рядом, на одном уровне и явно относились к позднему времени. В одном была похо-

ронена женщина, в другой — ребенок лет двенадцати. Никакой погребальной утвари.

Альварес сокрушенно покачал головой:

— Боюсь, что и это уже времен конкисты...

Андрей заложил пробы в термостат, но результаты узнать им сейчас уже было не суждено...

— Надо улетать, — решительно сказал Джонни. — За один рейс мне всех не увезти. А завтра начнется дождь.

— Откуда ты знаешь? Так уж и завтра?

Джонни ничего не ответил, только в глазах его под припухшими веками промелькнула усмешка. Может, и вправду он был потомком древнего жреца, унаследовавшим тайны сокровенных знаний?

Первым рейсом отправили Хосе с двумя рабочими. Джонни обещал тут же вернуться. Но, конечно, прилетел лишь через два дня опять опухший и особенно мрачный с перепоя.

С каменным лицом выслушав все, что накопилось на языке у Альвареса, Джонни кивнул и полез в кабину.

— Да, — сказал он вдруг, высовываясь из нее. — Слышали? Разбился Фернандо. Тот самый, что взорвал тогда пирамиду. И оба его дружка. Не успели вы их засадить за решетку. Бог вас опередил.

— А что случилось? — спросил Андрей.

— Авария. Заглох мотор над лесом. А самолет он посадить не сумел.

— Почему заглох мотор? — прищурившись, спросил Альварес. — Может, лопнул бензопровод?

— *Quien sabe?* Разве теперь узнаешь?

Взлетев, они сделали прощальный круг над затерянным городом, опустевшим и погрузившимся снова в мертвый покой до будущей зимы...

Опять они покидали загадочные развалины, затерянные в дремучих лесах, так и не зная, удалось ли приблизиться хоть немного к разгадке тайны покинутых древних городов, вдруг с горечью подумал Андрей.

Они улетели вовремя. Где-то на полдороге к Теносике их нагнала первая гроза.

Научный отчет или обвинение?

Итак, все исследования завершены. Настала пора подводить итоги. Что же удалось ему установить, провозившись снова три месяца в своей лаборатории с посевами и пересевами, пуская в ход и мощный электронный микроскоп, и ревущие центрифуги, и все новейшие методы «опознания» невидимок?

Андрей начал записывать по пунктам на листке бумаги:

«1. В обоих слоях массового захоронения, распанного в Толуске, обнаружены в больших количествах следы вируса черной оспы, но это погребение следует отнести, видимо, уже ко временам вторжения конкистадоров.

2. Такие же следы найдены в пробах из двух более поздних захоронений в пирамиде (правителя и четырех юношей, принесенных в жертву) и двух рядом расположенных могил, которые были раскопаны перед тем, как исследователи покинули затерянный город. Но и все эти погребения поздние, возможно, также времен испанских завоевателей...

3. Во второй, более древней гробнице, находящейся в глубине пирамиды, никаких следов вируса оспы не обнаружено, так же как и в трех могилах рядовых жителей затерянного города, принадлежащих тоже к более ранней эпохе (девятый-десятый века нашей эры, а погребение в каменном склепе, вероятно, даже пятого века).

4. В этом погребении найдены следы возбудителя малярии не встречающегося теперь вида, а в жертвенном групповом захоронении в пирамиде — вируса желтой лихорадки».

Вот, пожалуй, и все. Не густо.

Можно, конечно, еще добавить, что из грибковой

плесени, привезенной Андреем из тропических лесов, удалось вывести новый и, кажется, весьма перспективный вид антибиотика. Но ведь это открытие к основной загадке, ради которой они с такими трудностями странствовали по диким лесам, прямого отношения не имеет — надо иметь мужество это признать.

Ничего не попишешь, опять ему не повезло. Древность затерянного города и пирамиды в нем обманули Альвареса. А в пирамиде было устроено вторичное захоронение гораздо позднее — уже во времена конкисты. И могилы, в которых удалось обнаружить следы смертоносной работы вируса черной оспы, тоже относятся к этому времени. Спасаясь от испанских завоевателей, люди, естественно, уходили в глушь и прятались в развалинах древних городов. Раненые и заболевшие там и умирали. А они с Альваресом по ошибке приняли их могилы за такие же древние, как и сам затерянный город.

Что же удалось выяснить Андрею? Что оспу занесли в страну майя испанцы? Но это было известно уже давно.

Что древние майя иногда болели малярией и желтой лихорадкой? Но и это никого не удивит и не заинтересует. Очаги этих болезней существуют в тропических лесах с древнейших времен — в этом никто и никогда не сомневался.

А вот гипотезу насчет того, что эпидемии малярии или лихорадки заставили древних майя покинуть некогда свои города, — это еще надо доказать, уважаемый кандидат медицинских наук А. М. Буланов. Пока ваша гипотеза остается такой же шаткой, как и до путешествия.

Выходит, тайна покинутых городов остается нераскрытой?

Так с горечью думал Андрей, пока не получил от Альвареса толстый пакет.

«Мой дорогой друг и коллега!

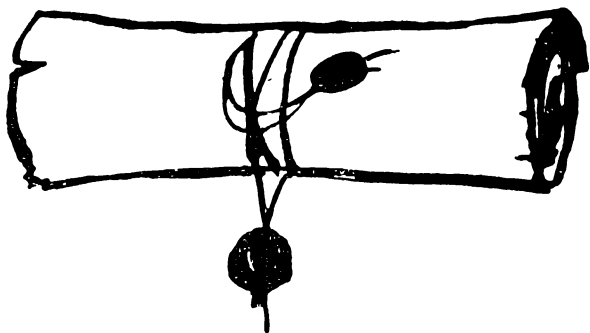
Поздравляю вас: нам поразительно повезло! Два месяца я провел в канцелярских дебрях различных учреждений гватемальской столицы и все-таки оты-

скал манускрипт этого брата Луиса Торсаля. И где бы вы думали? В архиве министерства земледелия!

Рукопись необычайно интересна.

Я подозреваю, что святые отцы просто-напросто не читали дальше первых страниц. Иначе бы они наверняка постарались скрыть манускрипт поглубже в своих архивах. А в столице его никто и не листал — просто занумеровали, внесли в каталог и положили преспокойно на полку, где он мог пылиться еще пятьсот лет вместе с другими бесценными рукописями, пока на них не наткнулся бы случайно ка-

кой-нибудь любознательный архивист, как это случилось недавно с бумагами гениального Леонардо да Винчи.

Сейчас мои ребята во главе с дотошным Франко (который просит передать вам самый теплый привет) готовят рукопись для издания. Как только они закончат работу, я немедленно вышлю вам полный текст с приложением фотокопий подлинника, а пока делаю выписки самых любопытных мест, принося извинения за их отрывочность, — как всегда, не хватает времени.

Итак, это нечто вроде воспоминаний Луиса Торсаля, «бывшего королевского офицера, а ныне настоятеля монастыря Святого Фомы в Толуске». Как и Берналь Диас, записки которого вам хорошо известны, этот Луис Торсаль проделал с Кортесом всю мек-

сиканскую кампанию, участвовал во многих сражениях. Затем в отрядах Педро де Альварадо он занимался завоеванием Гватемалы. Так что повидал он немало, и воспоминания его будут очень интересны и ценны для историков.

Написаны они в 1578 году языком живым и выразительным. Вот, скажем, беглая характеристика Эрнардо Кортеса:

«...Ездок он был превосходный, боец удивительный, в конном ли, в пешем ли строю, с каким угодно оружием.

К своим офицерам и солдатам, особенно к тем из нас, кто с ним вместе прибыл с Кубы, Кортес всегда относился сердечно и приветливо. Он знал по-латыни, был так же немного поэтом и охотно и легко слагал стихи. Говорил он сдержанно, но с большой убедительностью. Излюбленной своей защитницей считал он деву Марию, но премного почитал также Петра, Якова и Иоанна, щедро раздавая милостыню. Клялся он просто: «Порукой совесть моя!» А коль разгневается, то скажет: «Ах, чтоб вас чума!» В гневе на шее и на лбу у него раздувались жилы, иногда он сбрасывал в себя плащ, но никогда не изощрялся в брани, да и вообще был терпелив с людьми; часто мы, разгорячившись, скажем что-нибудь неладное, обидное, а он лишь скажет: «замолчите» и «отправляйтесь и пораздумайте! Как бы мне не пришлось вас наказать!»

Воля его была непреклонна, особенно насчет военных дел. Повеления его должны были выполняться во что бы то ни стало, какой угодно ценой. Пороиать его за это легко, но пусть не забывают, что он сам никогда и ни в чем не уклонялся, всюду был первым... Ночные обходы делал сам, проверял лично, как спят солдаты — в полном ли снаряжении, не раздеваясь, как было приказано, или раздевшись, в преступной беспечности. Во время похода в Гондурас он и сам ложился на часок после еды; раньше этого никогда не было, но годы и остальное сделали свое; расстилали коврик, и он на него валился, будь дождь или палящая жара, все равно...»

А вот портрет Педро де Альварадо:

«...Он был очень хорошо сложен, хороших пропорций, с очень веселым лицом, милым взглядом, и потому что он был так красив, мексиканские индейцы называли его Тонатиу, что означает «солнце». Он был необычайно ловкий и хороший наездник, но прежде всего хороший оратор. Одевался он в дорогие одежды, носил золотую цепь с драгоценным камнем и перстень с прекрасным алмазом. Но внешность его была обманчива: он был человеком, прямо-таки жаждущим убийств...»

Не правда ли, превосходно?!

Я не стану пересказывать вам все, перехожу сразу к самому интересному и важному для нас. Весной 1539 года большой отряд испанцев вторгся с юга в тот лесистый край, где мы с вами недавно странствовали и вели раскопки. Их манили слухи о каких-то «больших и старинных богатых городах», находившихся здесь. Отрядом командовал Лопес де Овьедо, очень высоко ценивший боевой опыт Лунса Торсалья и сделавший его как бы своим ближайшим военным советником и помощником. Но тот его недолюбливал и часто иронически называл «сладкоголосым» за то, что этот Лопес любил напевать жиденьким тенором чувствительные песенки и при этом подмигивать, приглашая всех оценить его талант.

Сначала индейцы приняли испанцев довольно мирно, но вскоре дали им дружный отпор:

«...Из селения пришло человек пятьдесят индейцев, вроде касиков, в хороших бумажных одеждах. Знаками они спросили нас, что нам нужно, а затем — прибыли ли мы с восхода. Затем они предложили пойти в селение. Посовещавшись, мы согласились и последовали за ними с великой опаской.

Привели они нас к ряду крупных строений, весьма ладно построенных из камня и оштукатуренных. То были храмы с изображением змей и божеств на стенах; вокруг алтаря ясно были видны брызги совершенно свежей еще крови, а на некоторых изображениях, к нашему несказанному удивлению, — знаки креста.

(Помните, мой друг, как и вас удивил этот крест, изображенный на крышке древней гробницы?..)

Народу везде было множество. Женщины улыбались нам, и все казалось мирным и спокойным. Но вот появилась новая толпа, в плохих одеждах, неся связки сухого камыша, который они складывали в одну кучу. Одновременно прибыли и два отряда воинов с луками, копьями, щитами и пращами, во главе со своими предводителями. Вдруг из соседнего храма выбежало с десятков индейцев в длинных белых одеждах; волосы их были настолько перепутаны и загрязнены запекшейся кровью, что их нельзя было расчесать, а только срезать. Это были жрецы.

Они несли курения вроде смолы, прозываемые у них «копал», жрецы окурили нас из глиняных плошек, в которых был огонь, и знаками дали понять, что мы не можем дольше оставаться в селении и должны уйти раньше, чем сгорит принесенная куча камыша, а то нас атакуют и убьют.

Затем они повелели зажечь кучу, и весь народ, построившись в отряды, стал трубить в раковины, бить в барабаны, играть на флейтах.

Вспомнили мы раны, полученные прежде, и сомкнутым строем ушли из поселка.

На следующий день Овьедо решил со всеми нашими силами захватить селение. Но такая же решимость отстоять его была, по-видимому, и у врага.

Помню, как сейчас, эту ужасную резню; стойкость врага была выше всякого вероятия, самые громадные потери как будто проходили незамеченными, а неудачи лишь увеличивали боевую ярость... Право! Я не в силах описать этот бой. Мои слова слабы и холодны. Ведь говорили же некоторые из наших солдат, побывавшие в Италии и еще более далеких странах, что никогда не видели подобного ожесточения.

А теперь скажу два слова и о себе и поведаю об одной странности, которая долго меня мучила, да так и осталась неразгаданной. Именно. С тех пор как я не раз был свидетелем, как наши бедные товарищи, захваченные врагами, приносились в жертву, меня охватила боязнь, что и мне предстоит та же

участь. Мысль эта стала навязчива, и канун всякой битвы был для меня мучением. А ведь всякий знает, что я не трус, что меня любили и уважали, как одного из наиболее отважных! Но боязнь была, и отпадала она лишь в самом бою, что тоже не менее удивительно. Вот такое состояние меня долго угнетало; и в чем тут дело, я и до сих пор не знаю: виновата ли излишняя усталость или постоянная напряженность? Теперь — дело прошлое, а посему я свободно могу об этом поведать...»

Правда, прелестное по своей безыскусной искренности признание?!

Испанцам никак не удавалось сломить сопротивление воинов майя и прорваться к заветным «большим и богатым городам». К тому же среди них началась оспа — внимание, мой друг, пошло самое важное!

«...Мне говорили, что среди людей Нарваеса был негр, больной оспой. От него-то страшная болезнь и пошла по всей Новой Испании, где никто раньше о ней не слыхал; опустошения были ужасающие, тем более что индейцы не знали никаких способов лечения, кроме омовений, которыми они еще более заражались. Так умерло великое множество несчастных, не испытав даже радости быть сопричтенными к христианской вере.

Многие захворали и у нас в отряде, испытывая жестокое колотье в боку и харкая кровью, отчего за последние дни умерло пять человек».

И вот у сладкоголосого Лопеса де Овьедо созрел коварнейший план. Вот что рассказывает об этом Луис Торсаль:

«...Вечером на привале он спросил меня, по своему обычаю подмигнув: «Ты помнишь романсеро об эмире Альмансоре из Кордовы?» — и тут же пропел немного своим сладким голосом. «Помню», — ответил я. Он снова подмигнул и сказал: «Если неверные так поступали с нами, то почему бы нам не поступить так же с неверными?» Я сразу понял, что он задумал...»

Вы, конечно, не знаете этого романсеро, мой мо-

лодой друг, и не поняли, что же задумал коварный де Овьедо. Я тоже сразу не понял. Потом так заинтересовался, что разыскал эту старинную испанскую песню. Копию ее могу вам прислать, если пожелаете, а пока просто перескажу ее своими словами.

В романсеро рассказывается об одном событии тех давних времен, когда испанцы вели борьбу с маврами за обладание Пиренейским полуостровом. Им удалось отвоевать Кордову у эмира Альмансора. Воинов у эмира осталось мало, но он никак не хотел смириться с поражением и решил отомстить испанцам любой ценой.

И вот в один прекрасный день испанские часовые вдруг неожиданно увидели, что к городским стенам подходит какой-то человек — босой, в жалком рубище, с непокрытой в знак раскаяния и покорности головой. В нем трудно было узнать еще недавно столь гордого и могущественного эмира Альмансора. Он заявил, что сдается на милость победителей и готов отречься от ислама и принять христианство.

Испанцы уважали храбрых противников. Почетный пленник был принят весьма торжественно, тут же окрещен, и король даже пожаловал ему титул испанского гранда.

А через несколько дней Альмансор заболел. Заболели вскоре и все, с кем он встречался за эти дни празднеств и ликований, а желающих посетить почетного отступника, побеседовать, пообедать и выпить с ним оказалось много. Всех их сразила чума.

Умирая, Альмансор сознался: он нарочно заразился чумой в притонах одного приморского города, чтобы принести страшную болезнь в дар врагам и тем отомстить им. Так велика была его ненависть к захватчикам...

Теперь вы тоже понимаете, что задумал большой любитель и знаток старинных романсеро сладкоголосый Лопес де Овьедо?

Однако слово Луису Торсалию:

«...Но мне показалось это дело злодейским и недостойным христианина. Так я и сказал ему. Он больше ничего не стал со мной говорить, но выполнил, что

задумал, и, надо признать, с большим искусством. По его приказу, всех индейцев, захваченных в плен, теперь помещали на несколько дней в одно помещение с больными. Потом Лопес объявлял, что дарует им свободу и они могут вернуться к своим соплеменникам и рассказать им о милосердии воинов христианнейшего короля Испании. Часть заразившихся оставляли еще на несколько дней, чтобы они могли передать болезнь новым пленникам. Некоторые догадывались о том, почему их отпускают, и отказывались вернуться к своим, требуя, чтобы их лучше казнили. Таких загоняли обратно в леса силой...

Но и этот дьявольский план не помог. Дорогу к «большим и богатым городам в лесу» испанцы так и не нашли. Видимо, вожди и жрецы майя разгадали их замысел. Заразившиеся воины заняли оборону в таких местах, чтобы отвлечь захватчиков подальше от своих святынь. Там они нарочно бились особенно упорно и ожесточенно за каждое небольшое селение, понимая, что все равно обречены на мучительную смерть. А обманутые конкистадоры думали, будто они как раз на верном пути и вот-вот пробьются к заветным богатейшим городам, хотя на самом деле их увлекали все дальше от них...

«...В день благовещения, ранним утром, после краткой мессы мы в боевом порядке двинулись вперед, к поселку, где сгруппировались враги. Произошла битва, настоящая битва, одна из самых страшных на моей памяти.

Число неприятеля было так велико, что на каждого из нас приходилось сотни по три, и все окрестные поля кишели людьми. Как бешеные псы, набросились они на нас, хоть и многие были больными, и с первого же натиска наших 70 человек было ранено, а трое убито. Впрочем, и мы изрядно отбивались и выстрелами и холодным оружием, так что враг несколько отошел, предполагая, что мы его настичь не сможем, а он нас будет расстреливать неустанно. Но наш Меса взял их отлично на прицел, и артиллерия могла бить по ним сколько душе угодно. Тем не менее они не дрогнули, и сколько я ни советовал про-

известить атаку, зная по опыту, что им не выдержать наших клинков, Овьедо все медлил...

Никогда не забуду адского шума, свиста и крика при каждом нашем выстреле; буду всегда помнить, как они с заклинаниями бросали вверх землю и солому, как они делали вид, что не замечают своих потерь. Таким образом Овьедо удалось с конницей подойти незаметно. Долго мы его ждали, но он был задержан топкими местами, а потом сражением с крупным отрядом, причем было ранено пять всадников и восемь лошадей. Теперь же он, наконец, нагрянул с тыла, и маленький отряд его произвел чудеса, тем более что и мы перешли в наступление. Никогда еще индейцы не видели лошадей, и показалось им, что конь и всадник — одно существо, могучее и беспощадное.

Условия местности были весьма выгодны для действий конницы, и наш малый отряд то и дело мог прорывать ряды врага, кружиться вокруг него, внезапно ударять в тыл, временами врубаться в самую чащу. Конечно, все мы, всадники и кони, скоро покрылись кровью, своей и чужой. Не повезло Лопесу де Овьедо, он одним из первых пал мертвым, пронзенный стрелою в ухо. Рядом с ним убили еще четверых, лошади были поранены, но натиск наш не ослабевал.

Вот тут-то они и дрогнули, но и то не побежали, а отошли к далеким холмам.

С великой радостью бросились мы на землю, в тень, чтобы немного успокоиться и отдохнуть, затем все вместе возблагодарили бога за победу. Был, как я уже сказал, день благовещения, и вот назвали мы этот городок Св. Мария Победоносная, но название это не прижилось и потом все продолжали называть его по-старому — Толуске...»

Итак, победа, добытая столь жестокой ценой, оказалась мнимой. Грабить в захваченном селении оказалось нечего. А дорогу к большому городу конкистадоры так и не узнали...

Луис Торсаль участвовал еще в нескольких сражениях, а потом удалился на покой, получив в награ-

ду за свои ратные труды небольшое поместье — энкомиенду.

Но, видимо, совесть и раскаяние мучали его. Он не мог забыть, что принял участие в таком злодействе. Пишет какие-то письма с покаянными жалобами, но, как мы уже знаем из ответа, найденного в мадридском архиве, их оставляют без внимания, ссылаясь на то, что, дескать, болезни среди народа майя свирепствовали и раньше. В 1567 году он постригается в монахи и отдает все свое состояние на строительство храма в том самом селении Толуске, где погибли в жестоком, но напрасном бою Лопес де Овьедо и многие его товарищи. Рассказав об этом, Луис Торсаль не может удержаться от жалобы:

«...А что стало с теми, которые совершали все эти подвиги? От 550 товарищей, отправившихся вместе с Кортесом с острова Кубы, ныне, в 1578 году, в Новой Испании осталось не более трех! Остальные погибли на полях сражений, на одре болезни. Где памятник их славы? Золотыми буквами должны быть высечены их имена, ибо они приняли смерть за великое дело. Но нет! Мы трое согбены годами, ранами, болезнями, и влачим мы остаток своей жизни в скромных, почти убогих условиях. Несметное богатство доставили мы Испании, но сами остались бедны. Нас не представляли королю, нас не украшали титулами, не отягощали замками и землями. Нас, подлинных конкистадоров, людей «первого призыва», даже забыли: Гомара много и красиво говорит о Кортесе, о нас же не упоминает. Конечно, Кортес был нашим сердцем и головой, он нас направлял и объединял, но без нас, своих сотоварищей, не свершить бы ему всех подвигов.

Но довольно! Да починут все в мире. Амины!

Стар я теперь, а события того времени живой стеной теснятся вокруг меня!

Подтверждаю, что все рассказанное здесь — истинная правда, ибо во всех битвах и всех предприятиях я лично участвовал. Не старые басни, не деяния римлян, что случилось 700 лет тому назад, а то, что сам видел и пережил, рассказываю я, точно указывая,

как, где и когда все произошло. Ибо все это составил я по собственным записям и заметкам и закончил милостью божьей 26 февраля 1578 года.

И ты, дражайший читатель, помолись также со своей стороны богу и прими мой малый труд, простив недостатки его. И да суди их по примеру блаженного Августина, различающего того, кто исповедует свои грехи или ошибки, и того, кто защищает их; и да простишь ты мои грехи, как бог прощает мои и твои, по словам пророка, который сказал: господи, исповедую я мои пороки и несправедливости, и тотчас ты дашь их прощение...»

На этом заканчивается рукопись.

Вот что мы узнали, дорогой друг. Чудовищное злодейство! Можно ли этому верить? Но ваши исследования, которые поначалу так нас озадачили, по-моему, подтверждают исповедь Торсаля...»

Можно ли этому верить? Андрей оторвался от письма и задумался.

А почему нет? Бактериологические войны люди ведут уже очень давно. Они занялись этим гораздо раньше, чем научились защищаться от болезней. Тому свидетельством хотя бы этот старинный роман-серио.

Но эмир Альмансор хоть мстил вторгшимся захватчикам, защищал свою свободу. А в семнадцатом веке голландские колонизаторы применили точно такую же подлую тактику, что и этот сладкоголосый Овьедо, против республики Паламарес, созданной беглыми рабами-неграми в глухих лесах Бразилии. Каратели никак не могли их победить в бою и начали засылать в леса рабов, специально зараженных оспой.

А в следующем столетии в Северной Америке, чтобы сломить сопротивление непокорных индейских племен, им стали подбрасывать через сердобольных миссионеров зараженные одеяла, которыми раньше накрывали больных оспой. И «черная смерть» пошла разгуливать по уединенным стойбищам и поселкам...

Да зачем лезть в историю! Разве и сейчас мало

безумных подлецов, мечтающих пустить в ход смертоносных невидимок? Совсем недавно Андрей читал заметку в вечерней газете и даже вырезал ее.

Он поискал в письменном столе. Вот она:

«Рим, 13 сентября (ТАСС).

«В Западной Германии испытывается бактериологическое оружие», — пишет итальянская газета «Паэзе сера». Газета помещает сообщение из Франкфурта-на-Майне, в котором говорится, что «случаи таинственной смерти, отмеченные в научных лабораториях Западной Германии, очевидно, связаны с испытанием нового вида бактериологического оружия». «В лабораториях института «Пауль Эрлих» во Франкфурте-на-Майне и на заводе «Беринг» в Марбурге под большим секретом проводятся исследовательские работы и испытания, — указывает «Паэзе сера». — Именно среди работников этих лабораторий отмечено по крайней мере 24 случая неизвестных заболеваний, шесть человек умерли. Медицинские власти, сначала утверждавшие, что речь идет о случаях заболеваний тропической лихорадкой (это мнение затем было опровергнуто), теперь хранят абсолютное молчание».

«Случаи во Франкфурте-на-Майне и в Марбурге, — отмечает «Паэзе сера», — напоминают смерть английского ученого Бэктона от чумы в 1962 году, когда он проводил эксперименты с новым видом бактериологического оружия».

Послать заметку Альваресу? Пусть убедится, что ничего невероятного в рассказе этого Луиса Торсала нет.

Но вот у вас, уважаемый товарищ Буланов, оказалось, нет никакого открытия...

Вздыхнув, Андрей опять взялся за письмо.

«...Теперь мы знаем, откуда взялась в Толуске эта загадочная братская могила зараженных оспой воинов майя: конечно, конкистадоры, раздосадованные своей «победой», больше похожей на поражение, перебили всех людей майя, кто остался в живых после боя. А на кладбище и так уже было немало могил людей, погибших от оспы.

Вот что мы с вами узнали. И непонятно даже, что

приходится нам теперь составлять: научный отчет о наших открытиях или судебное обвинительное заключение?

Большой город испанцы так и не нашли, хотя в него и успела, как мы теперь узнали, проникнуть «черная смерть», поразив даже правителя. Потому и трудно оказалось датировать эти захоронения, что нет в них никакой погребальной утвари: людям было уже не до соблюдения ритуальных обрядов, когда все горело вокруг.

Это нам посчастливилось найти его, но, увы, с опозданием на четыре с половиной столетия...

Все, что мы узнали, полагаю, подтверждает мою гипотезу. Покинуть на рубеже девятого века свои древние города майя заставили народные восстания, охватившие всю страну. Народу надоело бесконечно строить календарные стелы, памятники, пирамиды и храмы. Он восстал против трутней-жрецов: об этом свидетельствуют пусть немногие, но очевидные следы разрушений, о которых вы знаете, — расколотые плиты и стелы, поврежденные картины.

Или просто земледельцы перестали кормить города, и они опустели — это тоже вполне вероятно.

Но страна не была покинута! Это раньше мы ошибочно принимали гипотезу Морли, будто дворцы и храмы Нового царства в Юкатане были построены переселившимися с юга обитателями покинутых городов Древнего царства. Новейшие раскопки опровергают это начисто. Северные города столь же древни, как и южные.

Но если не было никакого великого переселения, то куда же девались обитатели покинутых городов? Ответ, мне кажется, может быть лишь один: они никуда не уходили и продолжали жить на прежних местах. Только в городах жизнь замерла (а может, и там продолжалась), прекратилось лишь, несомненно, строительство новых храмов и календарных стел, ибо власть жрецов кончилась.

Чужеземное же вторжение (я читаю ваши мысли, мой друг, и опережаю возражения), наоборот, привело бы к восстановлению этой власти, ибо всегда

и везде первой с захватчиками примиряется правящая каста и просто начинает делить с ними власть.

Так и произошло, кстати, на севере, в Юкатане, где с приходом тольтеков из Центральной Мексики власть жрецов, видимо, была восстановлена, потому что опять началось строительство пышных храмов, пирамид и дворцов, прекратившееся на какое-то время.

А на юге — нет. И не случайно, видимо, эти края стали последним оплотом государства майя в борьбе с конкистадорами. Только через полтора столетия непрерывных войн смогли испанцы захватить последнюю крепость майя Тайасаль на острове посреди озера Петен-Ица, построили на ее развалинах тюрьму и церковь и окрестили новым пышным названием — Флорес... *

Но именно такое упорное и длительное сопротивление и подтверждает неопровержимо, что эти ныне глухие лесные края были в те времена достаточно густо населены, а вовсе не покинуты!

Вся беда в том, что, рассматривая давно минувшие исторические эпохи издавека, мы нередко незаметно для себя теряем, так сказать, ощущение временной перспективы, что ли, ощущение протяженности и объемности событий, — как бы получше выразиться, чтобы вы поняли меня?

Не надо забывать, что и во времена древних майя, несмотря на разницу календарей, каждый год имел столько же дней, что и ныне, и каждый день вмещал много самых различных событий. Нет документов и не дошло никаких сведений — и вот вам уже начинается казаться, будто в этом месте был некий пробел в истории, перерыв в цепи событий. Но ведь это не так! На самом деле не было никаких провалов и пробелов. Они существуют лишь в наших знаниях!

Вы следите за моими рассуждениями? Убеждают они вас?

Нам посчастливилось найти рукопись этого Луиса

---

* Цветы (исп.).

Торсалья, которая сразу многое прояснила. Конечно, это счастливая случайность, и не будь ее, мы бы, наверное, еще долго ломали головы и блуждали в потемках: откуда взялась братская могила израненных и зараженных оспой воинов? Но все равно кто-то рано или поздно наткнулся бы на эту церковь, узнал о погребении, другой нашел бы в архиве манускрипт — и все разъяснилось, хотя и не так скоро.

Значит, надо искать! Искать всюду: и в земле и в архивах. Помните, я говорил, что наверняка еще много ценных старинных документов пылится в архивах, а мы ничего не знаем о них? Разве я не был прав? По всем провинциям Мексики и Гватемалы, некогда составлявшим страну древних майя, разбросаны ведь сотни таких церквушек и монастырей. Там наверняка еще скрыто множество документов и манускриптов, написанных первыми монахами, вступившими в страну вместе с конкистадорами.

Я даже уверен, что мы отыщем когда-нибудь в этих архивах или, может, в древних тайниках, скрытых среди развалин покинутых городов, манускрипты и документы и самих майя. Ведь не могли же в самом деле все до единого их сжечь Диего де Ланда и его проклятые сподвижники! Как хотите, но это было им не по силам. Надо искать!

Мы еще только начали разбираться в письменности древних майя. Мы почти ничего не знаем об их общественно-политическом строе — особенно в эпоху после того, как жизнь в городах замерла.

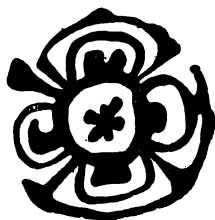
Но то, что она не прервалась совсем, мне кажется, бесспорно. Мы с вами это доказали нашими исследованиями в том городке, что я начал раскапывать еще несколько лет назад, и находками на дне священного колодца, и в особенности открытием пирамиды с двойным захоронением в большом Затерянном городе. Пусть это название так за ним и останется, если вы не возражаете, ведь мы имеем на это право первооткрывателей его — вы, я и, конечно, Джонни! (Кстати, его фамилия Дуран, как я узнал только теперь — думаю, и для вас это новость, ведь мы привыкли называть его глупым прозвищем Бэтмен.)

Всюду мы находили доказательства того, что жизнь здесь продолжалась вплоть до прихода конкистадоров, встретивших жестокий отпор.

Ваша гипотеза, к сожалению, пока не подтвердилась. Я говорю — пока, потому что слишком мало еще проведено исследований и добыто материалов, чтобы отказываться от нее окончательно.

Я понимаю, мой дорогой друг, что вам сейчас не очень весело. Но и слишком огорчаться, по-моему, у вас нет оснований. Ведь то, что мы узнали, проявилось благодаря и вашим исследованиям! Вы искали одно, открыли другое, наука все равно выиграла. Так что не огорчайтесь! В науке напрасных поисков и открытий не бывает, даже кажущаяся неудача обогащает нас новыми знаниями.

А знаем мы о народе майя еще очень и очень мало. Будем и дальше продолжать поиски вместе. Как любит говорить наш старый монтеро Бенито: «La carga se regla con el camino!»

Содержание

Часть первая

Тайна покинутых городов	7
Окаменевшая улыбка	19
Дорога в прошлое	31
Развалины в джунглях	47
Заветная могила	62
Летающий жрец	81
Одинокая пирамида	97

Часть вторая

Крылатые бандиты	115
«Бог-змея»	126
Незванные гости	137
Опасный полет	146
Затерянный город	154
Лесной плен	162
В недрах пирамиды	171
Светопреставление	183
Ошеломляющие новости	195

Часть третья

Чудеса бывают!	209
Чудесные неожиданности продолжаются	224
Научный отчет или обвинение?	238

Голубев Глеб Николаевич

СЛЕДСТВИЕ СКВОЗЬ ВЕКА. Повесть.
М., «Молодая гвардия», 1969.
256 с., с илл. **Р2**

Редактор А. Строев

Рисунки художника О. Новозонова

Оформление художника В. Терещенко

Художественный редактор Г. Позин

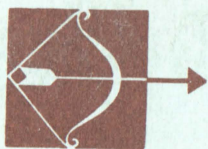
Технический редактор А. Захарова

Сдано в набор 28/XI 1968 г. Подписано
к печати 23/IV 1969 г. А04787. Формат
84×108¹/₃₂. Бумага № 2. Печ. л. 8 (усл.
13,44). Уч.-изд. л. 12,1. Тираж 100 000 экз.
Цена 39 коп. Т. П. 1968 г., № 216.
Заказ 1914.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая
гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

39 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

